

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
И ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1947 ЛЕНИНГРАД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор чл.-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

С. Н. Бибилов, С. В. Киселев, А. Л. Монгайт,
С. А. Тараканова

В. И. ЛЕНИН

И. В. СТАЛИН

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Коренные изменения в жизни нашей Родины произошли после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Она разбудила многомиллионные массы России и вызвала к творчеству могучие силы освобожденных народов. Это нашло свое ярчайшее отражение в том расцвете культуры и науки, которым ознаменованы были уже первые годы жизни Советской страны. Археологическая наука пережила свое подлинное возрождение. Оно прежде всего выразилось в том, что ясно определились задачи археологического исследования. До Октября лишь немногие передовые русские археологи видели в своей деятельности работу историка и стремились анализировать прошлое, воссоздавая его по вещественным памятникам. Однако, большинство исследователей оставалось в плену идеалистического мировоззрения.

Советские археологи поставили своей задачей историческое изучение прошлого народов СССР по археологическим памятникам. В основу их исследований легло марксистско-ленинское учение об обществе, его развитии и роли в нем материального производства. Большую помощь, особенно в разработке этногонических проблем, оказало новое учение о языке, созданное академиком Н. Я. Марром.

Придавая важное значение задачам исторического исследования, советские археологи не замыкаются в кругу своих специфических материалов, но стремятся к всестороннему изучению вопросов путем привлечения наряду с археологическими и других источников — языковых, этнографических, собственно исторических и антропологических. Соответственно организуется и экспедиционная работа. Совершенно необходимо уловить даже самые мелкие детали, которые могут помочь при реконструкции истории хозяйственных, социальных и бытовых форм. Методические приемы позволяют исследовать добытый материал с возможно большей глубиной при помощи геологии, почвоведения, палеоботаники, палеоантропологии и других отраслей знания.

Главным центром археологических исследований в первые же годы после Революции явилась созданная по указанию В. И. Ленина Государственная Академия истории материальной культуры (ныне Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР).

Значительную роль в успехах советской археологии с самого начала играет разветвленная сеть музеев — этих центров исследовательской работы в самых отдаленных уголках нашей необъятной страны. Благодаря их деятельности достоянием науки стали многотысячные коллекции древностей, собранных энтузиастами — любителями родной истории.

Последнее время перед Великой Отечественной войной и особенно послевоенные годы характеризуются развертыванием широкой сети научно-исследовательских археологических центров Академии Союзных Республик, филиалы и базы Академии Наук СССР и научно-исследовательские институты языка, литературы и истории, возникшие в большинстве национальных областей и даже районов, включают в свои планы работу по археологии.

Большое развитие получило и высшее археологическое образование. Если до Октября археология преподавалась в университетах лишь в качестве необязательного предмета и специальное археологическое образование можно было получить только в так называемых археологических институтах, то в советских университетах археологические дисциплины стали органической частью программы исторических факультетов. Каждый историк вооружается необходимым запасом знаний по археологии, а специализирующиеся по археологии получают широкое историческое образование. Это окончательно кладет предел замкнутости, вещьведческой ограниченности археологов старого типа. Советский археолог по самой системе своего образования прежде всего историк, призванный решать исторические вопросы путем всестороннего исследования специфического археологического материала. Все эти сдвиги нашли свое выражение и в размахе экспедиционной деятельности советских археологов. За 30 лет археологи изучили большинство районов территории СССР, постепенно ликвидируя обширные белые пятна на археологической карте.

Значителен размах и советских археологических изданий. Достаточно указать на такие серии, как «Сообщения» и «Известия» 6. Академии истории материальной культуры, ее журнал «Проблемы истории докапиталистических обществ», «Труды Секции археологии РАНИОН», серийные издания «Советская археология», «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР», «Материалы и исследования по археологии СССР», журнал «Вестник древней истории», «Труды Государственного исторического музея», издания Грузинской, Армянской, Украинской и Белорусской академий наук и филиалов Академии Наук СССР, а также ряд изданий местных научно-исследовательских институтов, университетов и музеев. Издаются в СССР и монографии, подытоживающие достижения в отдельных областях археологии.

В результате развития археологических исследований уже восстановлены многие страницы бесписьменного периода в истории СССР, и многие вопросы, недостаточно освещенные письменными источниками, нашли свое разрешение благодаря археологическим раскопкам. Это сделало возможным создание обобщающих работ по древней истории нашей Родины. Первым опытом явились два тома «Истории СССР», изданные перед войной Институтом истории материальной культуры им. Н. Я. Марра.

Открытия советской археологии настолько велики и разносторонни, что необходимы специальные обзоры по различным ее отраслям. В данном очерке отмечается лишь то, что имеет принципиальное значение и показывает теоретический уровень нашей дисциплины, являющейся частью ленинско-сталинской исторической науки.

Уже неоднократно писалось о достижениях в изучении древнего каменного века на территории СССР. Многочисленные раскопки открыли сотни палеолитических местонахождений вместо единичных, известных в старой России. Расширился и хронологический диапазон нашего знания палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Не только в Крыму, но и на Севере — в Прикамье, а также в Средней Азии обнаружены среднепалеолитические стоянки и остатки неандертальцев. На Кавказе впервые удалось обнаружить нижнепалеолитические местонахождения ашельского возраста.

ста. Разъяснились и вопросы перехода от палеолита к неолитической эпохе.

Весь этот огромный материал подвергся тщательному изучению, и в результате создана история палеолитического человека. Вопреки многочисленным попыткам западноевропейских ученых опровергнуть материалистическое учение Энгельса о первобытном обществе, советские археологи обнаружили в материалах по палеолиту неоспоримые доказательства наличия древнейших стадий первобытно-общинного строя у людей нижне- и среднепалеолитических эпох. Важнейшим достижением явилось открытие сложения родового строя, его древнейшей матриархальной ступени в эпоху верхнего палеолита и объяснение этим крупнейшим общественно-историческим переворотом самой трансформации неандертальцев в современный вид человека. Этим прежде всего были опровергнуты идеалистические концепции буржуазных археологов и этнологов, отрицающих древность матриархата по сравнению с патриархальным строем, в котором они хотели видеть исконный для человечества прототип буржуазных общественных установлений. Одновременно получила новое материалистическое объяснение история самого человека. Это было особенно необходимо, так как противники эволюционной теории именно здесь пытались найти «неопровержимые доказательства» против дарвинизма.

Исследования по неолиту, основанные на раскопках сотен неолитических стоянок и могильников в самых различных областях СССР, также стремятся дать историю неолитического населения нашей страны. Не только установлены стадии этой истории — выделены ранне-неолитические памятники свидерского и тарденуазского типов, но получили культурно-историческое определение и памятники развитого неолита, еще недавно рассматривавшиеся суммарно. Удалось установить хронологию неолита и в связи с этим выделить на Севере большую серию стоянок так называемого «лесного неолита», где неолитический быт населения явился пережитком, удерживавшимся в III и II тысячелетиях до н. э., когда на Юге уже господствовала бронза. Такое выяснение неравномерности развития отдельных районов Восточной Европы и Северной Азии способствует более конкретному, не схематическому изображению их древнейшей истории. Вместе с тем многочисленные исследования в различных областях СССР дали возможность выделить местные неолитические культуры, показать их внутреннее развитие, взаимоотношения и смены одной культуры другой и дать историко-материалистическое объяснение этим процессам.

Самое представление об археологических культурах как разносторонних комплексах археологических фактов, отображающих состояние древних обществ и изменяющихся в силу их развития, резко противоположно буржуазно-идеалистическим построениям, для которых именно характерен уход от анализа внутренних причин развития, замена их внешними факторами заимствований, миграции и поглощений одной культуры другой. Самые определения «культурных кругов» или «культур» покоятся там на вырванных из комплекса отдельных признаках и оставляют широкие возможности для антиисторических построений расселения фантастических народов-культуротворцев. Подобные построения откровенно служат империалистическим интересам буржуазии. Советские археологи, критически анализируя эти теории, уже неоднократно имели случай показать всю их антинаучность. Так, были подвергнуты уничтожающей критике построения индогерманистов в отношении древнейшей истории Европы эпохи неолита и энеолита.

Работы советских археологов по энеолитическим культурам так называемой крашеной керамики, отличающиеся глубиной анализа археологических фактов, создают прочный фундамент для разгрома индогерманистских

теорий. Проведенные с высокой тщательностью исследования поселений трипольской культуры на Украине показали во всем многообразии жизнь раннеземледельческого населения юго-запада СССР. Анализ хозяйства и памятников общественного устройства привел к открытию внутренних причин развития Триполья, прошедшего сложный путь от первобытного состояния матриархальных земледельческих общин до развития форм отцовского рода. Произведенный советскими археологами анализ внутренних причин развития так называемых культур крашеной керамики Южной Европы позволил сделать заключения, диаметрально противоположные построениям индогерманистов, видевших одни только столкновения, вытеснения и поглощения одних племен другими и тем самым перенесших в далекое прошлое человеконенавистнические идеи о «прогессе», якобы издревле основанном на волчьих законах экспансии.

Не менее существенны достижения советских археологов и в изучении бронзового века СССР. Анализ общественно-экономического состояния древних племен, оставивших нам памятники в степях Причерноморья, показал движущие силы тех изменений, которые нашли свое выражение в последовательной смене так называемой ямной, катакомбной и срубной культуры. Оставлено прежнее, явно заимствованное из арсенала зарубежной археологии объяснение этой смены одними миграционными волнами все новых и новых «носителей культур». Вместо этого удалось установить сложные внутренние изменения в хозяйстве, обществе и культуре, осложненные расселением в силу конкретных причин тех или иных усиливавшихся племен или их союзов.

Те же закономерности обнаружили археологи, исследовавшие совершенно неизвестные в дореволюционное время культуры бронзового века Сибири, Средней Азии и Кавказа и решавшие спорный вопрос о взаимоотношении культур реликтового лесного неолита с так называемой фатьяновской культурой в Волго-Окском междуречье.

В круг вопросов, изучаемых советскими археологами по памятникам бронзового века, уже много лет входят вопросы происхождения древних племен и их взаимоотношения с позднейшими насельниками территории СССР. Здесь так же ярко проявляется принципиальное отличие путей исследования советских ученых от чисто умозрительных в большинстве своем построений буржуазных специалистов. Советские археологи, следуя принципу комплексного изучения источников, строят свои этногенетические исследования в тесном сотрудничестве с палеоантропологами. И те и другие взаимно проверяют друг друга и исходят прежде всего из анализа общественной структуры древних племен и ее исторических изменений. В этих условиях материалы для палеоэтнографической карты СССР оказываются вполне обоснованными для каждого этапа в истории бронзового века.

Проблема происхождения древневосточного государства как наиболее ранней формы классового господства возникла перед советскими археологами, сделавшими выдающиеся открытия в Грузии, Армении и Азербайджане. Исследования огромных курганов II тысячелетия до н. э. в Триалети, содержавших изделия высокого мастерства из золота, серебра и бронзы, показали основы развития племен Закавказья, приведшие к созданию сильного древневосточного государства Урарту. Истории самого Урартийского царства советские археологи также уделили много труда, обратив при раскопках особое внимание на памятники сельского и городского хозяйства, ирригацию и изменения в планировке поселений, превращавшихся в древневосточные города. Тем самым круг источников настолько расширился, что стало возможным монографическое исследование истории Урарту. При этом в последнее время благодаря раскопкам крепости Тайшебаини (холм Кармир-Блур) получили новое освещение судьбы Урар-

тийского царства и роль скифских племен в его падении. Успешные раскопки в Кура-Араксинском междуречье доставили за последнее время обильный материал для решения ряда вопросов, связанных с мидийской проблемой.

Здесь мы подходим к другой эпохе, для освещения которой важнейшую роль сыграла работа по изучению античных и эллинистических древностей.

Дореволюционная русская археология имела, может быть, особенно большие успехи в изучении памятников античной культуры в Причерноморье. Ольвия, Херсонес, Пантикапей, Танаис и развалины ряда других городов дали огромный вещевой и эпиграфический материал для истории Черноморского района античного мира. Однако внимание прежних исследователей в области истории было сосредоточено главным образом на внешнеполитических вопросах, а в области археологии больше всего трактовались проблемы искусства, архитектуры и фортификации. За советский период произошли решительные перемены. Внутренняя жизнь античных городов Северного Причерноморья и особенно классовая борьба стали в центре работы историков южнорусской античности. Открытие общественных движений — ожесточенной классовой борьбы и восстаний рабов на Боспоре, тесно связанных с кризисом античного рабовладельческого строя, явилось крупнейшим достижением советских историков-антиковедов. Тесно связаны с этим археологические работы, направленные на изучение экономики античных городов Причерноморья, их сельского хозяйства, производства и экспорта хлеба, вина и масла, их рыбных промыслов и различных городских ремесел. Проблема отношений античных городов и местного населения заняла в связи с этим особое место. Отсюда интерес к процессам возникновения в непосредственной близости от античных городов центров местной рабовладельческой государственности. Изучение этого вопроса имеет выдающееся теоретическое значение, позволяя проследить возникновение рабовладения и рабовладельческих классов в «варварской» среде. В настоящее время, благодаря раскопкам мощного центра скифского царства в Крыму — Неаполиса близ Симферополя, эта проблема конкретно разрешается в хозяйственном, политическом и в историко-культурном плане.

То же можно сказать и об изучении эллинизма на территории СССР. Раньше эта проблема ставилась только применительно к городам Северного Причерноморья. Теперь же она решается на новом, гораздо более обширном материале. Вопрос о происхождении древнегрузинского и древнеармянского царств, вопрос о древней Албании получил в связи с этим новое освещение благодаря работам советских археологов. Изучение остатков храма в Гарни позволило ярко представить не только силу эллинистических идей в культуре Закавказья эпохи Тиридата I, но и показать своеобразие этой эпохи, когда наряду с эллинистическими были действенными местные древневосточные, урартийские традиции. С еще большей силой это подтвердили исследования древнегрузинской столицы и обнаруженные в Армази-Мцхета саркофаги древнегрузинских царей, царств и петиакшей и их греко-арамейские эпитафии. Их изучение значительно подвинуло вперед исследование формирования древнегрузинской государственности и доказало высоту древней культуры грузинского народа.

Той же теоретически важной проблеме сложения местных рабовладельческих государств посвящен и ряд работ по археологии Средней Азии. Исследования древнепарфянской Нессы, индо-буддийских кушанских памятников Термеза и особенно древнего Хорезма показывают, как в условиях Средней Азии возникали рабовладельческие государства, принимавшие в силу местных особенностей то формы, близкие к эллинистической монархии, то своеобразные формы «среднеазиатского полиса».

Племена, населявшие в ту эпоху современную территорию СССР, подверглись успешному изучению. В одних случаях советские археологи собирали материалы по ранее не освещенным сторонам жизни, как это имеет место в отношении скифов, городища которых за последнее время были особенно тщательно изучены; в других — быстрое накопление новых данных позволило уточнить вопросы хронологии и территориального распространения. Примером здесь могут служить памятники дьяковские и ананьинские на Оке, Волге и Каме. Но особенно многочисленны новые открытия памятников не известных ранее племен Урала, Западной Сибири, Саяно-Алтайского нагорья, Прибайкалья и далекой Якутии.

Для всех этих работ, позволявших с особенной полнотой представить так называемую скифскую эпоху в истории нашей страны, характерен интерес к двум проблемам: к изучению внутренней жизни воссоздаваемых обществ, их хозяйства и социального строя и к вопросам этногенеза. Отсюда ряд важных работ по предскифскому периоду, приведших к выяснению огромного значения этнических и культурных элементов предшествующей эпохи поздней бронзы в формировании скифских, савроматских и сакских племен и их культуры. Не отрицая догматически этнических перемещений, эти работы показали, однако, глубокую связь скифо-сарматских племен с местным населением предшествующих тысячелетий. То же удалось наблюдать и на периферии скифо-сарматского расселения — в Волго-Окском междуречье, на Каме и Урале и в Южной Сибири.

Постановка исследований в таком плане привела к изучению судеб древних племен скифо-сарматской эпохи и значения их культур в последующее время. Этот круг вопросов непосредственно связан с важнейшей проблемой происхождения современных народов, населяющих нашу страну. Здесь невозможно привести все примеры, все результаты работ советских археологов в этом направлении.

Напомню лишь некоторые. Обнаружена связь сарматской культуры и культуры полей погребений с древнейшими славянскими памятниками Поднепровья.

Культура позднедьяковских городищ Волго-Окского междуречья оказалась весьма близкой к раннеславянской культуре северо-востока Руси. Памятники Ананьинской культуры тоже оказались исходными для культуры времени сложения народов Вятско-Камского бассейна. То же удалось наблюдать и в Сибири, изучая этногенез алтайцев и хакасов. Местная тысячелетняя история, а не случайность миграции связывает народы нашей страны с той территорией, которую они населяют.

Не приходится говорить, что такое разрешение вопроса о происхождении племен в корне изменяет всю конструкцию этногонии.

В частности, это окончательно опровергает картину вражды славянских и соседних с ними племен Восточной Европы, которая рисовалась под влиянием узко националистических взглядов.

С этим кругом вопросов в свою очередь тесно связан ряд других, касающихся проблемы происхождения древнейших государств у восточных славян и других обитателей Восточной Европы и Сибири. Археологические исследования в этой области, особенно за последние годы, дали очень много. Разыскания археологов по древнейшей истории Киева, Новгорода и древнерусских городищ Смоленщины, исследования древнейших славянских курганов и селищ позволили определить хронологические рамки процесса сложения классового строя у восточных славян и возникновения древнерусской государственности. То же, в основном, выполнено и для ряда соседей Руси, например для волжских булгар. В Сибири та же проблема была решена в отношении истории каганата алтайских тюрок и государства енисейских кыргызов.

В ходе изучения этих государств, а также государств, возникших в то время в Средней Азии и на Кавказе, были сделаны чрезвычайно ценные наблюдения, расширяющие представления об особенностях классовой борьбы и форм государства в раннее средневековье, особенно там, где не имелось прямого наследия рабовладельческого строя.

Исключительно важную роль играет археологическое изучение памятников древней Руси.

Монографическое изучение истории и быта отдельных восточнославянских племен по памятникам IX—XIV вв. пролило свет на многие темные страницы их истории, географии, хозяйства и общественной структуры. Все это имеет значение и для такого важнейшего вопроса, которым является история древнерусской деревни, весьма скудно отраженная в письменных источниках. Советские археологи могут с гордостью сказать, что только благодаря их работам важнейший вопрос о древности и исконности земледелия у восточных славян был разрешен положительно.

Особенно больших успехов после Октября добились археологи СССР в деле изучения древнерусского города. Киев, Новгород, Псков, Старая Ладога, Старая Рязань, Суздаль и Владимир, а также городки и замки князей, вроде Вышгорода под Киевом, Боголюбова под Владимиром, подверглись детальному изучению и дали обширнейший материал по истории хозяйства, общественной и политической организации, быту и культуре древнерусских горожан и показали всю несостоятельность утверждений об отсталости городской жизни древней Руси. Обширные исследования, развернувшиеся после Великой Отечественной войны в Киеве, Новгороде, Пскове и других городах, дают еще больший материал для детализации истории города домонгольской эпохи.

Значительные материалы удалось собрать и по истории русских городов времени феодальной раздробленности. В этом отношении заслуживают упоминания раскопки в Тверском и Дмитровском кремле, в Коломне, на Пронском городище, в древнем Радонеже и на городищах Деревской пятины Новгорода Великого.

Впервые широкие масштабы приобрело и археологическое изучение Москвы благодаря организации археологических работ на строительстве московского метрополитена. Наблюдения и раскопки, производившиеся изо дня в день в ходе строительства, позволили изучить ряд важнейших участков города. Так, удалось установить систему укреплений Земляного и Белого города, давно уже скрытых, и исследовать башни и стены Китай-города.

Чисто археологическим путем был разрешен ряд вопросов по древней топографии Москвы. В частности, выяснено расположение опричного двора Ивана IV. Удалось определить древнее направление ряда улиц, местонахождение выдающихся зданий, церквей, монастырей и бывших прежде за чертой города усадеб. На строительстве был собран многочисленный вещевой материал. Здесь и одежды московской знати XVII и XVIII вв., и оружие, и масса бытовых вещей. Благодаря этим раскопкам впервые стало возможно воспроизведение той повседневной бытовой обстановки, в которой жили различные слои московского населения в XVI—XIX вв.

Все эти данные чрезвычайно расширили фонд источников по истории городской жизни России.

Война поставила перед советскими археологами особые задачи.

С начала освобождения советских городов и сел от вражеской оккупации, Институтом истории материальной культуры АН СССР были организованы обследования разрушенных немецкими вандалами древних памятников и музеев в Истре, Новом Иерусалиме, в Волоколамске и Иосифо-Волоцком монастыре, в принадлежавших Гончаровым и связанных с памятью Пушкина «Яропольцах», в Можайске и Бородине, в Калуге, Туле,

Коломне и ряде других мест. Аналогичную работу провели советские археологи на Правобережной Украине и Северном Кавказе, в Крыму, в Новгороде и других освобожденных местах. Эта работа принесла много нового в чисто научном отношении, но особенно важно ее общественно-политическое значение.

После войны работа советских археологов протекает в обстановке постоянной заботы Советского правительства о развитии научных исследований. Многие из тех достижений, которые выше были охарактеризованы, относятся именно к этому послевоенному периоду нового, еще более высокого подъема советской археологической науки. Рост исследовательской работы советских археологов находит свое выражение и в размахе экспедиционной деятельности. Если взять только одно археологическое учреждение — Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР, можно привести следующие цифры: уже буквально на другой день после войны, летом 1945 г., ИИМК осуществил 25 археологических экспедиций, охвативших весь Советский Союз. В 1946 г. их число возросло до 31, а в 1947 г. достигло 36. При этом чрезвычайно выросли и объем экспедиций, и их техническая оснащенность.

Однако самым важным является тот факт, что вырос и теоретически окреп значительный отряд археологов, ученых нового типа, воспитанных в советское время, в советских университетах и глубоко преданных своему народу, неустанно трудящихся над исследованием новых и новых страниц истории нашей великой Родины.

Празднуя вместе со всей страной день тридцатилетия Великой Октябрьской социалистической революции, Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР посвящает этой славной годовщине настоящий выпуск своих «Сообщений». В нем собраны результаты археологических экспедиций, проведенных после Великой Отечественной войны. Они демонстрируют рост советской археологии, вносящей свой вклад в дело изучения прошлого нашей страны на основе учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

*СООБЩЕНИЯ О ДОКЛАДАХ,
ПРОЧИТАННЫХ НА СЕССИИ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ АН СССР,
ПОСВЯЩЕННОЙ ИТОГАМ
ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ
ИИМК АН СССР ИМЕНИ Н. Я. МАРРА
ЗА 1946 г.*

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

РАСКОПКИ УРАРТСКОЙ КРЕПОСТИ НА ХОЛМЕ
 КАРМИР-БЛУР

В 1946 г. совместная археологическая экспедиция АН Арм. ССР и Гос. Эрмитажа, при участии сотрудников ИИМК, производила раскопки древней крепости на холме Кармир-Блур около Еревана.

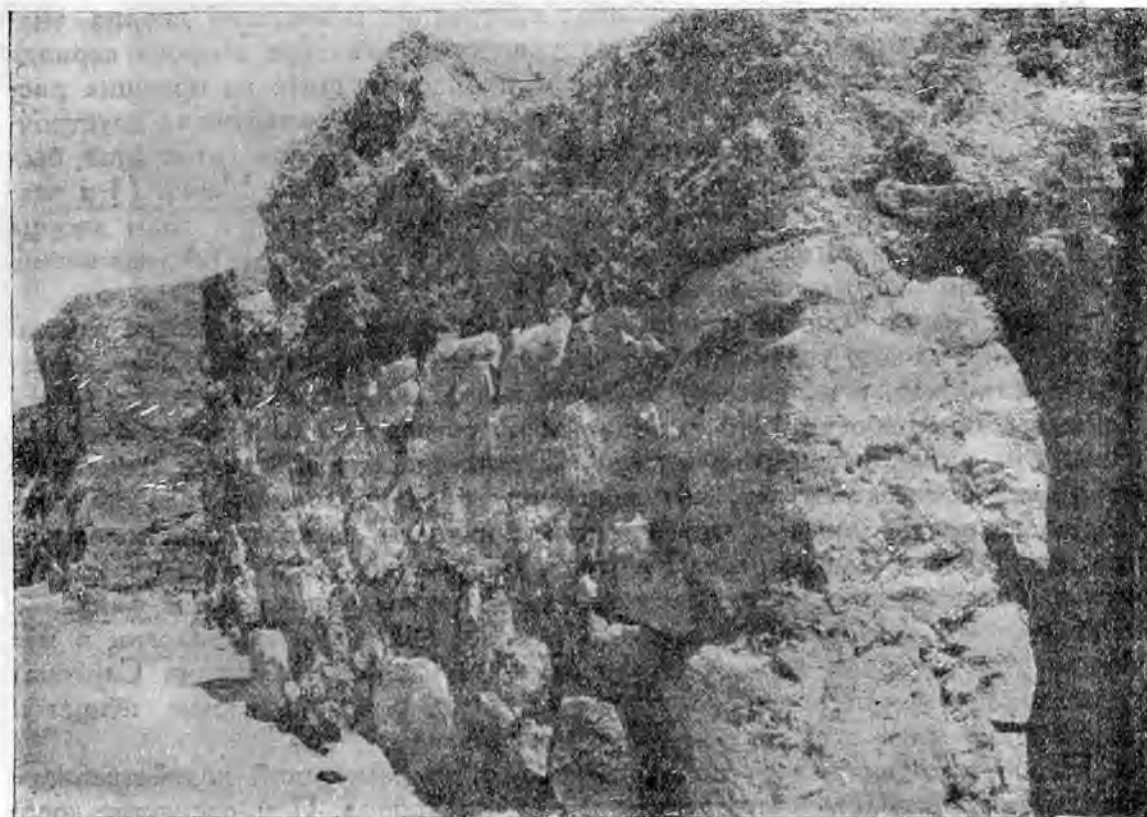

Рис. 1. Кармир-Блур. Стены дворца урартского наместника VII в. до н. э.

Работы, начатые в 1939 г. и продолжавшиеся в 1940, 1941 и 1945 гг., выявили, что цитадель крепости, в которой находился дворец Урартского наместника (рис. 1), была построена урартским царем Русой, сыном Аргишти (середина VII в. до н. э.), а разрушена при нападении скифов в начале VI в. до н. э. Обстоятельства гибели крепости хорошо документируются археологическим материалом.

В 1946 г. было закончено выявление общего плана цитадели и дворца урартского наместника, продолжалось исследование остатков жилищ у фа-

сада дворца и проводилась систематическая расчистка внутренних помещений дворца.

В цитадели, около северо-западных ворот, через которые скифы ворвались в крепость, было раскопано несколько небольших жилищ; в них размещался, повидимому, гарнизон и обслуживающий персонал дворца. Во время нападения скифов эти жилища были обстреляны и подожжены; загоревшиеся крыши рухнули, перекрыв все содержимое жилищ в том виде, в каком оно было во время катастрофы. На обстрел дворца и цитадели скифами указывают бронзовые наконечники стрел скифского типа, обнаруженные в каменной кладке дворца или же в грунте, образовавшемся от обвалившихся сырцовых кирпичей верхней части стен дворца.

В жилищах около очага обнаружены каменные зернотерки и ступки, а также большое количество разнообразных сосудов, частью наполненных хорошо сохранившимся зерном (пшеница, ямень, просо); запасы зерна хранились также в ямах, вырытых в полу жилища. В жилищах было найдено большое количество железных предметов: кинжалы, листовидные наконечники стрел со стержнем для насадки, изогнутые ножи и серпы. Особый интерес представляют находки остатков небольших щитов, сплетенных из ивовых прутьев, с коническими бронзовыми умбонами. На двух умбонах имеются знаки, имитирующие клинообразные надписи.

Материал, добытый при раскопках внутренних помещений дворца, значительно дополнил наши знания по урартской культуре второго периода истории Урарту. В 1946 г. на большом бронзовом щите из прежних раскопок (1940), хранившемся в ГИМ Армении, была обнаружена двустрочная клинообразная надпись, рассказывающая о том, что этот щит был посвящен богу Халду урартским царем Аргишти, сыном Менуа (1-я четверть VIII в. до н. э.). Повидимому, щит был перенесен в храм дворца на Кармир-Блуре из прежнего центра Аргиштихинили (Армавирский холм), потерявшего свое значение в конце VIII в. до н. э.

В помещении, примыкающем к тем, в которых были найдены щит и бронзовый колчан, украшенный изображениями урартских боевых колесниц и всадников, и неподалеку от места находки бронзовой статуэтки бога Тейшебы, при работах 1946 г. обнаружено свыше 600 различных бус, выпавших из ниши, устроенной в стене. Среди этих бус оказалась египетская фаянсовая подвеска-амулет, изображающая богиню Сохмет; подвеска подтверждает предположение, что египетские изделия до греческой колонизации попадали на Кавказ через Урарту. Обнаружены также семь цилиндрических (повидимому, частью ассирийских) печатей из камня и фаянса с изображением мифологических сцен, имеющих ближайшие аналогии в материале из раскопок гор. Ашура, столицы Ассирии, и дворца Саргона; гиревидная печатка обычного урартского типа с изображением птицы и плоская пронизка с вырезанной фигуркой козла.

Много находок дали раскопки одного из помещений хозяйственного назначения, расположенного у внешней стены дворца. При расчистке дверного проема была найдена часть большого бронзового дверного запора (накидная петля), на кольце которого сохранилась клинообразная надпись: «Русы сына Аргишти эта крепость (буквально: «дом оружия») города Тейшебы (Тейшебаини)» (рис. 2), подтверждающая не только датировку постройки дворца, но и приводящая древнее название города на Кармир-Блуре. Подполье этой кладовой было засыпано пшеницей, над которой на остатках деревянного пола обнаружено большое количество бронзовых предметов очень плохой сохранности. Там оказались бронзовые гладкие чаши, фиалы древневосточного типа VII—VI вв. до н. э., сосуды, украшенные бычьими головами, браслеты, колокольчики и бронзовые части мебели, инкрустированной костяными пластинками (розетки, треугольники.

Рис. 2. Кармир-Блур. Часть бронзового запора с клинописью

Рис. 3. Кармир-Блур. Золотые серьги

Рис. 4. Кармир-Блур. Обломки глиняных клинописных табличек

пластинки), и листовидный бронзовый пояс с изображениями древа жизни, по форме близкого к помещенным на келермесских и мельгуновских золотых скифских ножнах. В одной из бронзовых чаш этой кладовой оказались две золотые серьги в форме калачика (рис. 3), украшенные зернью, типа очень распространенного в Средиземноморье в VII—VI вв. до н. э.

Соседнее с этой кладовой помещение было разрушено при средневековой постройке, но на полу среди мусора были найдены три обломка глиняных табличек с клинописью¹ (рис. 4), близких к найденным на Топрак-Кала, у Вана. Один обломок, несомненно, относится к счетному хозяйственному документу, а два других содержат перечни имен, причем в одном случае сохранился также оттиск печати. Находки этих обломков клинописных табличек представляют совершенно исключительное значение, доказывая существование документов на урартском языке в крепости Закавказья. Эти обломки табличек указывают также и на то, что в крепости на Кармир-Блуре был архив клинописных документов.

Произведенные раскопки во дворце цитадели Кармир-Блура это только начало работ (из 120—150 помещений раскопано всего 14); продолжение раскопок Кармир-Блура даст нам большой материал как для изучения урартской культуры VII—VI вв. до н. э. в ее взаимосвязи с Закавказьем, так и для изучения связей скифов с Закавказьем и Передней Азией.

---

¹ Публикуются на рис. 4 два обломка клинописных табличек.

П. Н. ШУЛЬЦ

РАСКОПКИ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

Среди исследователей скифской культуры до сих пор господствует ошибочное представление о том, что процесс культурно-исторического развития скифов ограничивается пятью веками.¹ Этот, к сожалению, прочно укоренившийся предрассудок связан с тем, что основным источником наших суждений о скифах являлись свидетельства Геродота² и находки из скифских курганов,³ по которым можно судить о культуре скифов по преимуществу ранней (VI в. до н. э.) и средней поры (V—IV вв. до н. э.). Скифские поселения разных районов и разных эпох, в которых содержится материал для всех периодов развития скифской культуры, не привлекали должного внимания археологов; лишь за последнее время в этом отношении наметился перелом.⁴ Раскопки Каменского городища на Днепре⁵ и Неаполя Скифского в Крыму⁶ положили начало систематическому изучению культуры городского этапа скифского государства. Эти исследования доказали, что процесс развития скифской культуры охватывает по меньшей мере тысячелетие (VII в. до н. э.—IV в. н. э.), что скифы создали свое государство и строили города и что хозяйственный уклад скифов отнюдь не ограничивается формами кочевого быта.⁷

Тавро-скифская экспедиция, организованная в 1945 г. ИИМК АН СССР и Гос. музеем изобразительных искусств, имеет целью восполнить пробел наших знаний о развитии скифского государства и о культуре поздних скифов в Крыму. Для решения этой задачи экспедиция построила свою работу по системе отрядов, подчиненных единому научному руководству. Симферопольский отряд копает Неаполь Скифский и исследует скифские и таврские поселения предгорного Крыма; бахчисарайский отряд изучает таврские и скифские памятники в горном Крыму; перед перекопским

¹ Периодизация, ограничивающая хронологические рамки скифской культуры VII—III вв. до н. э., предложена М. И. Ростовцевым в его работе «The Animal style on South Russia and China», Princetons, 1929, стр. 23 сл.

² Herodot IV. Данные Геродота о скифах сосредоточены в труде В. В. Латышева «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе», СПб., 1893, стр. 4—57.

³ Наиболее обстоятельный обзор находок скифских курганов дал М. И. Ростовцев в своем капитальном труде «Скифия и Боспор». Л., 1925.

⁴ Материалы к Всес. археол. совещанию, М., 1945.

⁵ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. КС ИИМК, 1946, вып. XIII, стр. 184 сл.

⁶ П. Н. Шульц. Тавро-скифская археол. экспедиция в Крыму. Сов. Крым, Симферополь, 1946, вып. 2.

⁷ Тенденция к ограничению хозяйственного уклада скифов формами кочевого быта при недооценке классовообразующих процессов в скифском общественном укладе наметилась в работе С. Л. Семенова-Зусера «Родовая организация у скифов Геродота». Изв. ГАИМК, 1931, т. XI, вып. 1.

отрядом поставлена задача решить вопрос о времени сооружения, о назначении и структуре так называемого Турецкого рва и вала. Есть основания предполагать, что названный ров сооружен не турками, а скифами, и является

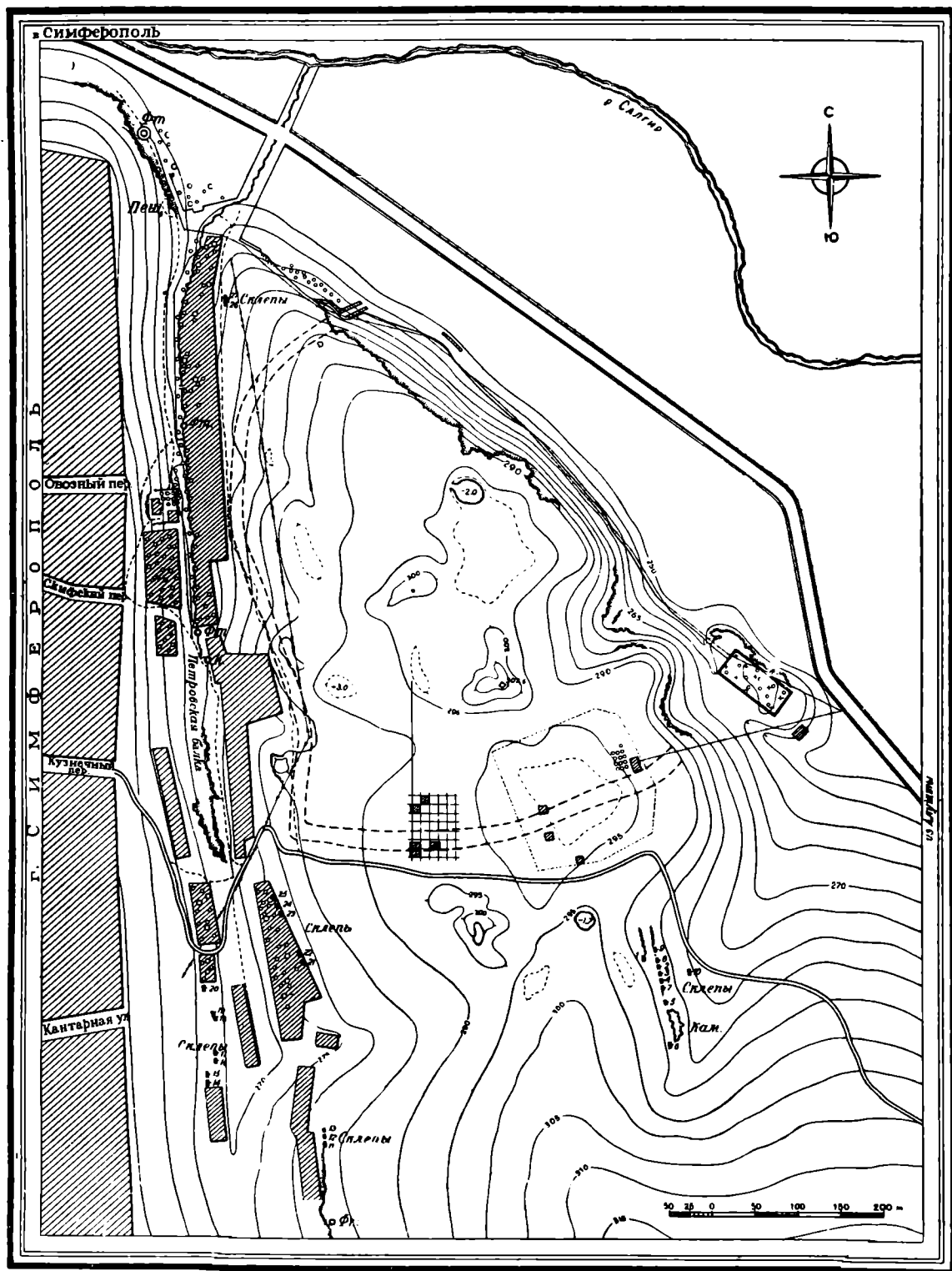

Рис. 5. План городища Неаполя Скифского

не только оборонительным рубежом, но и каналом, соединяющим воды Черного и Азовского морей.¹

¹ Данные об этом сосредоточены в работе Л. Д. Дмитрова «Перекопский ров и вал». Изд. АН УССР, Киев, 1940.

² Краткие сообщения ИИМК, вып. XXI

Из всех известных нам скифских городищ Крыма наиболее крупное и хорошо укрепленное — городище, расположенное на юго-восточной окраине Симферополя (рис. 5). Первые раскопки на нем были произведены археологом Бларамбергом в апреле 1827 г.¹ Здесь были обнаружены надпись на древнегреческом языке, упоминающая скифского царя Скилура, и портретные рельефы с изображениями царя Скилура и его сына Палака.² Предположение Бларамберга о том, что данное городище является Неаполем Скифским,³ полностью оправдалось раскопками последних лет.⁴

Неаполь Скифский расположен на левом берегу Салгира, на одной из возвышенностей второй гряды Крымских гор. С СВ город был недоступен благодаря почти отвесному обрыву Петровских скал, с запада его ограждала глубокая Петровская балка, с юга — мощная оборонительная стена. Площадь укрепленной части города достигает 20 гектаров.

Раскопки 1945—1946 гг. были проведены в трех пунктах: в жилых кварталах, в районе городской стены и на некрополе. В жилых кварталах рядом с раскопками Бларамберга и Уварова,⁵ недалеко от городской стены, нами было обнаружено крупное здание с большим подвалом (12.60 × 5 × 65 × 0.60 м), вырубленным в скале. К зданию, сооруженному в III в. до н. э., примыкал обширный двор с многочисленными зерновыми ямами. Находки зерен пшеницы, ячменя и проса и обилие зерновых ям в Неаполе⁶ свидетельствуют о крупном значении земледелия в хозяйстве крымских скифов. Указания на это имеются и у Страбона;⁷ судя по обилию костных остатков, не меньшее значение имело и скотоводство. Подсчеты, произведенные В. И. Цалкиным, дают основание полагать, что в составе стада количественно преобладали лошади, а затем крупный и мелкий рогатый скот.⁸ Из диких животных интересно наличие исчезнувших в Крыму кабана, сайги и бобра. Рыбных костей не встречено.

Из найденных здесь местных изделий привлекают внимание скифские сосуды, частью хорошего обжига, выполненные на круге. Сходная посуда была найдена на городище Кермен-Кыр, близ Симферополя в скифской гончарной печи, технически хорошо сконструированной.⁹ Очевидно, гончарное ремесло крымских скифов в эллинистическое время начало уже терять характер домашнего ремесла. Посуда частично производилась на сбыг. Процесс отделения ремесла от земледелия прослеживается и на других отраслях производства.

Обилие привозной керамики, амфор из Родоса, Книда, Коса, Синопа, Пантикапея и Херсонеса свидетельствует о широте торговых связей Неаполя Скифского с самыми различными центрами эллинистического мира. Здание с подвалом, где указанные амфоры были найдены, имело черепичную кровлю, рухнувшую внутрь здания. На черепице встречались синоп-

¹ Blaramberg. De la position des trois forteresses Tauro-Scythe dont parle Strabon, 1831. Пер. в ИТУАК, 1889, вып. 7.

² П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей. КС ИИМК, 1946, вып. XII.

³ Неаполь упоминается Страбоном (VII, 4, 7, стр. 312), а также в декрете в честь Диофанта, в котором указано местонахождение Неаполя «в середине Скифии», т. е. в середине Таврического полуострова (IosPE, 12, N 352).

⁴ П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция в 1946 г. Сов. Крым, 1947, вып. V.

⁵ А. С. Уваров. Извлечения из отчета об археологических разысканиях в 1853 году. Прописки, т. IV, стр. 525—527.

⁶ Н. Л. Эрнст. Неаполь Скифский. Вторая конференция археологов в Херсонесе, Севастополь, 1927, стр. 23—28.

⁷ Strabo, VII, 4, 6, стр. 311.

⁸ Те же соотношения костных остатков установлены во время работы 1926 г. Н. Л. Эрнст (указ. соч., стр. 25).

⁹ Сжатое описание печи, исследованной О. И. Домбровским, и ее чертеж имеются в моей статье (Сов. Крым, 1946, вып. 2, стр. 107, рис. 3, стр. 111—112).

ские клейма. Стены здания, судя по найденным обломкам, были облицованы лощеной глиняной обмазкой коричневого цвета; частью оштукатурены и расписаны красной, желтой и зеленой красками. Здание было разрушено на рубеже II и I вв., очевидно, во время захвата Неаполя греческими войсками. В первые века нашей эры на этом месте возникают новые

Рис. 6. Городская стена Неаполя Скифского с востока

постройки из мелкого рваного камня. Жизнь города, по данным раскопок, прекратилась в IV в. н. э. Таким образом, Неаполь просуществовал около семи веков (с конца IV в. до н. э. по IV в. н. э.). Впрочем, отдельные найденные здесь керамические фрагменты относятся к V—VI вв. н. э.

Городская стена Неаполя (рис. 6) носит циклопический характер и резко отличается от стен греческих городов колоний — Ольвии и Херсонеса. Она значительно толще стен названных городов, достигая в исследо-

Рис. 7. Неаполь Скифский. Вид мавзолея с запада

ванном участке 8.4 м ширины. Сложена она не из квадров, а из рваного камня, и не насухо, а на глиняном растворе. Панцырь ее сооружен из крупных каменных глыб, центр забит бутом. Построена стена в III в. до н. э. Первоначально она имела 3.5 м ширины, но во II в. до н. э. стена была расширена и укреплена. В конце II в. до н. э. к стенам Неаполя

подошли греческие войска во главе с Диофантом, полководцем Митридата Евпатора.¹

Самое крупное достижение экспедиции 1946 г. — открытие у городских стен Неаполя монументального каменного мавзолея с многочисленными погребениями скифской знати (рис. 7). Проведение раскопок мавзолея было поручено Н. Н. Погребовой, посвятившей этому интересному памятнику специальную статью, помещенную в настоящем выпуске «Кратких сообщений». Поэтому я в своей заметке ограничусь лишь отдельными замечаниями о мавзолее, заслуживающем специального монографического исследования. Почти квадратный план мавзолея, его размеры и характер его дверного проема вызывают в памяти склепы царских скифских курганов Керченского полуострова² и Мелитопольского района.³ Но в обстановке Неаполя Скифского традиционные формы подземного склепа были применены для надземного сооружения, окаймленного выступами городской стены. Принцип постройки склепа непосредственно около стены, быть может, заимствован в Неаполе от Херсонеса, где такие склепы применялись, по преимуществу в римское время.⁴ В лицевой кладке южной стены мавзолея, сложенной в принципе «кордонами на ребро, плитами на образок», сказалось воздействие греческой архитектуры.⁵ Напротив, в каменной гробнице, с погребением скифского царя, ради которого, по всей вероятности, и был возведен мавзолей, есть общие черты с каменными ящиками крымских тавров.⁶ Характер перекрытия мавзолея остается неясным. Обилие деревянных плах, рухнувших внутрь сооружения, говорит о том, что в перекрытии был деревянный каркас. Большое количество сырца, заполнившего мавзолей, могло упасть или с его стен, если верхняя часть каменных стен была дополнена сырцовою кладкой, или же сырец был использован и для перекрытия и уложен поверх его деревянной основы.

Мавзолей, обнаруженный в Неаполе, является уникальным памятником городской погребальной архитектуры поздних скифов. В погребальном обряде, представленном в мавзолее, скифская обрядовая основа⁷ осложнена греческими воздействиями (деревянный резной саркофаг с позолотой и росписью, привозная греческая посуда, боспорская торевтика, резные камни и бусы и пр.), но в ней не менее сильны и сарматские элементы (характер вооружения, уздечные наборы, многие золотые украшения сарматских типов). Черты связи с культурой тавров выражены слабее. Помимо погребения в каменном ящике, они сказались в отдельных сосудах, в частности в курильницах с резным орнаментом с изображениями солнца. Сходный мотив встречен в керамике таврского поселения в Кизил-Кобе.

Погребения мавзолея отражают блестящие этапы расцвета культуры Неаполя Скифского во II в. до н. э. и в I в. н. э.

¹ Наиболее яркая характеристика событий этого времени дана в работе С. А. Желева. «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре». ВДИ, 1938, вып. 3—4.

² E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 194, 196, рис. 86, 87, 89.

³ ОАК, 1894, стр. 78, рис. 110, 111.

⁴ Г. Д. Белов. Римские пристенные склепы. Херсонесский сборник, Севастополь, 1927, вып. 2.

⁵ Этот тип кладки хорошо представлен как в Ольвии (ИАК, вып. 13, стр. 11, рис. 5), так и в Херсонесе (К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса, ч. II, Херсонесский сборник, V, Севастополь, 1927, стр. 18, рис. 13; стр. 19, рис. 14).

⁶ Н. И. Репников. О так называемых дольменах Крыма. ИТУАК, Симферополь, 1910, вып. 44; Сообщения ГАИМК, 1931, вып. 7, рис. на стр. 24.

⁷ Интересный склеп с массовыми захоронениями обнаружен Кулаковским в одном из курганов близ Тавеля, в 14 км к ЮВ от Неаполя. Здесь было найдено около 100 костяков (ОАК, 1897, стр. 36—38; Сов. археология, 1946, вып. VIII, стр. 114 сл.).

Рис. 7-а. Неаполь. Скифский. Роспись западной стены склепа № 9.

Крупное научное значение имеет открытие в некрополе Неаполя склепов со стеной живописью. Главный хранитель Центрального музея Крыма В. П. Бабенчиков применил для розыска склепов новый любопытный способ: по пятнам растительного покрова, реагировавшего на древние ямы, он находил входы в склепы. За два года исследованы 28 склепов, тянувшихся по склонам Петровской балки и вдоль восточного склона второй гряды Крымских гор. Именно здесь и было обнаружено 5 склепов с живописью. Из них наибольшее научное значение имеет склеп № 9. В нем применен своеобразный синтез архитектурных форм, скульптурной орнаментации и живописи. Склеп этот, как и остальные, имеет дромос, входное отверстие, заложённое плитой, и погребальную камеру, вырубленную в известняковой скале.

Против входа, на лицевой стене, разворачивается повествовательная композиция, нанесенная непосредственно на известняк в три цвета (красный, желтая охра и сажа), без применения штукатурки (рис. 7а). Слева изображен ковер с шахматным узором, рядом скиф с лирой, в центре — всадник, справа — охота на кабана. Изображение сверху обрамлено орнаментом в виде стрел, треугольников и зигзагов, образующих своего рода полог. Эта орнаментация придает склепу характер жилья, убранного тканями, в котором сохраняются черты убранства кочевой юрты. В склепе особенно интересны ниши, имитирующие скифские постройки, украшенные резными головами коней, вызывающими в памяти резьбу русских изб. Склеп № 9 дает нам представление о своеобразной по стилю живописи поздних скифов, созданной на рубеже эллинистической и римской эпох.

Проведенные экспедицией археологические разведки доказали, что Неаполь Скифский занимает узловую позицию в целой системе скифских городов, укреплений и селищ, расположенных в долинах Салгира, Альмы, по западному побережью Крыма¹ и вдоль древних дорог, ведущих из степей через предгорье к южному побережью.

В результате работ экспедиции начинают вырисовываться контуры своеобразной и яркой культуры поздних скифов в Крыму, пронизанной эллинистическими и сарматскими элементами. Установлены два этапа расцвета этой культуры (III—II вв. до н. э. и I—II вв. н. э.). Раздвинуты хронологические рамки исторического развития скифов. Доказано наличие у крымских скифов культуры городского характера, сложившейся на основе укрепившегося в Крыму скифского государства. Определено местоположение Неаполя, являвшегося главным городом государства поздних скифов. Уточнены границы города и определены периоды его развития. Установлена связь города с прилегающими городищами и селищами. Доказано наличие у поздних скифов впервые открытой стеной живописи. В характере городищ, жилищ, посуде, деревянной резьбе, орнаменте намечен ряд точек соприкосновения с культурой древних славян, с русским и украинским народным искусством.

Обильный антропологический материал дает возможность в ближайшее время внести ряд новых данных в вопрос об этнической принадлежности крымских скифов, имеющих ярко выраженные европоидные черты.

---

¹ П. Н. Шульц. О работах Евпаторийской экспедиции. Сов. археология, 1937, вып. III. Археол. исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. Изв. АН СССР, 1941, стр. 265—277.

окрестное население стало выбирать эту глину для своих нужд и, обнажив человеческие погребения в обресе вырытой ямы, привлекло внимание руководителя экспедиции П. Н. Шульца к этому пункту. В нетронутых местах сырцового завала сохранились следы кладки из сырцовых кирпичей. Очевидно, мы имеем здесь дело с обвалом либо верхней части стен, либо перекрытия. Тот факт, что вся масса сырца рухнула только внутрь здания, а не наружу, позволяет ставить вопрос о наличии, может быть, какого-то перекрытия из сырцовых кирпичей, подпиравшегося конструкцией из деревянных плах, следы переплета которых постоянно встречались при раскопке мавзолея.

Вопрос этот требует, конечно, специального изучения, так как до сих пор применение сырцовых перекрытий в архитектуре Северного Причерноморья установлено лишь для небольших сооружений, например, для керамических печей.¹

Ниже рухнувшей сырцовой кладки помещение мавзолея оказалось заполненным мягкой рушеной суглинистой землей (с большим количеством фрагментов керамики и костей животных), которой были засыпаны человеческие погребения, расположенные в несколько ярусов в нижней части мавзолея на полу, покрытом плотно утрамбованным слоем известняковой крошки. Под полом обнаружен мощный зольный слой, толщиной 20—30 см, с вкраплениями угля и битой керамики, фрагменты которой датируют слой эллинистическим временем (III—II вв. до н. э.). Ниже, под прослойкой сожженного растительного покрова, идет слой погребенной почвы (около 15 см), который покоится уже на скале.

Основное и самое раннее погребение мавзолея — погребение в северо-западном углу сооружения, в каменном ящике из хорошо отесанных известняковых плит, введенных в высеченное в скале прямоугольное углубление. Размеры ящика: 2.30 × 0.96 м, высота — 0.92 м, толщина плит — 0.11 м. Внутри лежал в вытянутом положении головой на запад мужской костяк. Инвентарь при нем выделяется из всех остальных погребений мавзолея своей пышностью. Нигде в других могилах не было найдено столько оружия и золотых украшений (рис. 8). У ног покойника были сложены два железных меча и три железных копья, железный шлем с бронзовыми украшениями и горит, от которого остались только бронзовые кольца для подвешивания, золотые накладные бляхи и железные стрелы. Один железный меч был найден у пояса с правой стороны.

Исключительной роскошью отличалась одежда покойного, расшитая золотыми нитями и богато разукрашенная золотыми бляшками, нашитыми главным образом на полах кафтана; рукава и штаны перевиты золотыми спиралями. Одних только золотых украшений из каменного ящика было извлечено 821, т. е. почти $\frac{2}{3}$ всего золота, найденного в мавзолее. Характер находок позволяет датировать погребение II—I вв. до н. э.

По всей вероятности, к погребению в каменном ящике имеют отношение 4 конских костяка и скелет собаки, уложенные на полу в центре мавзолея. Пятый конский костяк найден на нижних ступенях лестницы. У черепа одного из коней обнаружена громадная пастовая бусина (около 4 см длины и 3 см в диаметре) с цветным орнаментом и бородавчатыми налетами, которая, вероятно, относится к конскому убору. Вокруг коней найдены обломки чернолаковых сосудов и краснолаковой чашки эллинистического типа. Рядом с конскими костяками в прямоугольном деревянном ящике обнару-

¹ Керамическая печь с сырцовым куполом, сложенным в принципе ложного ступенчатого свода, обнаружена Тавро-скифской экспедицией в 1945 г. на скифском городище Кермен-Кыр и исследована О. И. Домбровским (Сов. Крым, Симферополь, 1946, вып. 2, стр. 111—112, рис. на стр. 107).

жено мужское погребение головой на восток; это, может быть, конюх, захороненный вместе с конями; находок в погребении почти не было.

Ближе к северо-восточному углу в полу было сделано углубление для остродонной амфоры, обломки которой найдены тут же.

Над конскими костяками и вокруг них вдоль стен мавзолея были расположены человеческие погребения в прямоугольных деревянных ящиках, поставленных в несколько ярусов один над другим. В ряде случаев замечены следы столбиков по углам, а также остатки досок, покрытых левкасом, со следами раскраски и позолоты. Поверх крышки ящики покрывались толстым слоем глиняной обмазки. В некоторых погребениях на дне ящика замечены следы войлочной подстилки и шкур животных.

В деревянных ящиках раскрыты мужские, женские и детские костяки. В нижних ярусах преобладают семейные захоронения, когда два костяка и более укладывались в одном ящике, рядом или одни поверх других. Верхние погребения в большинстве своем одиночные.

Сохранность костяков в общем плохая. Большинство из них сильно пострадало главным образом от обвала сырцового перекрытия и больших квадратных камней, упавших со стен. Некоторые погребения были разграблены еще в древности, а кости свалены в кучу. Погребения у лестницы были частично уничтожены вырытой здесь ямой для выборки глины (см. выше) или раздавлены осевшей лестницей. Разрушающее влияние на сохранность костей оказало проникновение в грунт почвенных вод. Нужно также отметить, что в результате обвала и вследствие сгнивания днищ ящиков костяки верхних погребений во многих случаях провалились в нижние, перепутавшись с костями и инвентарем последних, что сильно затруднило и раскопку и последующее изучение; это заставило нас вести нумерацию не по погребениям, а по костякам. Всего в мавзолее (вместе с каменным ящиком) оказалось 72 человеческих костяка.

В системе расположения погребений можно наметить три пояса: западный, центральный и восточный. В западном поясе деревянные ящики были установлены перпендикулярно к западной стене, частично находясь под лестницей. Нижние погребения этого пояса, расположенные рядом с каменным ящиком, носят характер семейных захоронений и отличаются обилием и наиболее интересными образцами вооружения при мужских костяках и богатым ассортиментом бус и подвесок — на женских. Погребения ориентированы на восток или запад. Ящики установлены в два яруса. Лишь в юго-западном углу, вдоль южной стены расположено три яруса одиночных погребений. С СЗ пояс замыкается каменным ящиком с расположенными над ним двумя парными погребениями.

Во втором поясе — центральном — в нижнем ярусе были расположены упомянутые выше конские костяки и могила конюха, над ними, в центре северной и южной стен лежали в два яруса костяки с северной и южной ориентацией, относящиеся уже к первым векам нашей эры. Кроме того, вдоль северной стены находилось в нижнем ярусе женское погребение, ориентированное на запад, с костяками двух младенцев у ног, поверх него несколько разоренных погребений с костями, сваленными в кучу.

Наиболее насыщенным погребениями оказался восточный пояс, примыкающий к дверному входу в мавзолей. Здесь перпендикулярно к восточной стене располагались шесть рядов ящиков, которые были наложены штабелями один на другой, достигая в юго-восточном углу до шести ярусов. Костяки в них расположены попеременно то на восток, то на запад. Два самых верхних погребения в юго-восточном углу расположены поперек нижних ящиков головой на юг.

Центральным по положению и значению в этом поясе было находившееся против входа погребение в роскошном деревянном саркофаге, распи-

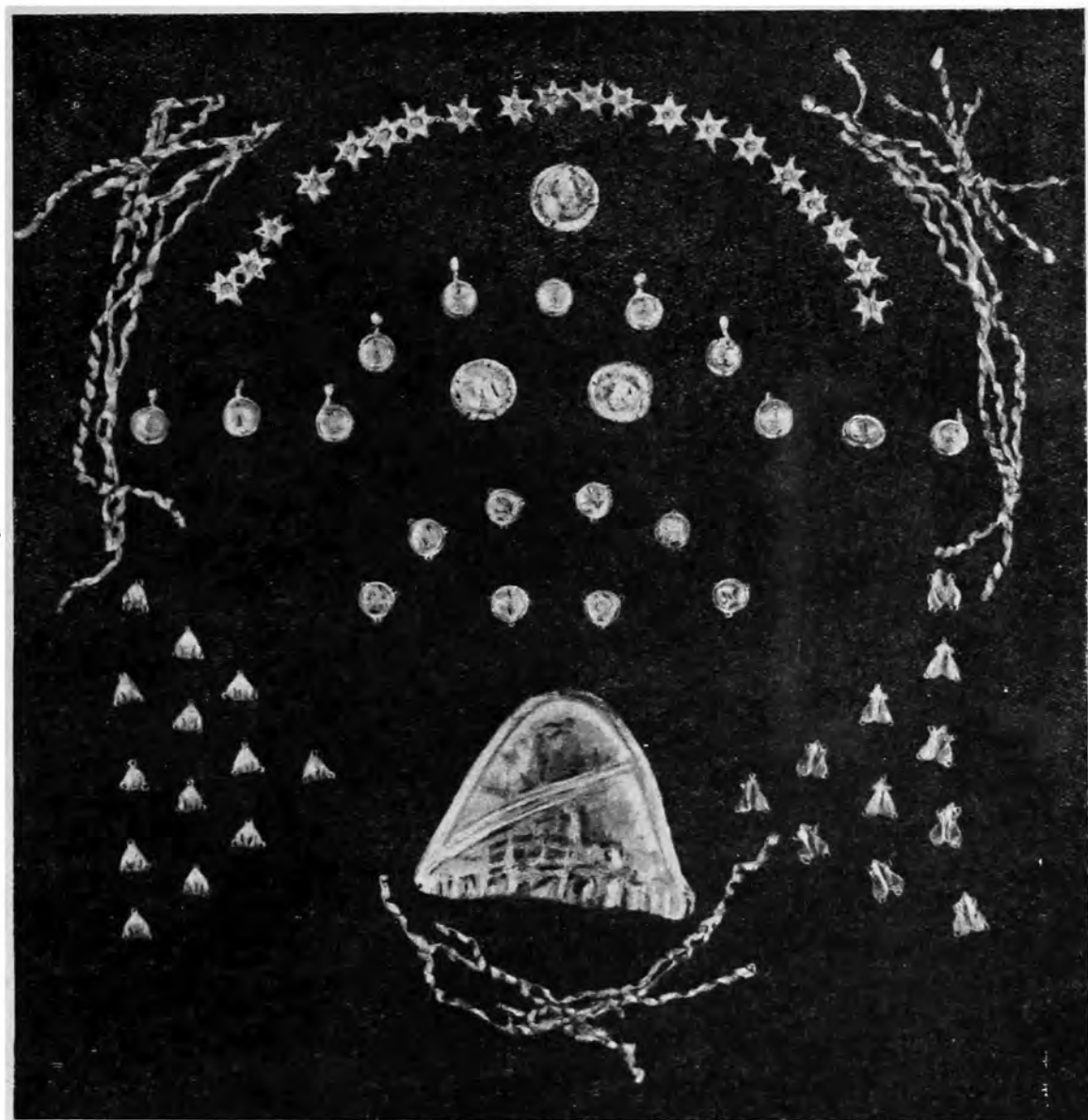

Рис. 8. Неаполь. Скифский. Находки из погребенный мавзолея. Золотые украшения из
каменного ящика

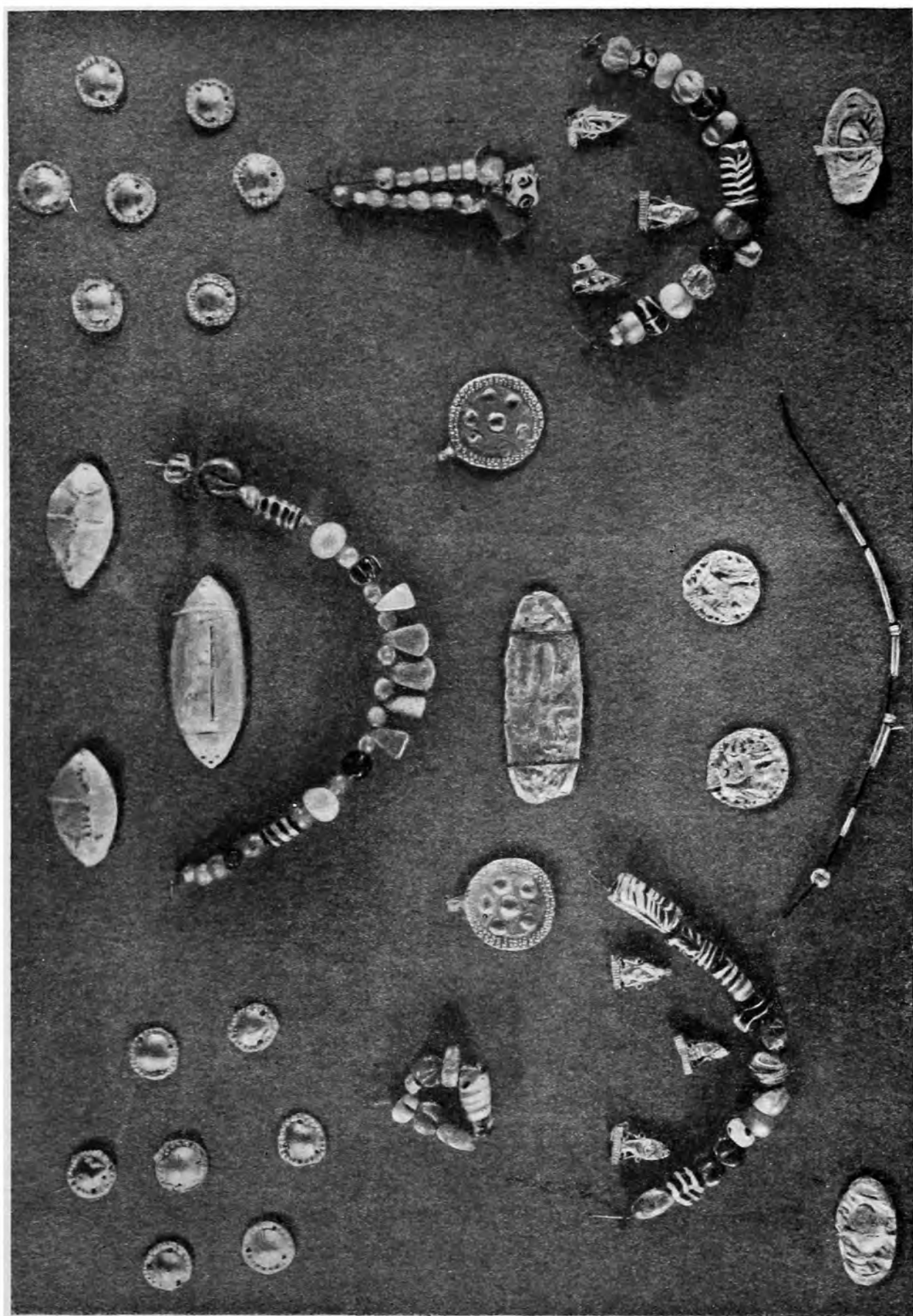

Рис. 9. Неаполь Скифский. Золотые украшения и бусы из погребенный мавзолея

санном голубой и розовой краской. Благодаря кропотливой работе художника экспедиции О. И. Домбровского и реставратора ГМИИ Е. А. Болотниковой, оказалось возможным реконструировать внешний вид саркофага. Заполняя гипсом пустоты, образовавшиеся в земле на месте сгнивших деталей, О. И. Домбровский и Е. А. Болотникова получили отливки канеллированных столбиков, резных угловых носжек в виде сфинксов и грифонов, продольных стенок и крышки с рельефным орнаментом из шишек пиний и гирлянд с листьями и лентами, а также двух деревянных фигур, повидимому, сфинкса и львиноголового грифона, обнаруженных у торцовых стенок саркофага. Погребение в саркофаге оказалось разграбленным, но найденные на самом нижнем горизонте золотые вещи (изящные подвески, игла, женский перстень) свидетельствуют о том, что погребение это было женское и очень богатое; относится оно к началу нашей эры.

Погребальный обряд захоронений мавзолея отличался единством. Вместе с покойным погребались отдельные части жертвенных животных, кости которых в большинстве случаев найдены в головах покойного за пределами гроба, но иногда встречаются и непосредственно в гробу (большая бычья кость поперек ног костяка № 16).

У изголовья, реже в ногах, ставились сосуды, встреченные, однако, не во всех погребениях. Среди сосудов преобладают греческие веретенообразные бальзамарии, простые и краснолаковые позднеэллинистических и раннеримских форм. Аналогии наиболее ранним из них можно найти в сосудах из ольвийских могил II в. до н. э.¹ Наряду с бальзамариями встречаются глиняные чаши и одноручные кувшины, простые или покрытые красной краской. В погребении с костяком № 41 найдена большая сероглиняная чаша с черным лощением сарматского типа. Но наибольший интерес вызывают два местных лепных сосуда — массивные подвесные курильницы с черным лощением и резным орнаментом с изображением солнца, инкрустированным белой пастой.

Внутри ящиков все костяки лежат на спине с вытянутыми и частью скрещенными ногами. Одна рука обычно опущена вдоль тела, другая покоится на поясе, или обе сложены на поясе. В одном из погребений вместе с покойным была похоронена небольшая собака.

Интересной особенностью погребений в мавзолее являются обнаруженные во многих случаях около черепа золотые овальные пластинки разнообразной формы, служившие для наложения на глаза и рот покойного (рис. 9). На большинстве наглазников отмечены ресницы; иногда и глазное яблоко. Похожие пластинки были найдены и в других местах Северного Причерноморья: в Керчи, в богатых склепах Херсонеса римского времени,² а также в раннесарматском погребении в станице Ярославской на Кубани, но в мавзолее Неаполя мы нигде не найдем соединения наглазников леремычкой наподобие очков, как в Херсонесе³ и в Ярославской станице.⁴ Богато орнаментированные электроновые накладки на глаза и рот покойника, найденные в Грузии на р. Алгети,⁵ относятся опубликовавшим их Б. А. Куфтин к погребению ахеменидской эпохи, хотя столь ранняя датировка вызывает в нас сомнения. Б. А. Куфтин генетически связывает эти накладки с Месопотамией и Кипром, для скифской же среды считает

¹ ИАК, вып. 8, табл. V, 36.

² ИАК, вып. 1, стр. 12 и 21; вып. 29, стр. 68, 72, 76.

³ Б. А. Куфтин. Археол. раскопки в Триалети, т. I, Тбилиси, 1941, стр. 40, рис. 37 г.

⁴ Там же, рис. 37 д.

⁵ Там же, табл. IX.

их нетипичными.¹ Погребения Неаполя позволяют утверждать, что этот обычай довольно прочно укоренился в среде крымских скифов, но происхождение его следует искать в странах Древнего Востока.

Разбитые бронзовые зеркала, найденные в ряде могил, также связаны с погребальным ритуалом. Особенно это заметно в погребении с костяком

Рис. 10. Неаполь Скифский. Находки из погребений мавзолея
1 — железный меч; 2 — железная секира; 3 — железное навершие (?); 4 — брон-
зовая фибула

№ 41, где фрагменты разбитого зеркала были сложены стопкой, один на другом, еще в древности и в таком виде слиплись и заросли паутиной. Но наряду с этим встречаются и совершенно целые зеркала.

Инвентарь погребений исключительно богат, особенно в нижних ярусах. В верхних ярусах находок значительно меньше, а золота нет совсем. Могилы воинов дают интересный ассортимент оружия и воинского снаряжения. Железный шлем с бронзовыми украшениями был найден только в

¹ Б. А. Куфтин. Археол. раскопки в Триалети, т. I, Тбилиси, 1941, стр. 39.

каменном ящике. Шлем рассыпался на отдельные куски, но его возможно будет реставрировать. Мечи из каменного ящика, к сожалению, совершенно деформированы. Может быть, к ним имеет отношение серебряная обкладка с орнаментом. Из других мечей выделяется меч, найденный в числе прочего вооружения при костяке № 30, могила которого по времени близка захоронению в каменном ящике. Меч этот больше 1 м длины, имеет слегка закругленное острие и типичное для мечей среднего латена перекрестие в форме опрокинутой чаши (рис. 10). Близкие ему аналогии, как на это указывал А. П. Смирнов, можно найти в Западной Европе.¹ От рукоятки сохранился только узкий стержень, на котором, вероятно, было насажено навершие из другого материала. Мечи из верхних могил производят впечатление более поздних, как, например, меч костяка № 20 с прямо-

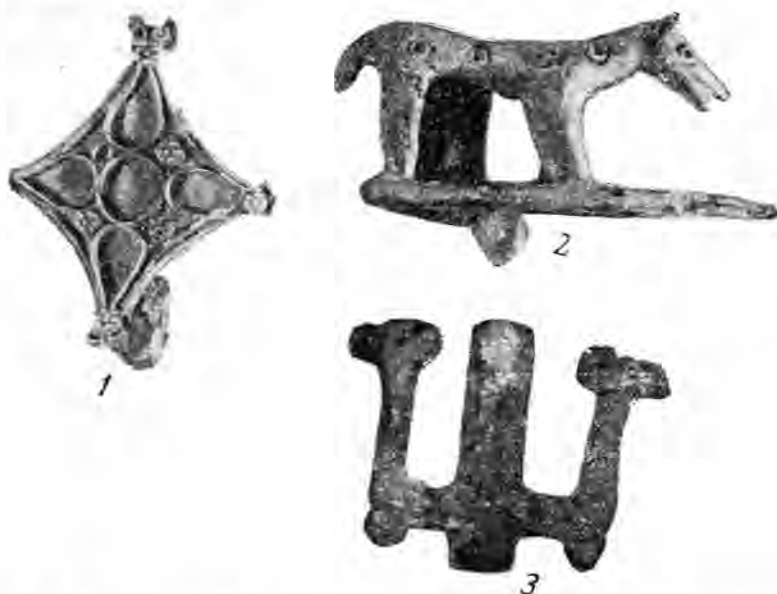

Рис. 11. Неаполь Скифский. Находки из погребений мавзолея

1 — электрическая фибула из каменного ящика; 2 — бронзовая пряжка с фигуркой собаки; 3 — бронзовое навершие с баранами

угольным перекрестием и кольцевым навершием, типичным для сарматских погребений.² Меч костяка № 16 с прямоугольным перекрестием сохранил следы красной краски, которой были раскрашены его деревянные ножны.

У черепа костяка № 30 найдена железная секира со втулкой, в которой сохранились следы деревянной рукоятки (рис. 10—2).

Гориты были, по всей вероятности, кожаными. Роскошный горит из каменного ящика был отделан золотом. Сохранилась от него крупная золотая бляха трехугольной формы, со скругленными углами и рельефным орнаментом в виде перезязи (рис. 8), а также более мелкие золотые трехугольные бляшки. В других погребениях гориты были отделаны серебряными (костяк № 72) или бронзовыми (костяк № 30, 23) бляшками. В верхних погребениях следов горитов не обнаружено.

Около горитов были найдены стрелы, в большинстве железные, трехлопастные. Лишь в погребении с костяком № 20 была обнаружена бронзовая стрела. В этом же месте обнаружены кольца, при помощи которых горит

¹ Déchélette, Manuel d'archéologie, 1913—14, т. II, ч. 3, стр. 936, рис. 394.

² И. В. Сидницын. Сарматская культура Нижнего Поволжья. Сов. археология, 1946, вып. VIII, стр. 7.

повешивался к поясу. Бронзовые кольца из каменного ящика украшены птичьими головками, а ст самого пояса сохранились железные накладные пластинки. К поясу (костяка № 72) с серебряными украшениями была привязана серебряная чашка.

В могилах воинов (около каменного ящика) у бедер найдены бронзовые части уздечных наборов, состоящие из колец и надетых на них зажимов. У костяка № 30 кольца перекрещены четырьмя перекладинами, а весь набор оканчивается прямоугольной пряжкой, украшенной фигуркой собаки с длинными ушами и раскрытой пастью (рис. 11—2). Подобная же пряжка, но с фигуркой животного с повернутой назад головой, найдена под крестцом костяка в каменном ящике. Обе фигурки трактованы несколько схематично и плоскостно, особенно собака, которая все же не лишена своеобразной экспрессии. Тело ее покрыто орнаментом в виде вдавленных кружков с точкой посередине. Подобный же орнамент мы нашли и на деревянном гребне из могилы с костяком № 69 и на бронзовой гривне костяка № 25.

В более поздних могилах найдены поясные пряжки с овальной дужкой, надетой на прямое основание (костяк № 19 и 41), или прямоугольные с вогнутыми (костяк № 1) или прямыми (железная пряжка из ямы для выборки глины) сторонами.

При костяке № 30 обнаружены железные кольчатые удила с восьмеркообразными псалиями.

В некоторых погребениях найдены небольшие железные горбатые ножи.

У костяка № 30 лежал изогнутый железный стержень с окончанием в форме приплюснутого шара (рис. 10—3). Может быть, это навершие какого-нибудь парадного жезла, как и массивное железное навершие с перехватами из соседней могилы с костяком № 5. Ряд нижних могил у западной стены около каменного ящика содержал погребения знатных военачальников и их семей, захороненных в богато разукрашенных золотом одеждах. В женских погребениях найдены ожерелья из цветных камней, пастовых бус и фигурных подвесок.

Нижние погребения мавзолея дали исключительно много золотых украшений. Золотые вещи из каменного ящика (рис. 8) отличаются от инвентаря остальных погребений по типам и высокому качеству. Особенно привлекают внимание рельефные львиные головы с глазами из цветной пасты и колечком во рту, к которому на цепочке надета круглая подвеска. Большая часть украшений была сосредоточена на подоле кафтана. Здесь мы найдем бляшки в виде мух, сердец, звезд, щитков с накладным орнаментом из цветной пасты в виде полумесяцев и много других. Сплошной полосой тянулись плоские украшения в виде волнообразных завитков и лепестков. Около черепа найдено много золотых бус и трубчатых пронизей, которые также были нашиты на одежду или головной убор, как и три крупные бляшки с изображением какого-то эллинизированного божества. Более простыми представляются золотые украшения из погребений в деревянных ящиках. Типы бляшек здесь иные, а стиль работы в большинстве случаев более грубый и небрежный. Можно полагать, что это произведения местных мастеров. Преобладает тип бляшек с умбовидным возвышением в центре и точечным орнаментом по ободку, который иногда проходит и по центру бляшки (рис. 9). Подобные умбоны известны из скифских курганов эллинистического времени, а также из сарматских погребений, где они, как будто, отличаются обычно более мелким размером. В Херсонесе подобные умбовидные бляшки очень распространены в гробницах римского времени.¹ Другие бляшки повторяют типы, известные из скифских

¹ ИАК, вып. 1, стр. 22; вып. 16, стр. 98.

курганов IV—III вв. (например, плоские бляшки с рельефными розетками). Более своеобразны бляшки в виде перевязанных снопиков.

Особый интерес представляют бляшки с рельефными изображениями головы или бюста божества. Одни из них более эллинизированы (костяки № 38—39), в других же очень ярко выражены черты местного населения, особенно в бляшке из погребения с костяками № 22 и 23, дающей изображение богини с широким лицом и толстым носом.

Золотые бляшки были нашиты на одежду или погребальное покрывало, иногда располагались вокруг головы в виде венчика (костяки № 30, 17).

Второе место среди золотых украшений после умбонovidных бляшек занимают золотые зубчатые пронизи, более мелкие и изящные в ранних погребениях и более крупные и грубые, с рубчатой поверхностью, спаянные по несколько вместе — в поздних (погребение с костяками № 13 и 14).

Золотые медальоны с солярными изображениями носились на груди в качестве амулета. Наиболее тонкой работы из них — медальон из расписного саркофага с головой Гелиоса в лучах; медальоны костяков № 38—39, более грубой работы, имеют кругообразно расположенные рельефные бугорки. Из декоративных золотых подвесок отметим подвески в виде кувшинчиков и амфорок.

Во всем мавзолее было найдено только одно золотое кольцо, находилось оно в расписном саркофаге; это — массивный перстень из витой золотой проволоки с двумя вставками из темного стекла. В остальных могилах кольца бронзовые, пластинчатые или круглопроволочные; многие со щитками круглой и овальной формы, некоторые со вставками из граната или стекла. Кольцо костяка № 39, в отличие от других, сделано из широкой бронзовой пластинки.

Бронзовые браслеты найдены и в женских и в мужских погребениях на руках и на ногах костяка. Некоторые из них многовитковые, другие — одинарные. Одни сделаны из плоской пластинки (костяк № 49), другие — из круглой ложновитой проволоки (костяки № 10, 38 и др.), с завязанными (костяк № 10) или разомкнутыми (костяк № 19) концами.

Бронзовые фибулы, по определению К. Ф. Смирнова, в большинстве своем характерны для европейских арбалетовидных фибул эпохи среднего латена (рис. 11—3). Особо выделяется фибула из каменного ящика — электрова, ромбовидной формы, с четырехлепестковой розеткой, края которой образованы напаянными пластинками, а заполнение было, возможно, из цветной пасты. На углах ромба и в центре между лепестками посажены розетки из псевдозерни (рис. 11 — 1). Под черепом № 58 найдена круглая серебряная фибула эллинистического типа с рельефной женской головкой.

Бронзовые зеркала по размеру распадаются на две группы: большие (диаметр 14—17 см) и малые (диаметр 7—8 см). Особо следует отметить большое зеркало (костяк № 52 под лестницей) эллинистического типа, восходящего к III в. до н. э., с двойным ободком и длинной фигурной выемчатой ручкой, оканчивающейся мордой животного. Другие зеркала производят впечатление более поздних: например, большое зеркало (костяк № 69) с широким ободком и короткой ручкой¹ или зеркало (костяк № 58) из тонкой листовой бронзы с легкой закраиной. На малых зеркалах ручка либо только намечается (костяк № 40), либо следов ее совсем нет (верхнее погребение с костяком № 13).

Из других бронзовых предметов следует отметить небольшое бронзовое навершие (костяк № 2), украшенное головками баранов с большими выпуклыми глазами и загнутыми назад рогами (рис. 11 — 4).

¹ См. зеркало из Зубовского хутора (ИАК, вып. 1, стр. 102, рис. 25).

Среди инвентаря женских погребений особое место занимают бусы, украшавшие костяки нижних ярусов. В наборе их сказывается стремление к яркой полихромии, к использованию цветных камней и сочетанию их с золотом, характерное для позднеэллинистического и раннеримского времени.¹ Преобладают разноцветные бусы самых разнообразных форм из египетской пасты, гладкие или с глазками и другим цветным орнаментом, а также мелкие бусы из цветного и золоченого стекла (последние часто украшают кожаную обувь). Наряду с ними встречаются бусы из цветных камней: эллипсоидные из розового и оранжевого сердолика, грушевидные, пирамидальные и плоские круглые из желтовато-красного янтаря, шаровидные из горного хрусталя и голубоватого сапфира, крупные и мелкие бусы из черного гагата и др. В ранних могилах заметен вкус к громадным

Рис. 12. Неаполь Скифский. Находки из погребения мавзолея
1 — изображение скифа на сердоликовом скарабее (гипсовый слепок);
2 — костяная фигурка

пронизям с крупным орнаментом. Изобилие ярких полихромных бус и подвесок в сочетании с золотом создает картину пышного и несколько тяжелого великолепия. Особенным богатством бус и подвесок отличается семейное погребение нижнего яруса у лестницы (с костяками № 5, 38—40), где найдены уникальный сердоликовый скарабей с резным изображением головы бородатого скифа в остроконечной шапке (рис. 12 — 1), пастовая фигурка сидящей на корточках обнаженной полногрудой богини сирийско-финикийского круга и гротескная головка-амулет с громадными глазами, повторяющая известные александрийские типы. Из других погребений обильем бус и подвесок отличаются женские погребения нижних ярусов в север-восточном углу мавзолея, где нами были обнаружены скарабеи из розового сердолика с изображением бескрылого грифона (костяк № 53) и из зеленой пасты с иероглифическими знаками. Ряд пастовых скарабеев из погребения с костяком № 6 представляют собой полуфабрикаты без изображений на нижней поверхности. Обилие скарабеев и бус из египетской пасты свидетельствует о культурных связях Неаполя с эллинистиче-

¹ М. И. Ростовцев. Скифы и Боспор, 1926, стр. 172, 227.

ским Египтом, сказывающихся не только в прямом импорте греко-египетских изделий, но и в наличии местных подражаний им. Костяная фигурка сидящего на корточках уродца (рис. 12 — 2) относится к тому же кругу культовых изображений эллинистической эпохи, что и пастовая богиня.

После удаления погребений из мавзолея в земляной засыпи на полу, в районе расписного саркофага, была найдена бронзовая херсонесская монета II в. до н. э., с изображением на одной стороне головы богини Херсонасы в мюральной короне и лани — на другой. Очевидно, и сам мавзолей был построен около этого времени, что согласуется с архитектурой его стен и характером древнейших находок.

Общий комплекс находок наиболее ранних погребений мавзолея в нижних ярусах позволяет датировать их II—I вв. до н. э., другие, видимо, относятся к первым векам нашей эры. Наиболее поздние вещи (пряжка костяка № 1, железная прямоугольная пряжка из ямы для выборки глины, золотые рубчатые пронизи в погребении с костяком № 13/14) не выходят за пределы II — начала III в. н. э. Антропологические данные верхних погребений также не дают оснований слишком резко отрывать их во времени от основной массы могил мавзолея. Бедность их инвентаря может быть объяснена упадком экономической и культурной жизни Неаполя в позднеримское время.

Резкое выделение из всех прочих погребений захоронения в каменном ящике идет скорее за счет социальной, чем хронологической дифференциации. Нарочито пышный инвентарь подчеркивает выдающееся положение, которое занимал при жизни покойный, что дает основания принимать это погребение за царское.

Более высокое социальное положение, чем другие, занимала и женщина, погребенная в саркофаге. В инвентаре каменного ящика и расписного саркофага сильнее всего сказались и степень эллинизации. Эллинистические же формы золотых подвесок и прочей утвари наблюдаются главным образом в нижних погребениях. Чем позднее погребения, тем больше нарастают в них черты сарматизации, сказывающиеся в распространении свойственных сарматским погребениям типов мечей, пряжек, зеркал и др., а также особенностей погребального обряда (разбитые зеркала). Наиболее ярко сарматизированные черты проявляются в погребении (костяк № 41 у восточной стены) с фрагментом зеркала, сероглиняной чашкой и овальной бронзовой пряжкой. Наблюдающиеся в мавзолее черты солярного культа (изображения на бляшках, медальонах и сосудах) также связаны с воздействием сарматской культуры, но в этом отношении могла быть и своя местная крымская традиция, как на то указывает найденный в Кизил-Кобе фрагмент таврского черного лощеного сосуда с углубленным изображением солнца. Возможно, что самый тип погребения в каменном ящике относится к той же таврской традиции.

Ряд находок из мавзолея дает изображения зверей. Эти изображения очень далеки от скифского звериного стиля эпохи его расцвета, сочетающего острый реализм в передаче элементов тела животного с условно-декоративной схемой его трактовки, но он также не имеет ничего общего с тяжелыми причудливо-гротескными формами звериного стиля сарматской эпохи, представленного известной серебряной пряжкой из Майкопа. Вопрос о генезисе звериных изображений из мавзолея подлежит дальнейшему изучению.

Интересны черты инвентаря ранних погребений мавзолея, указывающие на наличие связей с Западной Европой. Черты эти отражены в типах мечей и фибул, характерных для культуры латена. Таким образом, в Неаполе скрещивались влияния, шедшие с греческого и греко-египетского юга, с одной стороны, с сарматского востока и европейского запада — с другой.

Наиболее близкими по времени и культуре к мавзолею Неаполя Скифского оказываются семейные погребения около Тавеля в Крыму, раскопанные Кулаковским в 1897 г.¹ Погребенные там лежали рядами, один на другом; инвентарь отличался большим количеством разнообразных бус и подвесок, скарабеев, пронизей, бронзовых и серебряных украшений и краснолаковой керамикой.

Дальнейшее изучение находок мавзолея, а также продолжение раскопок в Неаполе и окрестностях поможет уточнить датировку и генезис находок мавзолея и яснее выявить специфику культуры поздних скифов, создавших в Крыму последний оплот своей государственности.

---

¹ ОАК, 1897, стр. 36—38; Мосберг. Сов. археология, 1946, вып. VIII, стр. 14.

С. П. ТОЛСТОВ

ХОРЕЗМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ¹

Археологическая группа Хорезмской экспедиции работала на территории Кара-Калпакской АССР, Казахской ССР и, частично, Туркменской ССР (руководитель проф. С. П. Толстов, его помощники М. А. Орлов и Я. Г. Гулямов).

Работа отрядов делится на два основных периода:

Первый период — стационарные раскопки замка города-крепости Топрак-Кала (I—VI вв.).

В результате раскопок вскрыты 28 помещений замка, общей площадью около 2000 м². Обнаружены многочисленные фрагменты расписной штукатурки (III в. н. э.), украшавшей внутренние помещения замка. Найденные впервые на этой территории крупные фрагменты (изображение арфистки, сборщицы винограда и пр.) и целое панно с изображением двух фигур, сохранившееся в нише одной из комнат, имеют огромное значение для истории искусства Средней Азии.

Большой интерес представляют проведенные параллельно с основными раскопками шурфовки стен и башен городища, вскрывшие также ценные детали в конструкции крепостных стен. В раскопках помещений найдено большое количество керамических целых сосудов, монет и торс алебастровой статуэтки женщины.

Второй период — разведывательные маршруты и аэрофотосъемки.

Первые авиаразведки и аэросъемки проведены в Турткульско-Шаббазском районе на границе культурной полосы и пустыни Кара-Кум. Здесь проведено тщательное изучение системы ирригации, изученной с земли в течение предыдущих сезонов работы экспедиции. Открыты основные русла древних каналов и составлена подробная карта ирригации. Собраны материалы по планировке ряда крепостей и замков и проведена подробная аэросъемка всех памятников района.

Разведывательный авто-авиа маршрут по плато Усть-Урт.

В результате разведок (наземных и при помощи авиации) открыта дорога X—XI вв. с колодцами, караван-сараями, ведущая из Хорезма на Волгу.

Исключительный интерес представляет один из караван-сараев этой дороги — Белеули. Здание сложено из крупных блоков желтого камня с изображением в сасанидской манере в плоском рельефе на тимпанах входной арки двух львов. На юго-восточных обрывах Усть-Урта открыта система сигнальных каменных башен и ряд крепостей X в., оборонявших

¹ Тезисы доклада.

спуски с плато. Особо необходимо отметить крепость и городище Пульджай (XI—XIII вв.).

Авиамаршрут в Кара-Кумы. Проведено четыре полета. Собран материал по планировке ряда крупных комплексов (Гяур-Кала, Шах-Сенем, Ат-Ака). Открыт ряд интересных памятников и сооружений («казарма» крепости Ат-Ака и др.). Подробно обследован город Дев-Кескен (Вазир).

Комбинированная работа (с воздуха и посадки у наиболее важных объектов) дала возможность соединить аэросъемку с наземными обмерами, сбором керамики и монет.

Кызыл-кумский авиа-автомаршрут (от гор. Нукуса на Аму-Дарье до Кызыл-Орды, Джусалы, Казалинска на Сыр-Дарье и обратно). Маршрут разведывательного отряда прошел по сухим руслам Жаны-Дарьи и Куван-Дарьи. Здесь открыто огромное число памятников, относящихся к шести различным культурным периодам существования этих районов (от V в. до н. э. до XVIII в. н. э.).

Исключительный интерес представляют обследования средневекового центра кочевников — города Дженда, на Жаны-Дарье, группы памятников первых веков до нашей эры в урочище Джеты-Асар и культура городищ кочевых племен в низовьях Сыр-Дарьи (Куюк-Кала, Кескен-Куюк и др.).

Большой материал собран экспедицией по остаткам поселений и грандиозным ирригационным сооружениям кара-калпаков.

А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ

СОГДИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ¹

Согдийско-таджикская археологическая экспедиция была организована ИИМК АН СССР, Гос. Эрмитажем и Таджикским филиалом АН СССР под руководством члена-корр. АН СССР А. Ю. Якубовского. Первый год работ должен был носить по преимуществу археолого-разведочный характер, так как Таджикская ССР в археологическом отношении наименее изученная республика Средней Азии.

Летом 1946 г. экспедиция работала тремя отрядами: 1) Верхнезеравшанский (от Пянджикента и до Оббурдана) под руководством А. Ю. Якубовского; 2) Кафирниганский (преимущественно в районе Гиссара) под руководством ст. научного сотр. М. М. Дьяконова; 3) Вахшский в районе Ховалинга, Бальджуана и Файзабада под руководством ст. научного сотр. А. М. Белецкого.

Верхнезеравшанский отряд обследовал около 20 развалин горных замков в ущельях рек Зеравшана, Матчи, Фан-Дарьи и других замков, относящихся к древности и раннему средневековью. Результаты обследования (обмеры, планы, описания) показали, что замки эти охраняли небольшие владения, в которые входило несколько горных селений.

Отряд открыл в горных селениях Рарзе и Фэтьмэве два неизвестных до сего времени минарета из сырцового кирпича — памятники таджикского зодчества X—XI вв.; три резные деревянные колонны IX—XII вв., из которых колонна IX в. в Урмитане — один из лучших памятников резьбы по дереву на Ближнем Востоке того времени.

¹ Тезисы доклада.

Верхнезеравшанский отряд провел предварительное обследование городища Пянджикента, домусульманские слои которого представляют исключительный интерес, для подготовки длительных раскопок на его территории.

Кафирниганский отряд провел свои главные работы в районе Гиссара (в 30 км к ЮЗ от Сталинабада). Здесь он обследовал (планы, обмеры) архитектурные памятники, а также древние городища Хок-и-Сафед (античное время), Туп-Хана и другие.

Наиболее интересный материал Кафирниганский отряд получил во время разведывательных раскопок на Туп-Хана, где был обнаружен некрополь II—I вв. до н. э. Здесь вскрыты четыре погребения, найден интересный инвентарь: глиняные сосуды, женские украшения, греко-бактрийская монета. Найденны развалины известного в раннее средневековье города Чаганиана в 4—5 км от гор. Денау Узб. ССР. Проведены пробные раскопки в Кала-и-Шодман (Рохатинский район). Удалось установить, что это городище не является остатками древнего города Шумана, как думали некоторые исследователи. У селения Шахринау обнаружено городище, являющееся, быть может, остатком древнего города Ахаруна.

Вахшский отряд установил местоположение известного в средние века города Вашгирда. Остатками его является обширное городище у кишлака Сар-и-Мазар Файзабадского района. Отряд установил также местоположение Мунка — столицы области Хутталяна. Остатками этого города является городище Шахр-и-Мунк Ховалингского района.

Произведенные на городищах Сар-и-Мазар и Шахр-и-Мунк предварительные раскопки (шурфы) обнаружили материал по преимуществу IX—XII вв. (фрагменты неполивной и поливной керамики, изделия из стекла, монеты). На городище Шахр-и-Мунк обнаружен во время раскопок устой здания с комбинированной кладкой кирпичей, а также интересный облицовочный материал в виде резных терракотовых плиток и фигурных кирпичиков XI—XII вв.

Археологические работы 1946 г. в Таджикистане, как выше указывалось, носили разведочный характер, однако и они показали, как много может дать археологический материал не только для истории культуры и искусства, но и собственно истории Таджикистана.

С. В. КИСЕЛЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЕЗДКА В МОНГОЛИЮ¹

Бригада ученых Академии Наук СССР была послана в МНР с целью выяснения местных материалов, которые должны быть использованы при составлении академического издания «Истории Монгольской Народной Республики». Для этой цели были обследованы архивы и музеи, обсуждены основные положения составленного бригадой «Проспекта» будущего издания истории МНР, организован коллектив историков-монголов.

Археологу бригады нужно было работать над составлением «Проспекта истории МНР», изучить коллекции Национального музея Монголии, археологический архив Комитета Наук МНР и соответствующие фонды Гос. библиотеки. Все эти задачи были выполнены. Сверх того, вместе с другими членами бригады были проведены обсуждения вопросов «Истории

¹ Тезисы доклада.

Монголии» с учителями-историками и работниками культуры. При этом выяснился огромный интерес монголов к прошлому Центральной Азии. Были прочитаны лекции по археологии Монголии.

По докладу членов бригады АН СССР в Правительственной комиссии содействия составлению «Истории МНР» было вынесено решение, одоб-

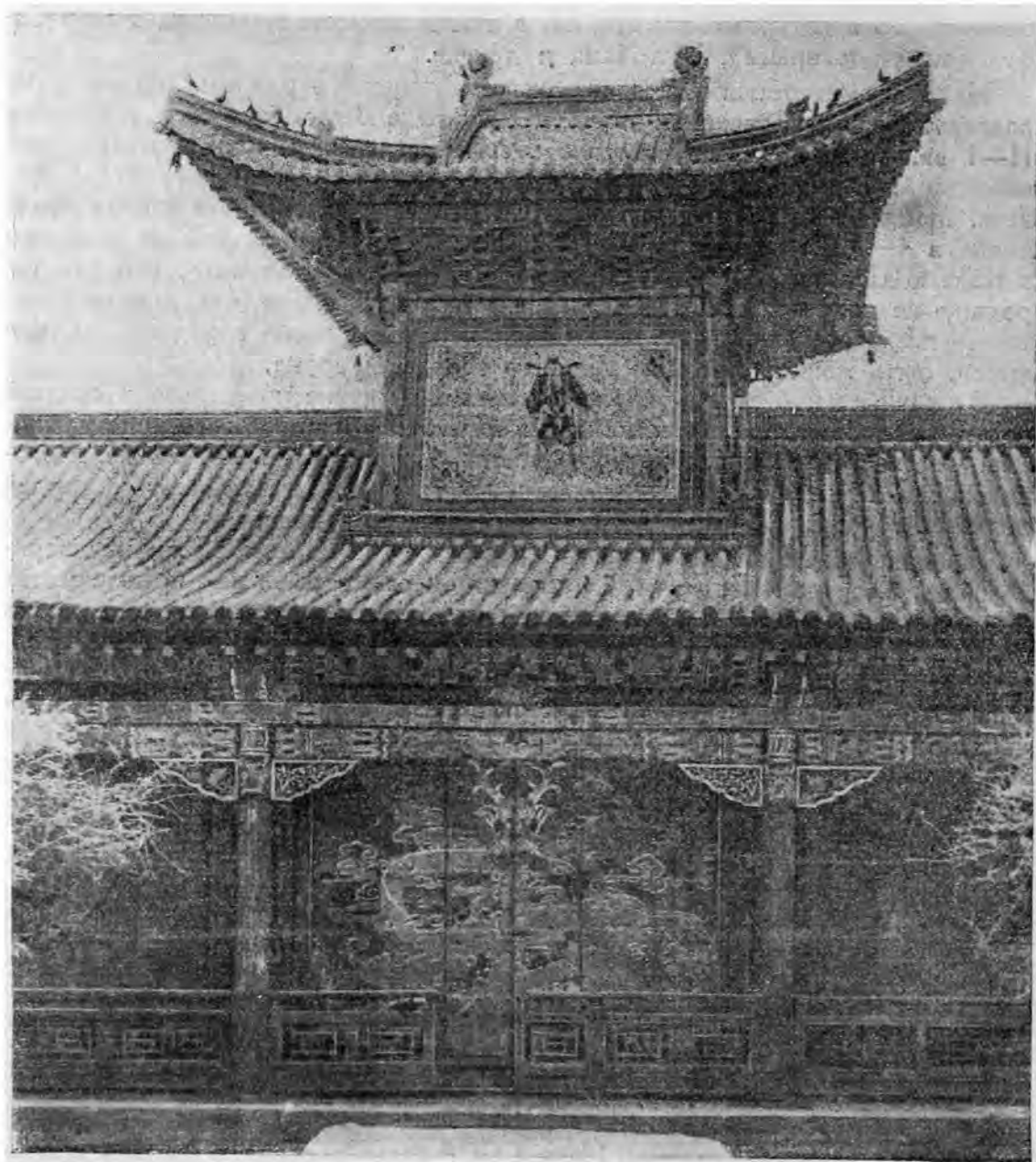

Рис. 13. Павильон главного двора национального музея МНР в Улан-Баторе

ряющее работу бригады и вносящее на рассмотрение правительства МНР конкретные мероприятия по обеспечению работы над «Историей Монголии» в этом пятилетии, в том числе и по обеспечению археологических исследований.

Проведенное в Улан-Баторе — Хото изучение археологических материалов не дало полной картины развития Монголии в далеком прошлом. Отсутствуют памятники по ряду важнейших этапов истории (палеолит, ранний бронзовый век, «скифское» время, период господства сяньби и жуаньжуаней); другие этапы истории МНР освещаются археологически еще

весьма недостаточно. Отсюда крайняя необходимость полевой работы с целью датировки ряда важнейших памятников, уже разведанных, и для создания археологической периодизации древностей, без чего невозможна исследовательская работа по древнейшей истории Монгольской Народной Республики.

В настоящее время можно, однако, на основании уже имеющегося материала наметить ряд весьма существенных положений. Так, изучение сборов неолитических изделий позволяет определить большую культурную близость древних племен Внешней Монголии с древнейшими обитателями

Рис. 14. Директор Национального музея МНР г-н Дамбаравжаа с супругой у своей юрты на «внешнем музейном дворе»

районов, прилегающих с севера к Великой китайской стене, а также с неолитическими и энеолитическими насельниками оазисов Синцзяна. На север эта культура прослеживается до бассейна Нижней Селенги.

Как и следовало ожидать, территория МНР явилась связующим звеном между культурами развитой бронзы Северного Китая и Южной Сибири времени гробничных и карасукских погребений (конец II и начало I тысячелетия до н. э.). Добытые монгольскими раскопками новые материалы в Ноин-Уле существенно дополняют сведения по гуннам.

Очень важны охотно сообщаемые теперь населением сведения по тюркской эпиграфике. Уже на основании имеющихся в Комитете Наук указаний можно значительно расширить фонд орхонских надписей.

Исключительный интерес представляют материалы, собранные в Монголии по древней городской культуре. Многочисленные развалины городов, начиная с уйгурского периода, заставляют самым внимательным образом изучить проблему города в Монголии. Вполне возможен коренной пересмотр важнейших вопросов развития феодализма в этой части Центральной Азии и, в частности, вопросов монгольского феодализма. Многочисленные развалины замков эпохи феодальной раздробленности также должны быть приняты во внимание при изображении той эпохи.

Весьма важен совершенно неизученный материал по оседлому быту монгольских феодалов и по монгольскому городу маньчжурского и авто-

номного периода. К нему должно быть привлечено внимание не только историков, но в первую очередь этнографов.

На основании обследованного материала видно, что проблема города в Монголии незаконно забыта.

М. К. КАРГЕР

КИЕВСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ¹

В задачу Киевской экспедиции 1946 г. (начальник экспедиции М. К. Каргер) входило исследование ряда участков древнейшего Киева в границах так называемого «города Владимира». Путем длительных разведок в самом центре современного Киева удалось обнаружить на глубине более 2 м под современным уровнем почвы замечательный по сохранности участок древнейшего города. Раскопками была вскрыта часть древней улицы, начинавшейся у городских ворот Владимирова города, получивших в XIII в. название Батыевых. В районе этих ворот, развалины которых

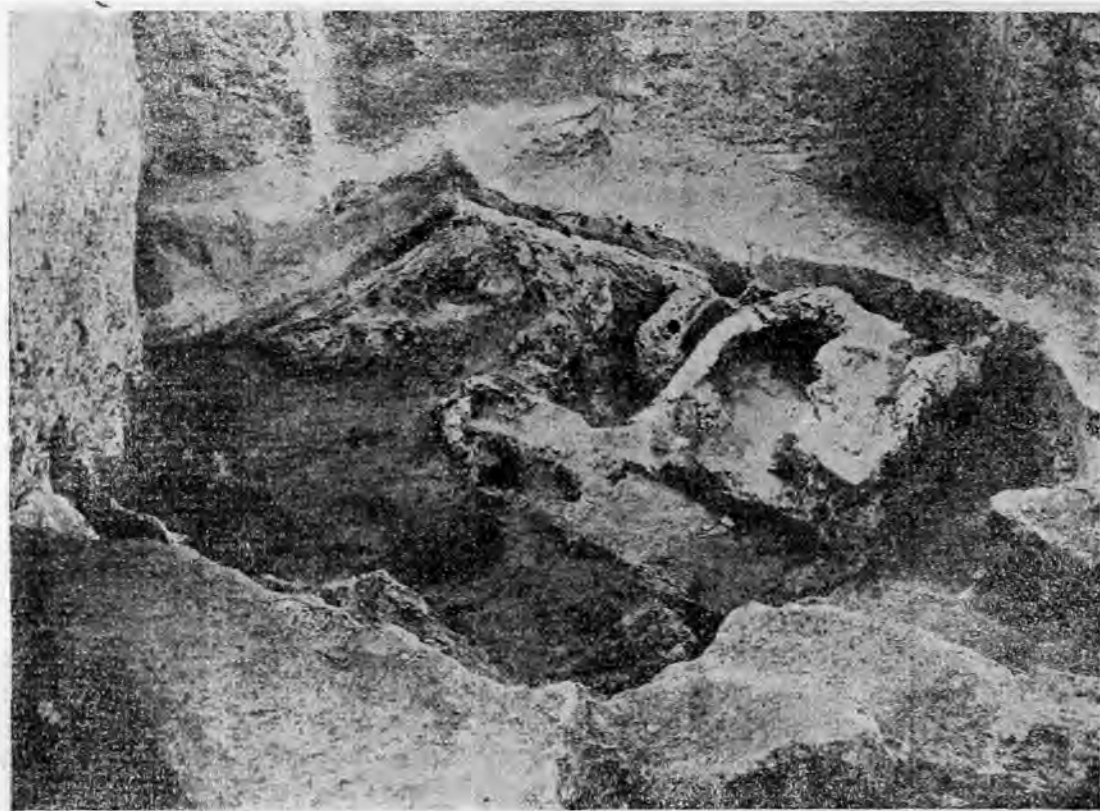

Рис. 15. Киев. Землянка (I) XIII в.

сохранились под современной городской мостовой, в декабре 1240 г. последние защитники Киева в ожесточенном неравном бою отстаивали каждую пядь земли родного города от ворвавшихся монголо-татарских полчищ хана Бату (Батые).

Раскопками вскрыты руины сгоревших жилищ городского населения. Под обломками обгоревших деревянных стен и кровли жилищ были обна-

¹ Тезисы доклада.

ружены не только остатки имущества владельцев этих жилищ, но и обгоревшие скелеты горожан, погибших в бою и пожаре. Найденные тут же многочисленные железные стрелы свидетельствуют об ожесточенной схватке. В печи одного из жилищ были обнаружены хорошо сохранившиеся два скелета людей, спрятавшихся в этом ненадежном укрытии и погибших под обвалом дома.

Ниже уровня пола одного из жилищ удалось найти остатки другого более древнего жилища, тоже хорошо сохранившегося. На полу этого жилища были найдены остатки амфор и свинцовые печати с греческими надписями. Это жилище относится к XI — началу XII в. (рис. 15).

Рис. 16. Меч и рукоять его из погребения в Киеве
воина-дружинника X в.

Еще глубже, ниже уровня пола землянки XI в., было обнаружено замечательное погребение начала X в. Еще раскопками довоенных лет было доказано, что до конца X в. на месте города Владимира существовал огромный языческий некрополь, примыкавший к небольшому городищу VIII—X вв., расположенному над обрывом Андреевской горы. Открытое новое погребение представляет огромный исторический интерес. Под высоким курганом в обширной подземной камере с деревянными стенами и потолком был погребен богатый дружинник-воин X в. Подле него лежал заморский франкский меч (рис. 16) и колчан, наполненный стрелами. Вместе с дружинником в могиле была погребена убитая рабыня, которая должна была сопровождать своего господина в загробный мир.

Наряду с раскопками на территории города Владимира были произведены также большие раскопки подле Софийского собора, где были открыты руины большого кирпичного сооружения, связанного со строительством собора. Сооружение представляло собой большую керамическую печь

для обжига кирпича. Подле нее раскопан огромных размеров котлован, доверху заполненный обломками пережженного бракованного кирпича. На этом же участке были найдены многочисленные остатки древнейших построек — фрагменты мозаик, фресок, мозаичных полов, стеклянной и глиняной посуды, свинцовые печати и пр.

Б. А. РЫБАКОВ

РАСКОПКИ В ЧЕРНИГОВЕ¹

Планомерные и систематические раскопки в одном из старейших русских городов Чернигове решено начать с его Кремля, где летопись указывает ряд древних каменных зданий, ныне исчезнувших.

Раскопки, в которых принимал участие ряд учреждений,² велись в двух пунктах Черниговского кремля: 1) в предполагаемом месте княжьего двора и 2) вокруг развалин церкви XII в. на берегу р. Стрижны.

Розыски княжьего двора, упомянутого в летописи под 1174 г., пока не привели к каким-либо результатам и будут продолжены в последующие годы. Раскопки на Стрижне, в северо-восточном углу дегтинца, были начаты зачисткой профиля по обрыву берега на протяжении свыше 70 м. Профиль обнаружил древнеславянские землянки с лепной керамикой VII—VIII вв., глиняными пряслищами и костяными проколами. Этот слой, сильно нарушенный поздними перекопами, прослежен на всем протяжении профиля. В профиле прослежены остатки крепостного вала конца XVII в., срытого в 1803 г. Зачистка берега обнаружила торцы шести кирпичных кладок XII в. Это оказались развалины Благовещенской церкви, построенной в 1186 г. в Чернигове «великим и грозным» Святославом Всеволодовичем Киевским, героем «Слова о полку Игореве».

Раскопки обнаружили множество поздних сооружений и погребений XVII — начала XVIII в., сильно разрушивших древнюю кладку. Как выяснилось, церковь 1186 г. начала разрушаться в XVII в., часть сводов рухнула, стены были разобраны, а над старым алтарем была построена в 1676 г. небольшая деревянная церковка, сгоревшая в XVIII в. (последнее погребение датировано 1729 г.). От древнего здания уцелели фундаменты и нижняя часть стены, примерно, до уровня древнего пола. Фундаменты сложены из валунов и щебня, залитых известью. На высоте 1.5 м от дна рва начиналась кирпичная кладка на извести с толченым кирпичом (цемянке); на уровне дневной поверхности XII в. ров фундамента наглухо закрыт широким карнизом, выступающим из толщи стены.

Кирпич применялся в основном двух форматов: $28 \times 25 \times 6$ см и $24 \times 19 \times 3$ см. Встречены разные варианты лекального кирпича, в том числе кирпич из аркатурного пояска. На многие кирпичи при их изготовлении были нанесены знаки, чаще всего княжеские, в виде двузубца или трезубца. Кладка выведена аккуратно и точно, все внутренние и внешние членения стен строго соответственны. Поражает необычная для древней Руси точная ориентировка церкви — ее поперечная ось отклонена к востоку только на 1.5° (у других древних зданий Чернигова — на $30\text{—}60^\circ$).

Раскопанная часть Благовещенской церкви дает возможность восстановить ее общий облик.

¹ Тезисы доклада.

² ИИМК АН СССР, ГИМ, Институт археологии АН УССР.

Рис. 17. Деталь мозаики пола Благовещенского собора в Чернигове.

Условные обозначения цветов:
1—темносиний, 2—зеленый, 3—малиновый, 4—серый, 5—желтый.

Церковь 1186 г. представляла собой вытянутую в длину трехнефную шестистолпную основу, обнесенную с трех сторон галлерей-усыпальницей с гробницами. Все части были построены одновременно, по единому плану из совершенно однородного кирпича. Восточные концы галлерей завершались закрытым квадратным помещением (может быть, ризница?). Общая ширина около 26 м, а длина предположительно около 34 м. Восточная часть церкви обвалилась в реку еще в 1876 г. и восстановлена на плане на основании теоретических соображений и отрывочных сведений о раскопках в 1878 и 1909 гг.

В размещении архитектурных элементов мы видим у зодчего стремление создать широкий средний неф и широкий трансепт; остальное как бы сдвинуто к стороне.

По общей планировке Благовещенская церковь ближе всего стоит к Успенскому собору во Владимире на Клязьме, построенному в те же годы (1185—1189), уступая ему несколько в размерах.

Постройка Святослава Всеволодовича была богато декорирована. По декоративным приемам она является единственной, впервые в истории русского зодчества введшей ряд новшеств. Так, например, стены здания были выведены из обычного красного кирпича, а массивные полуколонны на наружных пилястрах из светложелтого кирпича. Двухцветность здания получает дальнейшее развитие в архитектуре XV—XVII вв., но для домонгольской Руси — это единственный случай.

В отделке здания применялся и резной белый камень. Полы были вымощены двумя способами: второстепенные площади (боковые нефы, галлерей) мостились поливными плитками 11 × 12 см желтого, зеленого и вишневого цвета, а средний неф и трансепт были выложены великолепной мозаикой из крупных пластин разноцветной смальты. По счастью, среди позднейших ям и могил уцелели два фрагмента мозаичного рисунка. Один из них у перехода из северного нефа в галлерею чисто геометрического характера, другой между подкупольными столбами сохранил изображение павлина, вписанное в круг (рис. 17). У павлина есть характерный хохолок, шпоры, хвост не сохранился, но он, по всей вероятности, был таков, как у павлина на Святославом Изборнике, где вся композиция подчинена кругу.

В ряд с сохранившимся павлином должны были стоять изображения дерева и второго павлина, но от дерева сохранились лишь круглые пластины зеленоватой смальты (плоды?).

Подобная сюжетная мозаика ни разу не была встречена на полах древнерусских церквей. Она применялась в Новгороде и Киеве для «горнего места» в отделке стен.

В Софийском соборе в Киеве были полы из подобной мозаики, но рисунок был только геометрический. По всей вероятности, этот пол был настлан после пожара 1180 г., когда погорела София.

Мозаичный ковер еще больше подчеркивал значение широкого и уходящего вдаль среднего нефа. В глубине этой центральной части церкви находился белокаменный киворий с резным изображением птицы, фрагменты которого были найдены в 1909 г.

Благовещенская церковь 1186 г. по архитектуре близка к монастырской Елецкой церкви в Чернигове второй половины XII в., но значительно богаче и пышнее ее. По своему богатству и размерам она соперничала со Спасским собором 1036 г.

В конце XII в. наиболее крупные русские князья обстраивают церкви галлерейми, стремясь возродить пышность XI в.

Знаменитое «золотое слово» князя Святослава перечисляет их всех. С каждым именем мы можем связать значительный архитектурный памятник.

ник, близкий по типу к черниговскому Благовещенскому собору: Ярослав Осмомысл — Успенский собор в Галиче (до 1187 г.); Всеволод Суздальский — Успенский собор во Владимире (1185—1189); Давид Ростиславич — Великая Смятынская церковь (около 1191 г.).

Сам Святослав Всеволодович не довольствуется переделкой какого-либо старого здания, а создает заново великолепную постройку, украшая ее так богато, что мы вполне можем понять певца «Слова о полку Игореве», который в год окончания церкви писал, что «ту немци и венецици, ту греци и морава поют славу Святославлю».

**СООБЩЕНИЯ О ДОКЛАДАХ,
ПРОЧИТАННЫХ НА ЗАСЕДАНИЯХ
ПЛЕНУМА ИИМК АН СССР ИМ. Н. Я. МАРРА,
ПОСВЯЩЕННЫХ ИТОГАМ
ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ
ИНСТИТУТА
ЗА 1946 г.**

М. В. ВОЕВОДСКИЙ

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ ДЕСНИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ¹

Деснинская экспедиция организована в 1946 г. ИИМК, Институтом археологии АН УССР и Гос. музеем антропологии МГУ, при участии ряда местных организаций, для систематического исследования археологии бассейна р. Десны.

Эта территория представляет исключительный интерес для изучения самых различных эпох, начиная от палеолита и кончая памятниками домонгольской Руси. В первые годы основное внимание уделялось изучению палеолита.

В это время было открыто и частью раскопано свыше 20 палеолитических стоянок и местонахождений. Важнейшим результатом исследований является установление точного соотношения развития палеолита с различными этапами четвертичного периода — вопроса, не получившего до сих пор своего разрешения. Нами были обнаружены и исследованы все культуры от мустьерской до позднемадленской.

При возобновлении работ, прерванных войной и временной оккупацией территории немцами, расширились задачи экспедиции и охватили не только памятники мезолита и неолита, но и других эпох.

Раскопки трех мезолитических стоянок и обследование серии местонахождений дали совершенно исключительный материал, позволяющий проследить основные этапы развития мезолита и установить его связи с наиболее ранними неолитическими стоянками.

Характер культуры мезолита оказался резко отличным от мезолита южных, степных областей и позволяет выделить особую провинцию в пределах Восточной Европы.

Многочисленные неолитические памятники, лишь затронутые обследованием, уже сейчас позволяют выделить своеобразную деснинскую культуру, резко отличающуюся от волго-окских культур неолита с ямочно-гребенчатой керамикой. Совершенно ясно прослеживаются ее связи со шнуровой керамикой Средней Европы и степными культурами бронзового века.

Исследование городищ позволило установить непосредственную преемственность культуры, начиная от середины I тысячелетия до н. э. и до времени монголо-татарского нашествия, и определенное единство культуры на всей обследованной территории.

Пока удалось выделить три этапа — ранний, охватывающий период от середины I тысячелетия до н. э. и до первых веков н. э.; второй — с культурой, близкой к городищам роменского типа, и третий — Киевского периода древней Руси.

¹ Тезисы доклада.

Начиная с наиболее ранней стадии основной хозяйства является земледелие и скотоводство, характеризующееся значительным преобладанием домашних животных над объектами охоты. Очень большое значение для всех этапов имело рыболовство. Культурные слои городищ иногда наполнены костями и чешуей рыб. Об этом же говорит и большое количество и разнообразие типов грузил.

Для раннего этапа, повидимому, характерны столбовые дома с плетеными стенками, обмазанными глиной, для среднего — большие землянки.

Среди памятников Киевского периода выделяется большое городище с примыкающим селищем и расположенным рядом обширным некрополем с несколькими сотнями курганов (у с. Кветунь Трубчевского района). Этот памятник — несомненно остаток древнерусского города. Ценность его для исследования заключается в том, что здесь можно вести обширные ничем не стесняемые раскопки, в то время как остатки древних поселений на месте Трубчевска, Новгород-Северска, Путивля и других современных городов сильно разрушены современными городскими сооружениями.

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

РАБОТЫ НА СРЕДНЕМ ДНЕСТРЕ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПАЛЕОЛИТА¹

Работами по изучению палеолита были охвачены в 1946 г. оба берега Днестра на территории Каменец-Подольского района одноименной области и Хотинского и Кельменецкого районов Черновицкой обл. УССР.

Наибольший интерес представляет открытие древнепалеолитического местонахождения у с. Лука-Врублевецкая. Здесь на бичевнике левого берега Днестра были собраны обработанные кремни (отщепы и нуклеусы), имеющие характерные признаки архаической техники, более древней, чем мустьерская. Все отщепы массивны, с чрезвычайно выпуклым ударным бугорком, с ударной площадкой, не имеющей следов предварительной подправки и находящейся под тупым углом к нижней плоскости отщепа. В комплексе совершенно отсутствуют примеси более поздних, верхнепалеолитических или неолитических форм. Весь комплекс очень однороден и датируется ашельским временем, одновременным наиболее древним местонахождениям Абхазии.

Несколько подобных же древнепалеолитических кремней было обнаружено на бичевнике правого берега Днестра у Хотина.

Находки у Луки-Врублевецкой и Хотина являются первыми обнаруженными в бассейне Днестра остатками древнего палеолита.

Проведенное обследование верхнепалеолитических стоянок на правом берегу Днестра в окрестностях сел Кишла-Неджимова, Вороновица и Бабино позволяет уточнить ряд вопросов периодизации верхнепалеолитических памятников Днестра, в частности, выделить среди них более ранние, возможно, ориньякские (Бабино, урочище Яма), более поздние, мадленские (Кишла-Неджимова, Вороновица, урочище Барвинская гора) и, наконец, стоянки конца мадлена (стоянка около с. Вороновица, против устья р. Смотрич).

¹ Тезисы доклада.

А. П. ЧЕРНЫШ

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА У с. ВЛАДИМИРОВКИ

Палеолитическая стоянка на правом берегу р. Синюхи у с. Владимировки Подвысоцкого района Кировоградской обл. была открыта сотрудником Уманского краеведческого музея М. К. Якимовичем еще перед Великой Отечественной войной. М. К. Якимович в 1939—1940 гг. производил там небольшие раскопки, носившие характер простой выборки материалов. Все его находки и записи погибли, поэтому в 1946 г. было произведено исследование этой стоянки Трипольской археологической экспедицией ИИМК АН СССР и Института археологии АН УССР.

По поручению руководителя Трипольской археологической экспедиции Т. С. Пассек исследование стоянки было проведено автором. Необходимо было определить характер материалов этой стоянки, проследить ее распространение и ее время. Работы были начаты разведкой по правому берегу р. Синюхи ниже с. Владимировки. Разведка дала возможность определить, что кости ископаемых животных и кремневые находки встречаются тремя горизонтами на протяжении 100 м в обрыве правого берега р. Синюхи, на юг от южной улицы с. Владимировки. Была проведена нивелировка местности, давшая возможность, с одной стороны, установить высоту обрыва правого берега р. Синюхи (10 м над уровнем Синюхи), с другой — привязать раскоп палеолитической стоянки к общему плану раскопок трипольских жилищ на плато. Первые 10 м раскопок были намечены на юг от приречного спуска южной улицы с. Владимировки. Этот раскоп дал возможность определить, что на стоянке имеется 5 горизонтов находок. После этого раскоп был расширен еще на 31 м², и общая площадь раскопа достигла 41 м². На такой небольшой площади было обнаружено 8 горизонтов залеганий находок и удалось собрать материал в количестве свыше 8000 экземпляров. Ниже этих 8 слоев были встречены 2 горизонта находок различных костей животных. На раскопанной площади до глубины 1.80—2 м залегал чернозем, от 1.80—2 м до 5.20—5.30 м — лёссовидный суглинок светложелтого цвета, а ниже находились аллювиальные пестрые прослойки глин и тонкие прослойки песка. Стоянка была докопана до глубины 6 м, а в двух контрольных шурфах — до 8 м.

Верхний, 1-й слой находился на глубине 2.15—2.20 м в светложелтом лёссовидном суглинке. Он был встречен на площади раскопа 1946 г. в двух участках, охватывающих квадраты 8, 9, 10, 11, 16, 36, 37, 38 и квадраты 39, 40, 34, 33. В этих двух участках и была обнаружена основная масса находок, принадлежащих к 1-му слою. Для изготовления найденных орудий употреблялся пестрый кремний; орудия покрыты светлосиней, синей и серо-синей патиной. В 1-м слое обнаружено несколько пережженных кремней. Среди кремневого инвентаря следует отметить находку 5 нукле-

усов, 4 скребков, 3 резцов, 4 пластинок с притупленной спинкой. Скребок 1-го слоя отличается своими миниатюрными размерами. Первый из них

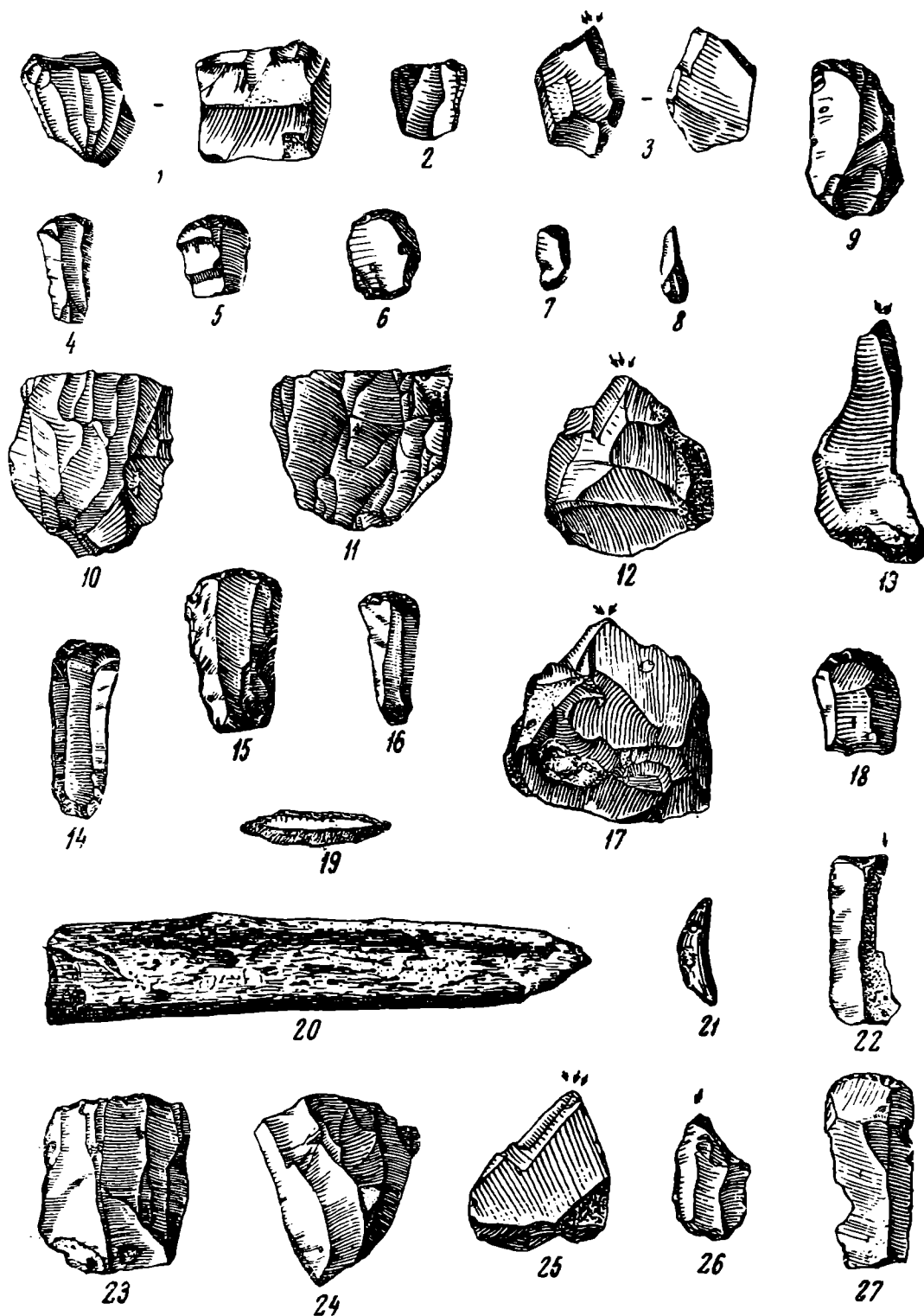

Рис. 18. Владимировская палеолитическая стоянка. Кремневые и костяные орудия (1—8—1-й слой; 9—20—2-й слой; 10—20—3-й слой; 21—27—4-й слой)

представляет собою скребок, изготовленный на конце пластинки длиной 15 мм, шириной 7 мм и толщиной в 3 мм (рис. 18). Этот экземпляр покрыт темносине-коричневой патинной. Второй скребок (рис. 18.—4) изготовлен на конце небольшой массивной пластинки размерами $25 \times 10 \times 5$ мм

с темносиней патиной. Другие два экземпляра (рис. 18—5, 6) изготовлены на отщепах.

Нуклеусы 1-го слоя имеют неправильно призматическую форму, а один из них дисковидный. Размеры нуклеусов весьма небольшие. На рис. 18—1 представлен наибольший экземпляр ($29 \times 26 \times 12$ мм); наименьший из нуклеусов представлен на рис. 18—2; на рис. 18—3 изображен срединный резец, единственный среди кремневых находок 1-го слоя. Этот экземпляр имеет розоватый цвет — результат воздействия огня. Пластинки 1-го слоя по своим размерам не превышают 3 см, а наиболее характерные экземпляры в среднем имеют длину 1.5 см. На рис. 18—8 представлена пластинка с затупленной спинкой, обнаруженная в квадрате 10.

Для кремневых орудий 1-го слоя характерны микролитические размеры, однако, формы их не геометрические (нет трапеций, сегментов и т. д.). Фауна этого слоя, по определению И. Г. Пидопличко, представлена фрагментами костей северного оленя, лошади и косточкой слепыша. В 1-м слое были обнаружены три пятна черного цвета размерами 30×30 см, являющиеся следами небольших кострищ. Вокруг этих кострищ и концентрировались находки 1-го слоя. Первый из костров находился в квадратах 37, 38, второй — на стыке квадратов 36 и 9/10, а третий — 39, 40. Наличие таких небольших очажков свидетельствует о том, что поселение 1-го слоя было временным стойбищем охотников на северного оленя и лошадь.

Под стерильной прослойкой в 20 см, на глубине 2.40 м был обнаружен следующий горизонт находок — 2-й слой; по количеству находок он самый бедный из всех слоев Владимировского многослойного поселения. Из орудий труда во 2-м слое был обнаружен скребок, изготовленный на пластине из темнокоричневого кремня (рис. 10—9) и покрытый патиной светлосинего цвета. Фауна этого слоя представлена лошастью, бизоном и северным оленем. Возможно, что основное поселение времени 2-го слоя находилось в размытой рекой части стоянки.

Под стерильной прослойкой в 30 см, на глубине 2.70 м был обнаружен самый мощный горизонт находок — 3-й слой, который был прослежен по всей площади раскопок 1946 г. В этом слое было обнаружено 3275 кремневых находок, 2400 фрагментов костей животных, кусочки красной и желтой краски и т. д. Средняя мощность слоя колебалась в пределах 7—10 см. В слое было обнаружено 13 нуклеусов, 49 нуклевидных форм, 47 резцеобразных орудий и резцов, 12 скребков, 10 пластинок с притупленной спинкой и т. д.

Нуклеусы односторонни и имеют неправильную призматическую форму. Нуклеус 10 (рис. 18) сделан из светлосерого кремня размером $42 \times 35 \times 26$ мм, нуклеус 11 из светлосерого кремня размером $40 \times 39 \times 32$ мм. Эти экземпляры — наиболее распространенные типы нуклеусов 3-го слоя. Здесь обнаружено также 8 срединных резцов, из которых 5 массивны, нуклевидны. Два из них представлены на рис. 18—12 и 17. Группа боковых резцов представлена шестью экземплярами. На рис. 18—22 изображен боковой резец с выемкой. Угловых резцов обнаружено 2, двойных — также 2. В 3-м слое встречено несколько нуклевидных крупных орудий до 8 см в ширину и в высоту. Эти орудия применялись для обработки дерева; их можно назвать резаками.

Скребки 3-го слоя представлены пятью экземплярами, изготовленными на отщепах, пятью концевыми скребками, одним скребком на сколе и одним скребком-резцом. На рис. 18—14, 15, 16 показаны три концевых скребка. Средняя величина их 4—5 см, что соответствует пластинам, встреченным в наибольшем количестве. Найден один скобель и один скребок-сверло. Представленная на рис. 18—19 пластинка с притупленной спин-

кой имеет слегка скошенные края, что напоминает геометрические орудия развитого эппалеолита.

Кремневые находки залегали в 3-м слое почти равномерно по всем квадратам площади раскопа, но все же в квадратах 22 и 31 встречено особенно большое скопление кремневых находок. Очевидно, в этих местах обрабатывался кремнь. В квадрате 36 обнаружено более 350 осколков и отщепов; в 15а на гранитная плита размерами 32×26×5 см, со следами многочисл. ударов на верхней плоскости. Это говорит о том, что плита, очевидно, употреблялась в качестве наковальни при изготовлении орудий. Кремневый инвентарь состоит на 90% из кремня светлосерого цвета.

Функционально, среди орудий труда 3-го слоя возможно выделить две основные группы: 1) группу крупных нуклеовидных форм, часто не имеющих законченных форм орудий, но употреблявшихся для обработки дерева (резаки, рабо, долотообразные орудия и т. д.); 2) группу орудий, предназначенных для обработки туш животных, добытых на охоте, для обработки костей и шкур (резцы, скребки, острия, пластинки с притупленной спинкой и т. д.).

Среди костей, обнаруженных в 3-м слое, И. Г. Пидопличко определил фрагменты костей северного оленя (от шести животных), фрагменты костей лошади (от двух животных), фрагменты костей байбака (от двух животных). Любопытна находка фрагмента челюсти льва в квадрате 20. Кости в раздробленном виде залегали равномерно по всей площади раскопа. Это говорит о том, что туши животных разделялись на месте, здесь же приготавливалась пища и что для еды использовался и костный мозг трубчатых костей животных.

В 3-м слое обнаружено ложило, сделанное из кости северного оленя (рис. 18—20). В квадрате 1 встречен фрагмент кости со следами косых надрезов; в квадрате 35 обнаружена костяная подвеска с отверстием 2 мм в диаметре. Она сделана из клыка песца (?), имеет следующие размеры: 26×6×4 мм (рис. 18—20).

Почти во всех квадратах площади были обнаружены кусочки красной и желтой охры, которая добывалась недалеко от места стоянки. В квадрате 31 обнаружен плоский камень, который мог употребляться для растирания краски.

В квадратах 2—3, 23 и 37—38 обнаружены следы кострищ. В кострище квадрата 2—3 (50×50 см) встречены пережженные ракушки *Unio*, костный уголь и вкрапления древесного угля. Содержимое ракушек употреблялось в пищу. Размеры второго кострища 40×40 см, а третьего — 1×1 м.

Наличие массы раздробленных костей, находки кремневых поделок, кусочков краски, поделок из кости, наличие следов очагов и т. д. — все это свидетельствует о том, что раскоп 1946 г. охватил часть сезонного поселения охотников на северного оленя, лошадь и байбака. Следов жилищ не обнаружено. Эта местность была богата вышеуказанными породами животных, что привлекало сюда охотников, остатки стоянок которых и были прослежены.

Ниже 3-го слоя, под стерильной прослойкой в 10—15 см был встречен 4-й культурный слой (глубина 2.90 м). В этом слое обнаружено 1226 кремневых находок, 639 фрагментов костей животных. Мощность 4-го слоя доходила до 5—7 см. Среди кремневого инвентаря обнаружено 12 скребков, 18 резцов, 12 нуклеусов, 8 нуклеовидных форм, 4 пластинки с притупленной спинкой, 2 орудия типа рабо. Нуклеусы 4-го слоя также не имеют четких призматических форм (рис. 18—23, 24). Первый экземпляр

мог употребляться в качестве рабо, так как имеет следы сработанности. Здесь обнаружены также резец-скребок и резец-скобель.

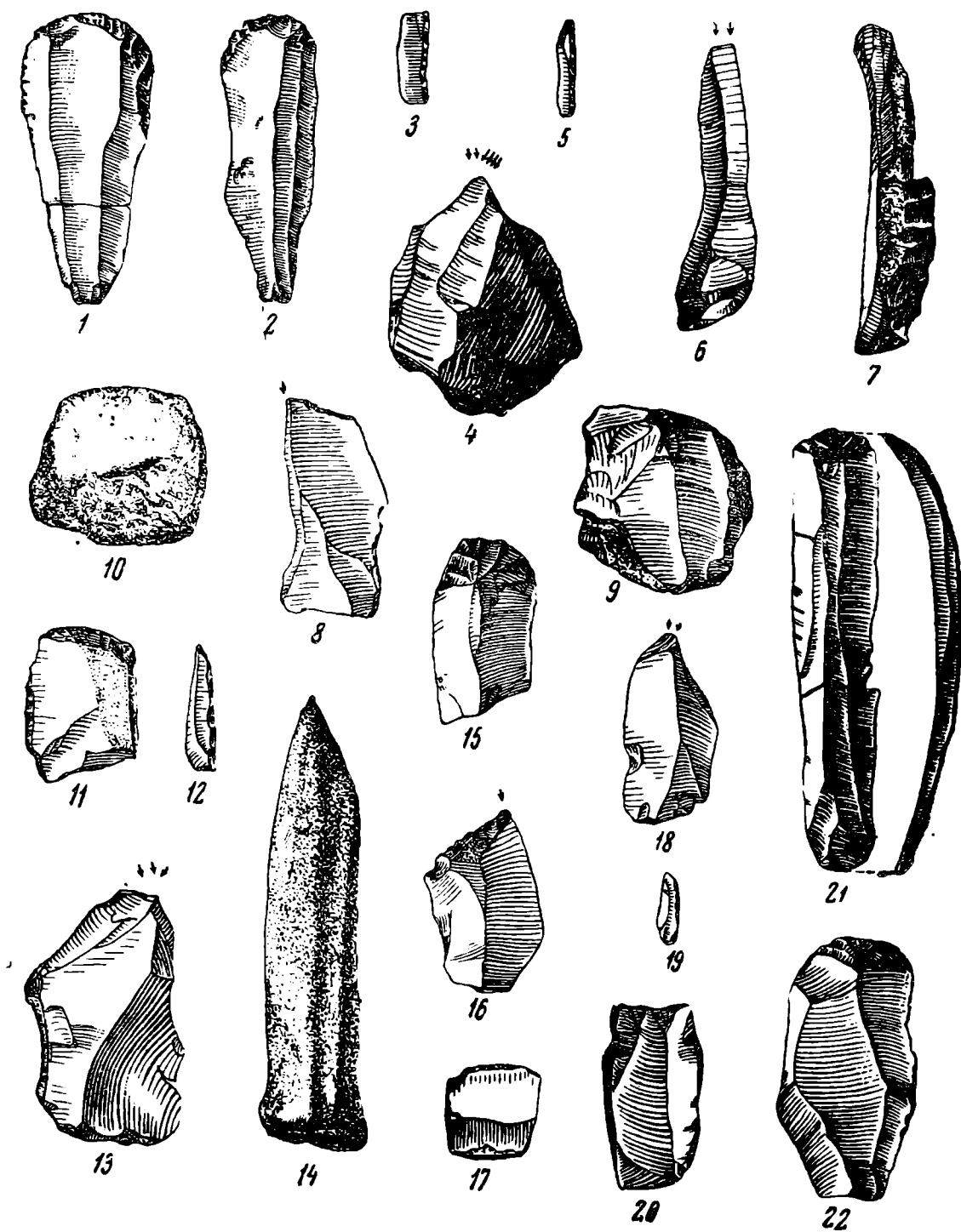

Рис. 19. Владимировская палеолитическая стоянка. Кремневые и костяные орудия 4—8-го слоев

Все скребки 4-го слоя, за исключением одного, являются концевыми скребками. На рис. 18—27 и 19—1, 2 представлены три скребка, типичных для данного слоя. Экземпляр 2 (рис. 19) имеет следы сработанности и на

суживающемся к основанию крае пластины. Среди скребков встречен один скребок на отщепе. Концевые скребки 4-го слоя на 1—1.5 см длиннее скребков 3-го слоя. Среди резцов 4-го слоя встречены массивные многофасеточные резцы (рис. 18—25 и 19—4), один двойной резец, два угловых резца. Остальные резцы боковые (рис. 18—26).

Особо следует отметить находку четырех длинных резцов, изготовленных на трехгранных или четырехгранных продолговатых сколах (рис. 19—6, 7). Один из этих экземпляров составил из четырех фрагментов. Экземпляр 7 (рис. 19) является многофасеточным резцом. Одна боковая грань обработана ретушью, с целью получения скреблообразного орудия. При такой обработке экземпляр раскололся, и отпавшая половина с резцовыми сколами была потом подправлена ретушью по грани, составлявшей часть скреблообразного лезвия. Орудия труда в 4-м слое также изготавливались из светлосерого кремня; в большом количестве употреблялся также и темнокоричневый кремень.

Наличие большого количества орудий, предназначенных для обработки туш животных, свидетельствует об охотничьем образе жизни обитателей стойбища времени 4-го слоя. В этом слое обнаружены фрагменты костей северного оленя (от четырех животных), лошади (от двух животных), зайца и байбака. Главными объектами охоты для обитателей стойбища являлись северный олень и лошадь. Среди находок обнаружено и одно костяное орудие, употреблявшееся как шило. Фрагменты костей животных в 4-м слое находились по всей площади, но все же было заметно, что они концентрировались вокруг кострищ. Следы кострищ обнаружены в шести пунктах раскопа. За исключением кострища квадратов 1—2, размеры которого были 80×90 см, все очаги (квадраты 7, 22, 21, 24—25, 31 и 34—35) имели по 30 см в диаметре. Эти небольшие кострища углублялись лишь на 2—3 см ниже уровня слоя, что свидетельствует о недолговременности этого поселения. В очагах были встречены пережженные косточки, ракушки *Uplio* и следы угольков. В квадрате 7 отмечено скопление кремневых находок — место обработки кремня.

Ниже 4-го слоя, на глубине 3.20 м был прослежен 5-й слой. Этот слой был обнаружен в квадратах 5—8, 14, 19, 20, 30 и т. д. Среди небольшого количества находок слоя следует отметить находку двух нуклеусов, изготовленных из светлосерого кремня. Нуклеус 9 (рис. 19) имеет размеры 40×40×42 мм. В 5-м слое обнаружена пластина со скошенным ретушью краем и выемкой по правому краю — боковой резец (рис. 19—8) и массивный отщеп с выемкой по краю. Встречены фрагменты костей северного оленя, бизона, лошади и хомяка. Следовательно, для поселения времени 5-го слоя характерна была охота на северного оленя, бизона и лошадей.

Под стерильной прослойкой в 30 см, на глубине 3.50 м был обнаружен 6-й слой. Находки были встречены по всем квадратам раскопа. Среди находок преобладают находки фрагментов раздробленных костей: 762 фрагмента костей от северного оленя (от трех животных), фрагменты костей байбака (от трех животных), фрагменты костей лошади и зуб бизона. Среди костей обнаружено два костяных орудия, употреблявшихся в качестве шил. На рис. 19—14 изображено шилообразное орудие из кости северного оленя. Острый рабочий край этого орудия имеет следы выглаженности, свидетельствующие о том, что острие употреблялось для прокалывания. Это орудие напоминает костяные шила гонцовской мадленской стоянки.

В 6-м слое обнаружены два скребка, один резец, один нуклеус и один отбойник. Один из скребков (рис. 9—11) имеет полуокруглое рабочее лезвие, ретушь охватывает и два других края этой укороченной пластины (35×27×3 мм). Резец 13 (рис. 19) — массивный средний резец,

покрытый серовато-синей патиной. Отбойник изображен на рис. 19—10; пластинка с притупленной спинкой обнаружена лишь в одном экземпляре (рис. 19—12).

В 6-м слое отмечены два кострища (55×55 см), вокруг которых и концентрировались все находки этого слоя.

На 25 см ниже 6-го слоя, на глубине 3.75 м был обнаружен 7-й слой. Среди кремневых находок этого слоя встречено 5 резцов, пластинка с притупленной спинкой, концевой скребок, сечение пластины и т. д. Один из трех срединных резцов (48×23×8 мм) показан на рис. 19—18. Это орудие изготовлено на пластине темнокоричневого кремня с светлосиней патиной. Два боковых резца имеют скошенные ретушью края и резцовые сколы. Один из этих резцов изготовлен из темнокоричневого кремня (рис. 19—16). Скребок на конце сломанной массивной пластины изготовлен из кремня темнокоричневого цвета (рис. 19—15). В 7-м слое обнаружено сечение пластины со следами употребления в качестве режущего орудия (рис. 19—17) и одна пластинка с притупленной спинкой (рис. 19—19). Встреченные фрагменты костей принадлежат северному оленю, лошади и зайцу. В квадрате 5 были прослежены следы небольшого очажка размером 30×30 см.

На 60—65 см ниже 7-го слоя, на глубине 4.40 м был обнаружен следующий горизонт находок — 8-й слой. Этот горизонт дал небольшое количество кремневых находок, фрагментов костей животных и кусочки красной охры. Среди находок 8-го слоя весьма интересны три концевых скребка. Первый из них изготовлен на конце длинной, изогнутой ножевидной пластины, длиной до 11 см (рис. 19—21). Этот экземпляр покрыт темносиней патиной. Второй экземпляр является скребком на конце широкой пластины (рис. 19—22), длиной 64 мм, шириной 37 мм. Третий — изготовлен на конце пластины длиной 78 мм. В квадрате 2 был обнаружен призматический нуклеус 46×21×26 мм из светлокорицевого кремня с синеватой патиной (рис. 19—20).

Среди фрагментов костей 8-го слоя встречены фрагменты костей северного оленя и лошади. В мадленских стоянках Европейской части СССР нет аналогии концевому скребку на пластине длиной до 11 см.

Ниже указанных горизонтов, на глубине 5.25 и 5.65 м удалось обнаружить 9-й и 10-й горизонты находок, где были встречены лишь кости лошади и носорога (9-й горизонт) и северного оленя и носорога (10-й горизонт). Следовательно, находки костей носорога встречаются ниже культурных слоев Владимировской стоянки. Многослойность стоянки возможно объяснить природными условиями, наличием большого количества животных, что привлекало сюда охотников. Следов сооружений для жилья не было обнаружено ни в одном из слоев поселения, а прослеженные следы кострищ в 1-м, 3-м, 4-м, 6-м и 7-м слоях, как правило, являются остатками от небольших и недолговечных кострищ. Кроме того, культурные слои имеют небольшую мощность. Все это говорит о том, что поселение было временным, сезонным стойбищем охотников на северного оленя, лошадь и байбака. В настоящее время установлено, что носорог и мамонт исчезают на территории Европейской части СССР в конце мадленской эпохи. С другой стороны, с. Владимировка находится южнее всех исследованных в Европейской части СССР мадленских стоянок и возможно, что в этом районе носорог и мамонт исчезают в более ранний период, чем на севере. Поэтому нижние слои Владимировской стоянки возможно датировать началом второй половины мадлена.

Типологически кремневый инвентарь Владимировской стоянки (за исключением инвентаря 1-го верхнего слоя) аналогичен материалам ряда

мадленских стоянок (Гонцы, Тимоновка, Супонево, Боршево II, нижний и средний горизонт, Новгород-Северск, Чулатово I—II, Костенки II, III, IV, Кирилловская — нижний горизонт, Мизин и т. д.), но в этих стоянках мамонт был встречен, во Владимировке он обнаружен не был, а носорог встречался ниже культурных слоев. Поэтому Владимировская стоянка относится к более поздней фазе мадлена, чем указанные ранне- и среднемадленские стоянки.

По отсутствию остатков мамонта и носорога Владимировская стоянка примыкает к группе таких памятников, как Боршево II (верхний горизонт), Кирилловская (верхний горизонт), Осокоривка, Кайстрова балка I, II, III, Ямбург, Дубовая балка, датируемые мадленско-азильским временем. Измельчание кремневого инвентаря характерно для начала эппалеолита.

1-й слой Владимировской стоянки характерен дробностью кремневого инвентаря, но он не имеет геометрических форм орудий (трапеции, сегментовидные орудия), чем отличается от памятников типа Рогалик-Якимовская, имеющих геометрические формы, и более близок к инвентарю стоянки Журавка, где также нет геометрических форм и кремневый инвентарь которой характерен дробными размерами. Поэтому 1-й слой Владимировской стоянки с полным правом возможно датировать азилем.

Слой Владимировской стоянки по фауне не отличаются друг от друга; это свидетельствует о том, что период, представленный этими слоями, не особенно велик, но представляет собой время от начала второй половины мадлена до первой половины азиля.

По формам и размерам кремневых орудий Владимировской стоянки прослеживается эволюция орудий поздне-мадленских в азильские. Этот отрезок времени наименее изучен, поэтому значение стратиграфии Владимировской стоянки особенно возрастает.

Раскопки 1946 г. охватили лишь очень небольшую площадь, материала получено мало, поэтому в будущем работы необходимо расширить, что даст возможность проследить конец палеолита и начало развития эппалеолита на материалах многослойной стоянки у с. Владимировки.

Н. Н. ГУРИНА

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ
ЮЖНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В июле 1946 г. ЛОИИМК АН СССР была произведена под руководством автора археологическая экспедиция на южное побережье Кольского полуострова.

Экспедиция совершила маршрут от гор. Кандалакши до с. Умба, пройдя в общей сложности около 300 км. На протяжении указанного пути были обследованы побережье Белого моря и системы наиболее крупных рек — Лувенги, Колвицы, Умбы — в их нижнем течении.

Экспедицией было обнаружено 15 пунктов с остатками мест поселений древнейшего человека, которые могут быть разделены на две группы: а) стоянки и поселения, б) лабиринты.

Для обнаруженных стоянок и поселений характерен ряд общих черт, позволяющих высказать предположение об их относительной хронологической близости. Эти главнейшие черты следующие: 1) одинаковая высота залегания над современным уровнем моря, колеблющаяся в среднем между 10—13 м; 2) незначительная глубина расположения находок от поверхности; 3) ограниченная площадь, занятая находками; 4) отсутствие хорошо выраженного культурного слоя; 5) абсолютное преобладание кварца в качестве материала для изготовления мелких орудий, при почти полном отсутствии кремня; 6) особый характер керамики в виде тонкостенных сосудов из глины с примесью асбеста; 7) расположение стоянок в местах современных рыболовецких тоней.

Стоянки можно разделить на три группы, расположенные близ устьев рек Нивы, Колвицы и Умбы. Наиболее многочисленная из них кандалакшская, насчитывающая 6 местонахождений. Все стоянки расположены на древних морских террасах, в среднем на 10—13 м выше современного уровня моря. Выбранный под поселение участок представляет собой преимущественно ровную площадку, лежащую между отступившими от берега горами и морем. Число таких площадок на побережье крайне невелико. Они сложены из морских отложений в виде крупнозернистого песка и гальки. Поверхность участков слабо залесена и затянута ягелем. Общая площадь стоянки редко превышает 200 м². Культурный слой не имеет отчетливо выраженной окрашенности и в большинстве случаев ничем не отличается от окружающего грунта.

Орудия труда на всех поселениях изготовлялись преимущественно из местных пород камня: мелкие — из кварца и кварцита, крупные — из сланца и песчаника. Кремень употреблялся очень редко, кремневые орудия и отщепы насчитываются единицами. Особенно многочисленны квар-

цевые скребки различной величины и формы, высокой техники изготовления. Многие из них обработаны тонкой отжимной ретушью и имеют правильную округлую форму. Наконечников найдено немного. Некоторая часть их изготовлена из кремня, имеет удлиненно-листовидную форму; другие — из сланца и обработаны с помощью шлифования, имеют листовидную форму и хорошо выраженный черешок.

Крупные орудия сделаны из сланца и песчаника, среди них: топоры, молоты, мотыгообразные орудия, шлифовальные плиты и точила. Особого внимания заслуживает керамика. Количество ее на поселениях невелико, но однообразие ее дает в целом достаточно точное представление о типе.

Собранные фрагменты представляют собою обломки тонкостенных сосудов, изготовленных из хорошо отмученной глины серого или желтоватого цвета. Примесью к ней служит толченый асбест. Внешняя поверхность — в преобладающем большинстве гладкая. Имеющаяся орнаментация — несложная: она состоит из отпечатков гребенчатого штампа и узких горизонтальных углублений, расположенных параллельно друг другу.

Несколько иной тип представляет керамика стоянок, расположенных в устье р. Колвицы и на берегу Колвицкого озера. Асбест здесь в качестве примеси не встречается совершенно.

Анализируя все местонахождения данной группы, можно сделать предварительный вывод, что большинство их представляет не постоянные поселения с длительным пребыванием здесь человека, а скорее посещаемые лишь на сезон рыбной ловли. Весьма возможно, что более длительные поселения следует искать несколько отступая от берега. С этой точки зрения особого интереса заслуживает поселение № 10, расположенное на распаханном поле, на расстоянии одного километра от устья р. Нивы, близ гор. Кандалакши.

Стоянка расположена на склоне третьей террасы, 13 м над современным уровнем реки. Площадь поселения приблизительно 600 м.

В результате сборов и заложенных шурфов было обнаружено большое число крупных орудий, среди которых преобладающими являются топоры. Они изготовлены из глинистого сланца и обработаны с помощью шлифования. Кварцевые скребки, в отличие от всех упомянутых стоянок, немногочисленны, но разнообразны по форме. Из единичных находок следует упомянуть листовидный наконечник из сланца, с хорошо выраженным черешком, и зубчатый штамп для керамики.

Особого интереса заслуживают три углубления с интенсивной окрашенностью культурного слоя, являющиеся, по видимому, остатками от древних жилищ; размер указанных углублений 5×5 м. Кроме того, на распаханном участке поля прослеживаются четыре углубления достаточно правильной четырехугольной формы. Два из них почти сливаются друг с другом, образуя вид прямоугольника, длинные стороны которого имеют около 8 м. Два других (4×4 м) соединены узкой канавой в 0.5 м ширины. Глубина всех впадин не превышает 40 см.

Кроме данного пункта, расположенного вблизи Кандалакши, значительного интереса заслуживают поселения № 1 и 4, обнаруженные в непосредственной близости от лабиринта и рыболовецкой тони. Общая протяженность стоянки не превышает 400 м. Культурный слой находится на глубине 15—20 см от дневной поверхности и отличается от современного грунта лишь красноватой окраской и наличием находок.

Находки состоят исключительно из тщательно обработанных кварцевых скребков и фрагментов сосудов из глины с примесью асбеста и слюды. В большинстве случаев внешняя поверхность сосудов не орнаментирована вовсе, реже она украшена отпечатками крупного гребенчатого штампа или

мелкой волнистой линией. Расположение стоянок по соседству с лабиринтом и наличие связи их друг с другом имеет существенное значение в вопросе установления датировки каменных беломорских лабиринтов.

Последние исследования в этой области дали мне известное право связать беломорские каменные лабиринты с магическими обрядовыми действиями древних рыбаков. Каменные лабиринты Белого моря, Лапландии и Скандинавии, о которых мы имеем достаточно подробные сведения, расположены на островках и полуостровах, в непосредственной близости от моря. Места расположения лабиринтов обычно совпадают с участками морского берега, особенно богатыми рыбой.

При изучении конструкции данных памятников невольно обращает на себя внимание их сходство с древнейшими рыболовными приспособлениями, применяемыми в Беломорье и называемыми «убегами». В некоторых случаях каменные лабиринты по конструкции совершенно сходны с ними в плане: а) вход в лабиринт во всех известных случаях обращен в сторону материка, как и у «убегов» или ловушек; б) в некоторых случаях лабиринты сопровождаются каменными кладками в виде гряд, отгораживающих полуостров с лабиринтом или соединяющих два лабиринта; они напоминают стены частокола или забора, перегораживающего реку, между которыми вставляются ловушки; в) помимо каменных кладок, сопровождающих лабиринты, в непосредственном соседстве с ними расположена фигура, поражающая своим сходством с рыболовной ловушкой «вентарь»; г) сама форма полуострова, на котором расположены лабиринты, напоминает рыболовные снаряды. Таким образом, неразрывная связь лабиринтов с берегом моря и тонями, с одной стороны, и их сходство с рыболовными орудиями — с другой, дают основание видеть в лабиринтах символы этих последних и объяснить создание подобных памятников стремлением рыбаков обеспечить себе успех промысла.

Однако отнесение лабиринтов к определенному хронологическому периоду не может пока быть доказанным, хотя сходство лабиринтов с фигурами, изображенными на бронзовых вещах, а также глубина почвенного слоя, образовавшегося между камнями лабиринта в результате длительного времени его существования, указывает на их древний возраст. Каменные лабиринты можно датировать периодом раннего металла — бронзой и началом железа.

Обнаруженный экспедицией новый лабиринт близ селения Умба своей конструкцией и характером расположения может служить лишним доказательством правильности сделанного заключения о магическом значении данных памятников в обрядах древних рыбаков.

В заключение следует отметить, что уже по этим первым найденным нами памятникам мы можем видеть отчетливо выраженное единство поселений на южном побережье Кольского полуострова. В этом плане особого интереса заслуживают стоянки, обнаруженные разведками А. В. Шмидта на р. Варзуге, близ селения Кузомень, изучение которых приводит к выводу о сходстве открытых поселений со стоянками близ Кузомени.

При сравнении этих памятников с памятниками соседних областей Карело-Финской ССР, южного побережья Белого моря и Скандинавии можно сделать вывод о родстве стоянок южного побережья Кольского полуострова с карельскими и скандинавскими стоянками; никаких элементов сходства со стоянками южного побережья Белого моря не прослеживается. Можно утверждать также, что высказываемая в последнее время мысль о тесной связи древнего населения Кольского полуострова с Восточной Сибирью не находит подтверждения.

А. Я. БРЮСОВ

РЕЗУЛЬТАТЫ ВОЛОГОДСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ЧАРОЗЕРСКОМ РАЙОНЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ¹

В 1946 г. экспедицией были закончены раскопки свайного поселения на правом берегу р. Модлоны у впадения в нее р. Перечной и произведены дополнительные раскопки на стоянке и могильнике в местности Каравайха на правом берегу р. Еломы.

В итоге работ 1937—1946 гг. вскрыта почти вся доступная для раскопок площадь свайного поселения. На раскопанном пространстве открыты остатки четырех домов, переходы между ними, плотик у берега р. Перечной и т. д. Выяснена общая топография поселения и конструкция построек до кровли включительно. Найдено большое количество каменных, костяных, деревянных и янтарных изделий, керамика, кости живогных, птиц и рыб. Найдены семена культурного льна и часть деревянной прялки. По типам янтарных украшений свайное поселение датируется самым началом II тысячелетия до н. э.

В отложениях верхнего культурного слоя (в суглинке) открыты большие каменные очаги и найдено много различных вещей.

На Каравайхинском могильнике вскрыта часть площади, занятая ранее маленьким кирпичным заводом. Были открыты погребения, произведенные до возникновения здесь стоянки и находящиеся ниже культурного слоя ее, и более поздние погребения времени существования стоянки. Антропологически черепа тех и других достаточно резко отличаются друг от друга. При раскопках найдено много вещей и установлено, что северная часть стоянки (ближе к реке) возникла много раньше южной части. Так как первая датируется по вещам временем не позднее начала II тысячелетия до н. э., то древнейшие погребения под этим культурным слоем, очевидно, на несколько сот лет старше погребений типа Оленьеостровского могильника на Онежском озере, открытых ранее в южной части стоянки, датируемой серединой II тысячелетия до н. э.

М. Е. ФОСС

ГАЛИЧСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ¹

Экспедиция, являвшаяся продолжением работы предшествовавшего года, имела целью исследование памятников в районе галичской культуры на северном берегу Галичского озера в Костромской обл.

¹ Тезисы доклада.

Раскопки на дюне близ б. монастыря «Умиление» открыли стоянку с остатками выплавки железа, расположенную на площади древней стоянки галичской культуры. Обнаружены три землянки с очагами и очажные ямы вне землянок с углистым песком и древесным углем. Найденные в большом количестве железные шлаки, обломки кричного железа, рассеянные повсюду каменные орудия для дробления руды — указывают на производившуюся здесь выплавку железной руды. Наряду с этим впервые были обнаружены фрагменты сосудов с сетчатым орнаментом древнейшего дьяковского типа, со следами употребления их в качестве тиглей. Нахождение железа, сплавившегося с глиняными сосудами, ставит вопрос о вторичной обработке железа, полученного сыродутным способом. Открытая стоянка является первой подобного рода стоянкой на территории Европейской части СССР. Площадь ее раскопа составляет около 260 м².

Данные раскопок 1945 и 1946 гг. позволяют датировать Галичскую стоянку и наметить периодизацию памятников с указанием их генетической связи начиная с эпохи неолита и кончая ранним железом.

А. В. ЗБРУЕВА

О РЕЗУЛЬТАТАХ РАБОТ КАМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ¹

В 1946 г. Камской экспедицией ИИМК продолжались раскопки Луговской стоянки в Елабужском районе ТАССР, начатые в 1940 г. В результате работ 1940 г. было вскрыто одно жилище-землянка целиком и два затронуты раскопками частично. В 1946 г. предстояло закончить раскопки жилого комплекса и, кроме того, выяснить вопрос о причинах находок человеческих костей в очаге землянки № 1.

В результате работ 1946 г. была вскрыта площадь в 200 м², где располагались землянки № 2—6 четырехугольной формы, соединенные одна с другой проходами. Землянка № 6 в восточной части раскопа осталась недоследованной, так же как и проходы в северной части жилища № 5. В каждой из землянок (за исключением землянки № 4, отчасти разрушенной весенними разливами Камы) помещались очаги, вокруг которых группировались находки, главным образом обломки глиняной посуды и кости животных, но человеческих костей встречено не было. Очевидно, очаг в землянке № 1, несколько отличавшийся от других и по своему устройству, служил местом человеческих жертвоприношений.

Находки из раскопок Луговской стоянки состоят из небольшого количества каменных орудий, костей домашних животных (лошади, коровы, овцы, свиньи) и обломков глиняной посуды.

Луговская стоянка — типичный родовой поселок, состоящий из нескольких «больших домов». Кости домашних животных свидетельствуют о преобладающем значении скотоводства в хозяйстве населения стоянки.

Анализ керамики позволяет вскрыть сложные влияния окружающих культур: позднерубной, андроновской и в то же время констатировать появление посуды ананьинского типа — с выпуклым валиком вокруг горла сосудов, шнуровым орнаментом и округлым дном. Время существования стоянки определяется концом II и началом I тысячелетий до н. э.

---

¹ Тезисы доклада.

С. Н. БИБИКОВ

ДОТРИПОЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЛУКА-ВРУБЛЕВЕЦКАЯ¹

Материалы, собранные в течение 1945—1946 гг., при раскопках поселения в Луке-Врублевецкой на Днестре, дают основание пересмотреть ряд существенных положений в связи с изучением памятников трипольской культуры.

1. Относительная датировка поселения Лука-Врублевецкая.

а) Поселение Лука-Врублевецкая расположено под 1.5—2-метровой толщей суглинка первой надпойменной террасы, т. е. в совершенно необычных для трипольского возраста местонахождениях. В этом отношении поселение Луки-Врублевецкой можно сопоставить с известными поселениями Извоар, Гигаешти и Брага — остатками культуры дотрипольского возраста.

б) Сопоставление с Извоаром I дает все основания синхронизировать с ним находки из Луки-Врублевецкой. Абсолютно ясное стратиграфическое расчленение комплексов в Извоаре, где находки из нижнего слоя принадлежат к дорасписной стадии и по орнаментике керамики совпадают с орнаментальными мотивами на керамике из Луки-Врублевецкой, наглядно подтверждает эту общность культур. Извоар, имея два слоя, как бы контролирует положение материалов из Луки-Врублевецкой в стратиграфической колонке раннеземледельческих поселений Украины.

В орнаментике керамики из Луки-Врублевецкой, исключительно разнообразной по своим построениям, основным приемом нанесения орнамента остается использование прочерченных линий в сочетании с ямками и гребенчатыми оттисками. Спираль составляет редкое исключение. На многие тысячи черепков найдено 4—5 фрагментов керамики со спиралью и отмечены 1—2 случая использования ее в пластике.

в) Общее сопоставление форм домостроительства Триполья и домов полуземляночного типа в Луке-Врублевецкой показывает их глубокое различие. В поселениях типа Лука-Врублевецкая нет знаменитых, так называемых «глиняных площадок».

г) Трипольская пластика тоже имеет свои существенные отличия от пластики памятников типа Лука-Врублевецкая, Гигаешти, Извоар и др.

Однако ряд компонентов из названных дотрипольских памятников мы встречаем в раннетрипольских поселениях. Материалы из Борисовки, Сабатиновки, Попов-Города, Саврани, может быть Печёры, Пьянишниково и др. заключают вполне аналогичные черты с дотрипольскими памятниками. Следует прежде всего отметить прочерченную керамику, отмеченную во

¹ Положения, выдвинутые в докладе, редакция считает дискуссионными.

множестве в этих раннетрипольских поселениях наряду с расписной керамикой (рис. 20).

Поселение типа Лука-Врублевецкая не может быть одновременным с трипольскими памятниками. Этому противоречит: стратиграфическое положение слоя с расписной керамикой над слоем с прочерченной керамикой в Извоаре; трудно допустить, чтобы расположенные вблизи такие мощные очаги Триполья с полихромной керамикой, как Дарабаны, Кадиевцы и ряд других, еще ближе расположенных (в 1—2 км), не оказали бы своего влияния на культуру типа Луки-Врублевецкой, если бы они были одновременны с ней.

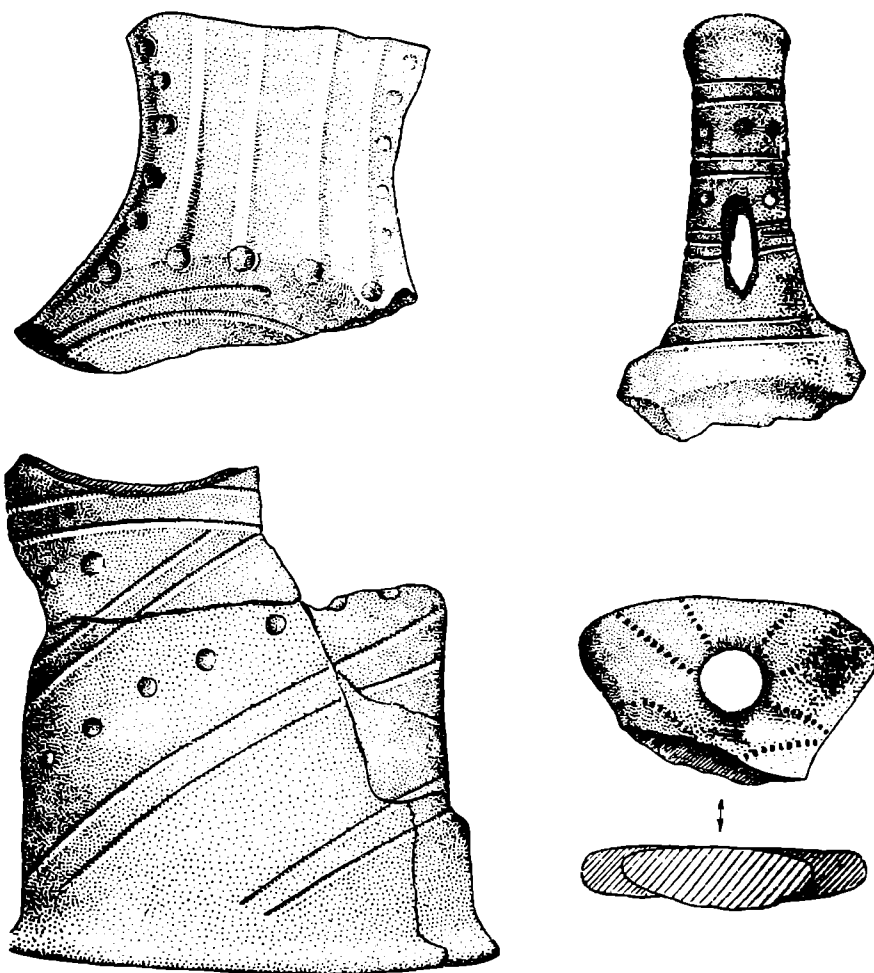

Рис. 20. Керамика дотрипольского поселения Лука-Врублевецкая

Поселение в Луке-Врублевецкой не одновременно с поздним Трипольем и не позже его. Опять-таки очень мощные очаги позднего Триполья с его характерной монохромной керамикой, или вообще без росписи, с желобчатой орнаментацией находятся тут же рядом с Лукой-Врублевецкой, однако никаких признаков присутствия поздних черт керамика из Луки-Врублевецкой не несет. Вообще позднетрипольские комплексы слишком своеобразны, чтобы сравнивать их с материалами из Луки-Врублевецкой.

Таким образом, можно установить, что поселение в Луке-Врублевецкой предшествует возникновению собственно Триполья и представляет собой тот древнейший пласт, из которого развилась в дальнейшем трипольская культура, возможно, впитав в себя и компоненты, идущие еще и из культуры линейно-ленточной керамики.

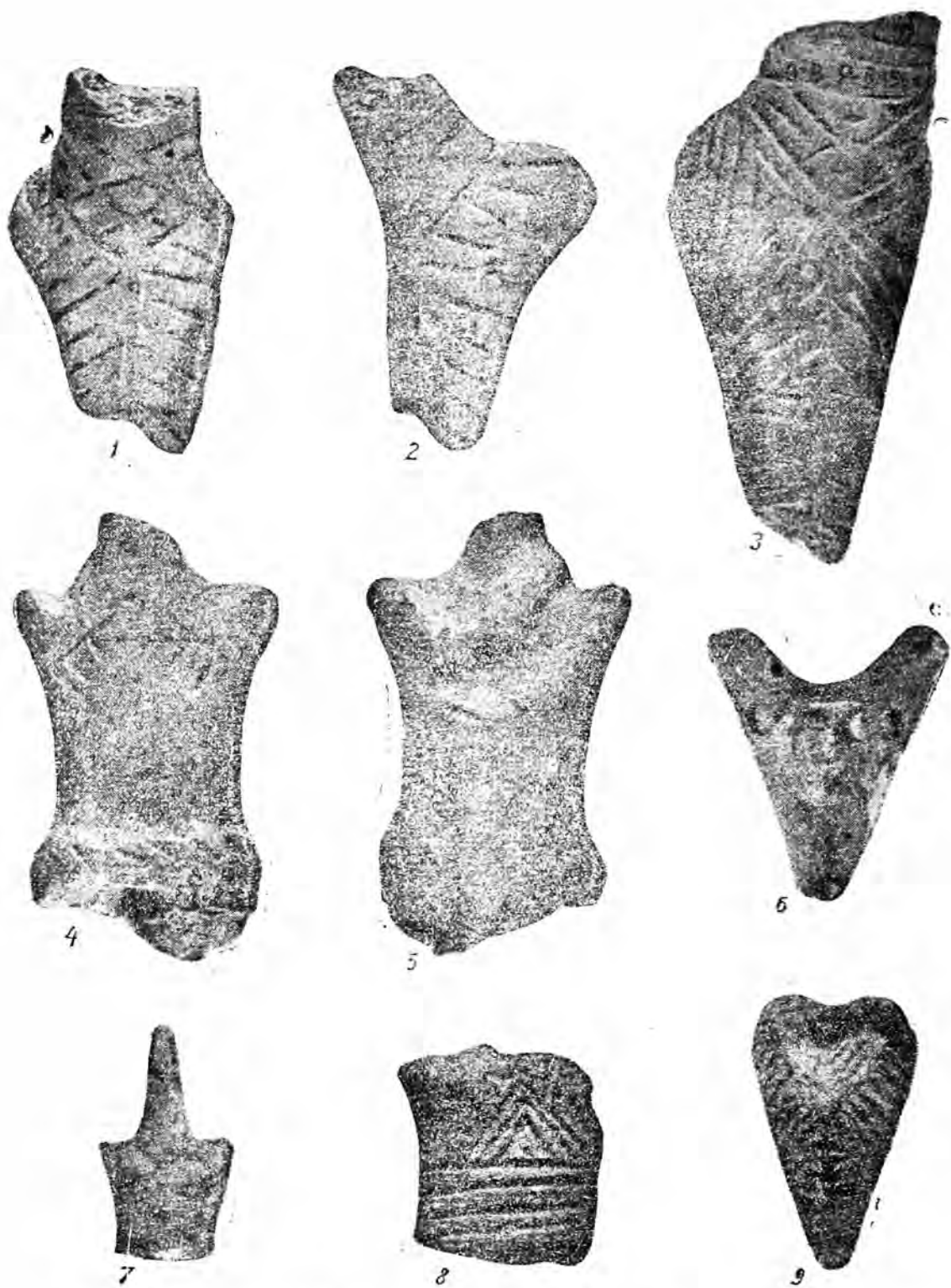

Рис. 21. Терракоты дотрипольского поселения Лука-Врублевская

2. Хозяйственный уклад носителей дотрипольской культуры типа Луки-Врублевецкой.

Собранные материалы, с одной стороны, говорят за широкое использование земледелия — мотыги, зернотерки, наконечники мотыг из сланца и, наконец, остатки проса дают бесспорное подтверждение наличия земледелия. С другой стороны, очень большое количество костей животных дает представление и о роли животноводства. Быки, овцы или козы, свиньи составляли, видимо, значительные стада. Относительно одомашенной лошади вопрос остается пока открытым. Во всяком случае, кости лошади встречены в Луке-Врублевецкой.

Рыболовство, если судить по частым находкам костей рыб, в том числе и крупных, имело свое значение в хозяйстве человека.

Очень своеобразную группу находок в Луке-Врублевецкой составляют глиняные терракоты (рис. 21). Найдено их свыше 120. Они изображают женщин и мужчин в сидячем, полусидячем и прямом положениях. Многие статуэтки имеют свои индивидуальные признаки; они различаются по своему оформлению: в одних случаях объемные пропорции тела передаются реалистично, в других — в очень схематических чертах. По своей композиции, стилю орнаментации, стеоопигическим признакам некоторые врублевецкие статуэтки напоминают пластические фигурки типа Кукутени.

Обращает на себя внимание факт фрагментарности почти всех статуэток. Его нельзя не поставить в связь с наблюдениями на других поселениях Юго-Восточной Европы и Украины. Так, например, в Бутмире почти на сотню статуэток найдено целыми 6—7 маленьких стилизованных фигурок. В опубликованных Васичем терракотах (Предисторическая Винча III) из Винчи на 427 пластических фигурок людей целых обнаружено около 27 и 19 составленных из фрагментов. На Украине, например, в Грушевцах найдено 45 фрагментов, в Сушкивке 29, Кадиевцах 18, в Желудовке 7 и т. д.

Мы склонны предположить, что статуэтки уничтожались преднамеренно, и это явление отвечало первобытно-религиозным воззрениям. Культ этот в позднейшей идее умирающего и воскресающего бога в пережиточной форме дошел до современности у ряда народов. Женские статуэтки отнюдь не были божества, они изготовлялись в массовом количестве, имели различную семантику, и изготовление их приурочивалось, видимо, к каким-то определенным событиям. Может быть, это были весенние гразднества, связанные с началом плодородия, по прошествии которых надобность в фигурках отпадала, и они либо предавались забвению, либо уничтожались.

В разрешении семантики отдельных групп статуэток поможет изучение культа онгонов, сохранившего наиболее древние реликты первобытного мышления.

Итак, изображение женщин не отражает матриархально-родового строя организации дотрипольского общества, которое прошло уже эту стадию. Образ женщины воспроизводится в пластике за тем видом занятий, который соответствовал ее положению в обществе (находки в Сушкове, Чичеркозовке, Попудне и в бывш. Балтском уезде).

Обращаясь к совокупности фактов, мы можем поставить вопрос о пересмотре установившегося взгляда на матриархально-родовой строй трипольского общества.

а) Как нами было отмечено, уже в дотрипольскую эпоху животноводство в хозяйственном укладе приобрело большее значение. Вместе с продуктами рыболовства органическая пища заняла весьма серьезное

место в пище древнего человека. Животноводство и рыболовство были связаны в основном с трудом мужчин.

б) Земледелие тоже способствовало выдвижению мужчин на передний план экономической жизни общества, во всяком случае на первых циклах подготовки и обработки почвы, как это и наблюдается у некоторых современных народов (например, папуасы Новой Гвинеи).

в) Накопление родовых богатств и охрана их от посягательств враждебных племен тоже выдвигало мужчину на роль защитника родовых ценностей (скота, зерна, предметов обихода). Напомним в связи с этим находку боевого шестигранного молота в Луке-Врублевецкой. Находки боевых топоров имели место в ряде трипольских местонахождений, однако топоры эти вызывали сомнение слишком общими чертами их с обычными топорами. Тем не менее присутствие их констатировано Е. Ю. Кричевским в ряде поселений.

г) Приведенная выше интерпретация женских статуэток тоже говорит не в пользу матриархально-родовых отношений в трипольском обществе.

д) Развитие животноводства, охоты и рыболовства, вместе с земледелием в хозяйственном укладе раннеземледельческих племен Днестровско-Дунайского круга приблизило мужчину к основным хозяйственным источникам жизни, что повлекло за собой и изменение его общественного положения в направлении утверждения патриархальных начал.

Т. С. ПАССЕК

ТРИПОЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ У ВЛАДИМИРОВКИ В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В предвоенные годы (1939—1940) Трипольская экспедиция ИИМК АН СССР и Института археологии АН УССР, закончив многолетние работы в Киевской и Житомирской областях, перенесла свое внимание на изучение трипольских поселений в бассейне Южного Буга, где и были начаты раскопки в Кировоградской обл. на поселении у с. Владимировки.

В 1946 г. экспедиция продолжила прерванные войной раскопки на этом поселении, расположенном на высоком правом берегу р. Синюхи (приток Южного Буга). Уже первые разведки дали исключительно интересные находки, среди которых известная глиняная модель трипольского жилища с трехцветной росписью и др.¹ Сравнительно небольшие раскопки предшествующих годов показали, что Владимировский родовой поселок занимает огромную территорию, тянущуюся с С на Ю на 900 м и с Э на В на 800 м, и является самым большим из известных в настоящее время трипольских поселений.² По предварительным данным разведки, здесь открыто 162 жилища. Таким образом, в древности поселок был густо заселен и разрастался, видимо, постепенно в течение ряда столетий.

Остатки глинобитных жилищ, открытые здесь на глубине 0.50—0.80 м в черноземе, располагались на поселении по определенной системе по кругу. Близкая система расположения жилищ изучена на трипольских поселениях Коломийщины I и II,³ однако Владимировский поселок заметно отличается от них по своим размерам и по расположению построек на нем в пределах нескольких концентрических полукругов. Жилища на Владимировском поселении представляют собою большие глинобитные постройки, здесь же, однако, была раскопана и землянка трипольского времени.⁴

В дни временной фашистской оккупации линия фронта прошла вдоль берега р. Синюхи. Вся территория древнего поселения была перерезана широким (4.5 м) противотанковым рвом, сильно разрушившим этот исключительный памятник. В 1946 г. экспедиция сосредоточила основные работы вдоль этого рва. Установлено, что ров прорезал культурные остатки и глинобитные наслоения трипольского поселка более чем в 15 пунктах на глубину до 2 м. В восточной и западной стенках рва можно

¹ Т. С. Пассек. Трипольские модели жилища. ВДИ, 1938, № 4.

² Ее же. Трипольское поселение у Владимировки (раскопки 1940 г.). ВДИ, 1940, № 1.

³ Ее же. Трипольское поселение Коломийщина. КСИИМК, 1946, вып. XII; ее же. Новые открытия Трипольской археологической экспедиции в 1939 г. ВДИ, 1939, № 4.

⁴ Ее же. Трипольское поселение у Владимировки (раскопки 1940 г.). ВДИ, 1940, № 1.

⁵ Краткие сообщения ИИМК, вып. XXI

было прекрасно наблюдать правильно горизонтально залегающие глинобитные остатки трипольских жилищ, перерезанных рвом. Ров прошел с С на Ю, а затем несколько с отклонениями на ЮВ на протяжении 350—400 м, начиная от оврага в северной части поселения.

В 1946 г. раскопке на поселении были подвергнуты 14 жилищ, составлявшие один из рядов по кругу ближе к р. Синюхе. Всего за 1946 г. вскрыто 2000 м². Одни из жилищ были посередине перерезаны рвом поперек, и строительные остатки сохранились по сторонам рва, другие — разрушены лишь частично.

Противотанковый ров, таким образом, хотя и повредил глинобитные остатки жилищ, но позволил сделать небольшие наблюдения над разрезом всего поселения и над залеганием культурного слоя на значительном пространстве вдоль рва. Жилища оказались прямоугольными в плане наземными глинобитными постройками из дерева и хорошо обожженной глины. Каждое из жилищ является ценнейшим и своеобразным источником для характеристики хозяйства и быта трипольской культуры.

В настоящей заметке остановимся на четырех жилищах, открытых с западной стороны рва на участках 16 и 17. Размеры всех четырех домов, если учесть площадь, разрушенную рвом, колеблются от 15—16 м по длине и до 4.5—5 м по ширине. Все они строго ориентированы по длине с СЗ на ЮВ, располагаясь параллельно один другому. Узкой, поперечной своей стороной они обращены к центру поселения.

Строительные наслоения жилищ находились в черноземе на глубине 0.50—0.80 м от поверхности и были частично разрушены при вспашке и перерезаны юго-восточной стенкой рва. Уровень культурных остатков несколько понижается с СЗ на ЮВ соответственно понижению горизонта древней и современной почвы в направлении к реке. Все четыре дома имеют много общих черт, однако они заметно отличаются друг от друга и по характеру строительного материала, и по отдельным деталям постройки. Так, в жилище № 1 (участок 17) имелось три помещения; первое из них почти полностью срезано рвом, у края которого сохранились лишь части печной обмазки и основание перегородки. Второе помещение отделялось от первого перегородкой, в нем обнаружена печь с околопечным возвышением и небольшой лежанкой.

Далее, вдоль юго-восточной стены располагались нижние камни зернотерок и большие сосуды (12—15 штук) для хранения припасов. У противоположной стены заметен порог и, возможно, именно здесь был вход в дом. В глубине третьего помещения обнаружена небольшая печь, вдоль юго-восточной стенки — большое число сосудов (12—15), зернотерки, а напротив — крестообразный жертвенник и особое культовое место.

Большое сходство внутреннего распределения помещений было установлено и в жилищах № 2 и 3, 4 на участках 16 и 17.

Каким же способом были построены эти жилища? Следует указать, что в 1946 г. в основном подтвердились все те наблюдения над приемами строительной техники, которые были сделаны экспедицией ранее на других трипольских поселениях.

Еще раз подтвердилось, какое огромное внимание древние строители уделяли в жилищах сооружению основания и пола постройки. Обычно на предварительно выровненное пространство накладывались поперек расколотые плахи дерева. Этот деревянный настил затем покрывался слоем глины (до 0.1 м толщиной), смешанной с половой. Глина накладывалась в виде отдельных вальков, неправильных очертаний, 0.2 × 0.25 м. Промежутки между ними промазывались глиной, а поверхность заравнивалась. Валь-

ки лепились руками, и следы пальцев прекрасно сохранились на их поверхности. Вслед за этим деревянно-глиняный настил обжигался несколькими сильными кострами, наложенными поверх. Обжиг вальков часто неравномерен — от розовато-желтых до серовато-черных оттенков в нижней части. На обратной стороне прекрасно заметны отпечатки деревянных плах. Судя по отпечаткам, ширина этих плах колеблется от 0.1—0.15 до 0.2 м. Удавалось проследить поперечные плахи более чем на 1 м.

Все четыре жилища на участках 16 и 17 имели именно такую конструкцию основы и пола в доме, как и соседние с ними жилища № 7 и 8. В жилище № 10 такого рода деревянно-глиняный настил располагался только около печи, где находились большие сосуды и зернотерки, тогда как на остальном пространстве дома оставался земляной пол или подмазка слабо обожженной глиной.

Рис. 22. Владимировка. Крестообразный жертвенник и культовое место

Деревянно-глиняный настил безусловно был необходим в тех частях дома, которые предназначались для хранения и обработки зерна. Он прекрасно защищал зерно от сырой земли и к тому же значительно утеплял постройку. Из такого же типа вальков, но поставленных на ребро, слагались нижние части перегородок в доме, отделявших одно помещение от другого.

Остатки печей в трипольском доме обычно обнаруживаются в раскопках в виде груды рухнувших частей свода и стенок и представляют сильно обожженную шлакованную обмазку. Печи строились или на вальковом поде или непосредственно на полу в доме, причем часто наблюдается окологочная яма. Основа печи в плане подквадратная 1.6 × 1.8 м (реже до 2 м). Стены ее из деревянных плах, каркас свода из лозы. Реконструкция печей на основании фрагментов дала полную близость их по форме с печами, известными на древних моделях жилищ.¹

В 1946 г. во Владимировке около печи в жилище № 8 открыто квадратное в плане возвышение, обрамленное карнизом. В другом жилище № 1 (участок 17) около печи оказалась лежанка до 1 м длины, 0.6 м ширины

¹ Т. С. Пассек. Трипольские модели жилища. ВДИ, 1938, № 4. Е. Ю. Кричевский. Раскопки на Коломыйщине и проблема трипольских площадок. Сб. «Трипольська культура», 1940, т. I.

и 0.25 м высоты. Лежанка, составлявшая одно целое с печью, вылеплена из вальков и облицована прекрасно сохранившимися глиняными плитками. Подобные лежанки около печей изображены и на древних моделях из Попудни и Сушковки.¹ Особый интерес представило третье помещение в жилище № 1 (участок 17). Основное его отличие от двух других составляет жертвенник, выложенный из толстых (до 0.16 м толщиной) лиловато-розовых плиток в форме равноконечного греческого креста (рис. 22 и 23—2). Впервые подобный жертвенник экспедицией был открыт во Владимировке в 1936 г., тогда же он был сопоставлен автором с теми крестообразными возвышениями, которые имеются на древних моделях.²

Эти крестообразные жертвенники — наиболее характерная черта трипольского жилища во Владимировке. Крестовины жертвенника (сохранилась лишь часть его) значительны по размерам (1.4 × 1.4 м). Плитки, из

Рис. 23—Владимировка. Культовое место

которых он вылеплен, прекрасно сглажены и сверху и с боков и часто покрыты углубленным орнаментом в виде концентрических кругов и углублений. Жертвенники возвышаются над уровнем пола до 0.35 м, и их крестовины ориентированы, примерно, по странам света. Интересно, что после того как жертвенник был снят (монолитом) к отправке в Уманский музей, дальнейшая расчистка на месте его открыла глиняные фрагменты такого же крестообразного возвышения, залегавшего ниже. Это указывает, что жертвенное место в доме было почитаемо долгое время и подвергалось неоднократному ремонту и подправкам.

Совершенно новым было открытие в 1946 г., в непосредственной близости от крестообразного жертвенника, особого культового места четырехугольного в плане (1.6—1.5 м), выложенного плитчатой обмазкой и огражденного со всех сторон поставленными на ребро вальками (рис. 23—1).

В жилище № 10 около подобного культового места находились поставленные в два ряда один над другим 10 небольших и средних размеров сосудов, имеющих особое культовое значение. Один из сосудов стоял на песчаниковом камне, другой был наполнен лёссом; одна из чашечек украшена скульптурным изображением головы барана. Владимировские жертвенники и особые места около них — памятники первобытного культа исклю-

¹ Т. С. Пассек. Указ. соч.

² Там же.

чительного значения. В форме креста, образованного из четырех слившихся кругов, орнаментированные концентрическими кругами, безусловно следует видеть отражение культа солнца.

Указать полную аналогию владимировским жертвенникам трудно. Подобного типа жертвенники, но из камня, известны в эпоху энеолита у широкого круга племен земледельческой культуры, в частности, в Средиземноморье. Так, на Крите Эвансом был найден в одном из тайников (под полом) дворцового помещения эпохи среднеминойского периода жертвенник из серого мрамора в виде креста, около которого спрятаны три замечательные фаянсовые статуэтки, известные под именем «Богинь со Змеями».¹ Еще большую аналогию представляет круглый жертвенник среднеминойского периода из дворца Маллия (на Крите). Он выточен из известняка, и на поверхности его (по краю) нанесено 35 углублений, а в центре зна-

Рис. 23—Владимировка. Деталь крестообразного жертвенника

чительное углубление, заключенное в окружность.² Возможно также сопоставить владимировские жертвенники с глиняными культовыми очагами эпохи энеолита на Шенгавитском городище в Армении.³

В жилище № 2 (участки 16 и 17) также сохранились остатки подобного жертвенника, однако он здесь оказался вылепленным не на полу, а поверх особого четырехугольного возвышения.

Открытие в 1946 г. рядом с крестообразным жертвенником особого культового места заставляет снова напомнить о древних моделях трипольского жилища, особенно о двух из них — из Попудни и Чичиркозовки, где около печи, на особом возвышении помещается женское изображение (идол).⁴ Возможно сделать предположение, что в трипольском доме на культовом месте (подобно открытым во Владимировке) устанавливались не только ритуальные сосуды (жилище № 10), но и антропоморфные статуэтки. На эту мысль наводит удивительная находка, недавно сделан-

¹ A. Evans, Palace of Minos, т. I.

² F. Charouhier et J. Charbonneau, Fouilles exécutées à Mallia, т. I—IV (1922—1924), Paris, 1928, табл. IV.

³ Б. А. Куфтин. Урартский «Колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. Вестник Гос. музея Грузии, Тбилиси, 1943, т. XIII.

⁴ Т. С. Пассек. Трипольское поселение у Владимировки. ВДИ, 1940, № 1

ная в Молдавии у с. Костиша. Здесь был найден довольно большой фрагмент плиткообразной обмазки, видимо, от возвышения, с 8 углублениями на поверхности; в одно из углублений, как пишет исследователь, издающий этот фрагмент, было вставлено коническое окончание сильно схематизированной стоячей женской статуэтки.¹ Постоянно встречаемые в раскопках вылепленные из глины миниатюрные кресла, предназначенные для сидячих женских изображений, упоминаемая находка из Костиши и изображения женского идола на древних моделях подтверждают высказанную нами мысль о постоянном месте в трипольском доме женского изображения. В связи с этим особого внимания заслуживает обнаруженный в Молдавии у с. Липканы² миниатюрный глиняный «трон». По сторонам спинки его — две женские статуэтки, видимо, охраняющие то место, где помещается трипольский идол, охранитель дома.

До раскопок 1946 г. остатки стен трипольского жилища обычно обнаруживались редко. В текущем году между жилищами № 1 и 2 (участок 17) и жилищами № 3 и 4 (участки 16 и 17) открыты части глинобитных, слабо обожженных стен в разрушенном состоянии, причем установлено, что они были, как и на Коломийщине I, из плетня, обмазанного глиной.³ Фрагменты такой слабо обожженной обмазки с отпечатками лозы тянулись полосой вдоль продольных стен построек, между жилищами № 1 и 2, 3 и 4.

В результате раскопок на участках 16 и 17 установлено, что открытые здесь четыре жилища были выстроены почти вплотную одно к другому. Между ними оставалось пространство в 1.5—2 м. Можно полагать, что четыре жилые многоочажные и многокамерные постройки вместе представляли определенное хозяйственное целое, а население, жившее в них, безусловно коллективно обрабатывало землю, владело общими запасами, на общих началах осуществляло приготовление пищи. В каждом из них жило несколько парных семей. Такого типа трипольские постройки представляют пример «большого дома» эпохи родового общества.

В жилищах открыто значительное количество хозяйственного инвентаря. Это прежде всего располагавшиеся в определенных местах в доме глиняные сосуды. В каждом доме открыто до 50 сосудов различных форм и размеров, т. е., примерно, по 15—20 сосудов приходится на отдельные помещения, на хозяйство отдельной парной семьи. Большинство из них прекрасной выделки, с углубленным орнаментом или с росписью черной краской. Имеются сосуды, украшенные одновременно и углубленным спиральным орнаментом и расписанные темнокрасной и белой красками. Это большие сосуды грушевидной формы для хранения припасов. С ними рядом находятся шлемовидные крышки и каменные зрнотерки; около печей — чаще всего горшки для приготовления пищи, с «полосчатым сглаживанием» на поверхности, вылепленные из массы с примесью толченых раковин. Иногда края расписных сосудов украшены скульптурными изображениями голов быка или барана, с сильно закрученными рогами. Из керамических изделий, как всегда, многочисленны глиняные женские статуэтки (стоячие, сидячие и полулежачие). Они вылеплены из плотной розоватой массы и украшены росписью: черными полосами нанесено ожерелье, а тело покрыто узорами татуировки. Сзади на спину спускаются распущенные волосы, покрашенные черным и с узлом внизу. Такого стиля женская прическа известна и на других трипольских статуэтках.⁴

¹ S. Mătașa. Sacatari den preistoria judetului Neamț. Buletenu Comisiunii Monumentelor Istorice, Bucarest, 1938, т. XXXI, вып. 97.

² S. Ambojevici. L'époque néolithique de la Bessarabie du nord-ouest. Dacia, Bucaresti, 1932, т. III—IV, стр. 39, рис. 8.

³ Т. С. Пассек и Е. Ю. Кричевский. Поселение Коломийщина. КС ИИМК, 1946, вып. XII.

⁴ Т. С. Пассек. Трипольское поселение у Владимировки. ВДИ, 1940, № 1.

Большие раскопки Трипольской экспедиции до сих пор не обнаружили гончарных печей для обжига разнообразных керамических изделий. Наблюдения над строительными приемами трипольских жилищ позволяют сделать предположение, что каждый домохозяин, когда строил и обжигал основу, пол и печи в доме (что требовало затраты большого труда и разведения сильного кострового огня), мог изготавливать и весь необходимый в хозяйстве керамический инвентарь. На это наводит прежде всего наблюдение над сильно ошлакованной обмазкой печей, температура обжига которой доведена до 500—600°. Такая температура в обыкновенных печах не обязательна. Вместе с тем для обжигания глины, из которой строились основа и пол, возвышения, жертвенники и печи, необходима именно такая высокая температура. Возможно, что одновременно с постройкой и обжиганием на месте строительных материалов на большом костровом огне, или в печах, обжигали и посуду, обжиг которой исключительно высок и равномерен. Именно поэтому в жилищах постоянно обнаруживаются куски обмазки от печей и пола со спекшимися вместе большими фрагментами сосудов. Характерно еще и то, что днище и нижние части стенок наиболее крупных сосудов для хранения припасов постоянно бывают специально вставленными в глиняную основу пола жилища и окружены глиняной обмазкой; видимо, сосуды были обожжены вместе с этой основой.

Во Владимировке в 1946 г. найдены мотыги из рога оленя, костяные проколки и большое число кремневых орудий: прекрасной выделки ножи, изготовленные на больших пластинах кремня (до 0.12 м длины), с двойной ретушью по всем краям. На обратной стороне этих ножей заметна сильная заполировка, что позволяет рассматривать эти орудия как употребившиеся в виде серпов. Многочисленны и разнообразны по форме кремневые скребки и острия.

Раскопки в жилищах дали на этот раз находки кремневых отщепов и большие нуклеусы, показывающие, что обработка кремневых орудий, так же как и изготовление посуды, производилась каждым домохозяином у себя дома. В культурном слое в жилище и, как всегда, в непосредственной близости от него собрано большое количество костей, характеризующих фауну Владимировского поселения. Костные материалы были исследованы ст. научным сотр. Лаборатории ИИМК АН СССР В. И. Цалкиным,¹ пришедшим к выводу, что основная масса исследованных костей принадлежит крупному рогатому скоту чрезвычайно крупных размеров и, видимо, близкому по размерам современному украинскому скоту.² Дифференцировать остатки костей овец или коз в большинстве случаев крайне затруднительно. Отдельные экземпляры, например, № 461, представляющий собой обломок костного стержня рога, позволяет предполагать, что он принадлежал козлу. С в и н ь я представлена в исследованном материале только сильно раздробленными костями конечностей, частями челюстей и коренными зубами. Судя по крупным размерам ряда экземпляров челюстей и коренных зубов, можно предполагать, что они принадлежали дикой форме вида. Кости лошадей принадлежали особям небольших размеров.

«В общем итоге домашним животным принадлежит 76% исследованных

¹ Исследованный материал состоит из 537 экземпляров, главным образом из костей млекопитающих, среди которых имеется незначительное количество створок раковин речных моллюсков. Костей птиц и других позвоночных, включая рыб, не обнаружено. Всего определено 285 костей, принадлежащих различным видам диких и домашних млекопитающих.

² Кости из жилищ № 5, 7, 8, 10, 16, 17, 22 (раскопки 1946 г.).

костей, остальные 24% приходятся на долю диких видов (свинья, благородный олень, лось и косуля), служивших, видимо, достаточно важными объектами охоты.

Почти все кости имеют следы искусственного раздробления и находятся в состоянии довольно плохой сохранности. На ряде экземпляров есть следы огня и погрызов собаки».¹

Новые раскопки во Владимировке дали разносторонний археологический материал для характеристики среднего этапа (В/II) развития трипольской культуры в бассейне Южного Буга. На этом этапе для трипольских земледельческих племен характерны больше родовые поселки, располагающиеся на лёссово-черноземных плато, с большими многосемейными домами, с жертвенниками и особыми культовыми местами около них. Наряду с мотыжным земледелием в хозяйстве значительную роль играет крупный рогатый скот.

Многочисленные земледельческие орудия из рога благородного оленя, а также кости диких животных, встречаемые в культурном слое поселения, указывают на то, что наряду с земледелием и скотоводством в жизни трипольских племен в эту пору не малое место занимала охота.

Своеобразнейший керамический комплекс находок во Владимировке, в котором наряду с преобладающим количеством сосудов с монохромной черной росписью имеется и керамика с углубленным спиральным орнаментом и с трехцветной росписью, показывает, что Владимировский поселок хронологически связан с более ранними этапами Триполья (В/1), для которых углубленный орнамент и трехцветная роспись на сосудах являются господствующими.

И строительная техника, и гончарное искусство, весь характер домостроительства во Владимировке — все подчеркивает тот сравнительно высокий уровень, которого достигает трипольская культура на среднем этапе развития в период своего расцвета, для которого, так же как и для ранних этапов, удастся установить постоянные сношения трипольских племен с Балкано-Дунайскими странами и Средиземноморьем. Положение Владимировки в бассейне Южного Буга, т. е. на пути, по которому с глубокой древности проникало в Поднепровье влияние с юга из Причерноморья, еще раз подчеркивает ответственные задачи, которые стоят перед советскими археологами на ближайшие годы по дальнейшему изучению этого памятника.

---

¹ Выписка из заключения В. И. Цалкина по исследованию остеологического материала из раскопок Трипольской экспедиции 1946 г. во Владимировке.

Б. Н. ГРАКОВ

НИКОПОЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ¹

1. В 1934—1937 гг. раскопки велись на Никопольском курганном поле. С 1938 г. раскопки, кроме курганов, были распространены на Каменское городище. В 1938—1940 гг. подверглась вскрытию ремесленная часть городища и укрепления. Установлены металлургический характер города и связь с курганами Чертомлыцкого типа. Продолжались раскопки курганов бронзовой эпохи и курганов рядовых скифов. Разведками открыты новые «царские» курганы — Орлова и Нечаева могилы.

2. В 1945 и 1946 гг. поставлена цель открытия неукрепленных селищ того же времени. Открыто 11 селищ, установлено наличие в них развитого скотоводства, рыболовства, слабой охоты и слабой металлургии. Отмечается связь их с культурой Каменского городища и непрерывное существование на протяжении с IV в. до н. э. до II в. н. э.

3. В те же годы продолжались раскопки на Никопольском курганном поле. Начаты раскопки на дальней от города группе у ст. Серко Сталинской железной дороги. В 10 курганах открыто 10 скифских и 39 погребений энеолита и бронзы. Очевидна связь с «царскими» курганами и с Каменским городищем. Отмечается относительное богатство и военно-кочевой быт населения. Вместе с тем налицо и признаки земледелия.

4. Исследование Каменского городища проведено по линии уточнения топографических данных. Раскопки акрополя указывают на сокращение площади городища до 27 га и на существование его в течение IV в. до н. э.—II в. н. э. Отмечается более богатый быт — больше мелкой импортной керамики, при отсутствии значительных остатков ремесла. Новым в раскопках является открытие свидетельств о рыболовстве и обработке кости, а также остатков культового (?) сооружения, изменение характера построек и появление лощеной керамики.

5. Разрешается вопрос о наименовании древнего города. Может быть, правильное точка зрения Брауна, что древнее имя города — Амадока. Отождествлять его с названием на Птоломеевской карте позволяет наличие материала римского времени (керамика, монеты). Открытые рядом с этим городищем селища доходят до того же времени.

6. В 1945 г. открыто скифское погребение V в. до н. э.; в 1937 г. — скифский курган II в. до н. э. с латенскими вещами. Эти памятники находятся вне акрополя и, повидимому, позволяют отнести время территориального сокращения поселения до границ акрополя, ко II в. до н. э. Они также свидетельствуют о преемственности заселения. Можно видеть причины сокращения в перенесении центра Скифии в Крым из-за изменения

¹ Тезисы доклада.

направления торговых связей и путей, а также из-за частичного захвата кочевниками скифских земель. Для этого периода характерны новые типы поселений, отмечающиеся в Крыму (малые укрепления).

7. В дальнейшем на Каменском городище следует изучать остатки каменных зданий и других построек, древние промыслы, разведывать и вести раскопки неукрепленных селищ, разыскивать погребения позднего времени обитателей этого городища и новых насельников — сарматов. Их типичные погребения того же времени уже известны поблизости, хотя и малочисленны (Днепрострой, Новомосковск).

8. Уже теперь намечаются новые данные по истории Скифии на основании раскопок экспедиции. Это — смешанный характер кочевого и земледельческого хозяйства. Установлено широкое «городское» развитие бронзолитейного и кузнечного дела в руках отдельных больших семей. Частично выяснен облик жизни населения рядовых свободных скифов эпохи «царских» курганов, относительное богатство этого слоя общества; сохранение больших семей, семейная металлургия, изменение хозяйства в сторону расширения земледелия. Неясны некоторые детали жилищ, многое неясно в технике металлургии. Необходимо вскрыть характер изменений культуры со II в. до н. э. Данные о связи с «царскими» курганами есть, но они еще очень отрывочны и малочисленны. Следует вновь приступить к вскрытию «царских» курганов. С этой целью нами тщательно обследованы Чертомлык и Солоха и намечены некоторые технические приемы вскрытия. Вновь открыты курганы «царского» типа в группе «Серко» на урочище Мамай-гора и у с. Балки Каменского района.

М. И. АРТАМОНОВ

ЮГОПОДОЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ¹

Летом 1946 г. проведено обследование ряда древних поселений Южной Подолии (Винницкая область). Археологические работы начались с раскопок известного Немировского городища, представляющего один из наиболее замечательных памятников скифского времени на Украине. Городище это, находящееся в 4 км от Немирова, возле сел. Сашки представляет собой мощную замкнутую ограду (вал до 9 м высотой и ров) (рис. 24). Через площадь городища проходит небольшая речка, протяжением в 5,5 км, которая у местного населения носит название «Большие валы». На мысу, между глубокими оврагами, впадающими с севера в указанную речку, находится внутреннее укрепление с валом и рвом, перерезающим мыс с напольной стороны. Только эта часть городища была в древности заселенной, вся остальная его огромная площадь, видимо, использовалась для хозяйственных надобностей и следов постоянного заселения не имеет, за исключением небольшого участка в южной половине, где прослежены остатки позднейшей (XVII—XVIII вв.) деревни.

Тщательным сбором подъемного материала по всей площади городища и небольшими раскопками во внутренней укрепленной его части установлено, что первоначальное поселение трипольского типа (с крашеной керамикой) находилось на территории внутреннего укрепления. Здесь же в дальнейшем существовало и поселение скифского времени. Во внутреннем укреплении найдены также следы небольшого славянского домонгольского поселения. Раскопками установлено, что холм, находящийся возле вала во внутреннем укреплении, образовался в результате ссыпания мусора и золы в скифское

¹ Тезисы доклада.

время. Здесь собрано большое количество скифской керамики и других предметов, а также найдено несколько фрагментов расписных родосских сосудов конца VII — начала VI в. до н. э. Обнаружена часть землянки скифского времени.

В окрестностях Немирова, а также Винницы, обследовано несколько трипольских, скифских и славянских поселений и городищ.

Дальнейшие работы экспедиция перенесла на Днестр, в район Могилева-Подольского, где ею было обследовано много поселений трипольской культуры, несколько городищ скифского типа и городища славянские. Самые замечательные результаты были получены на Матерьском и Дерешов-

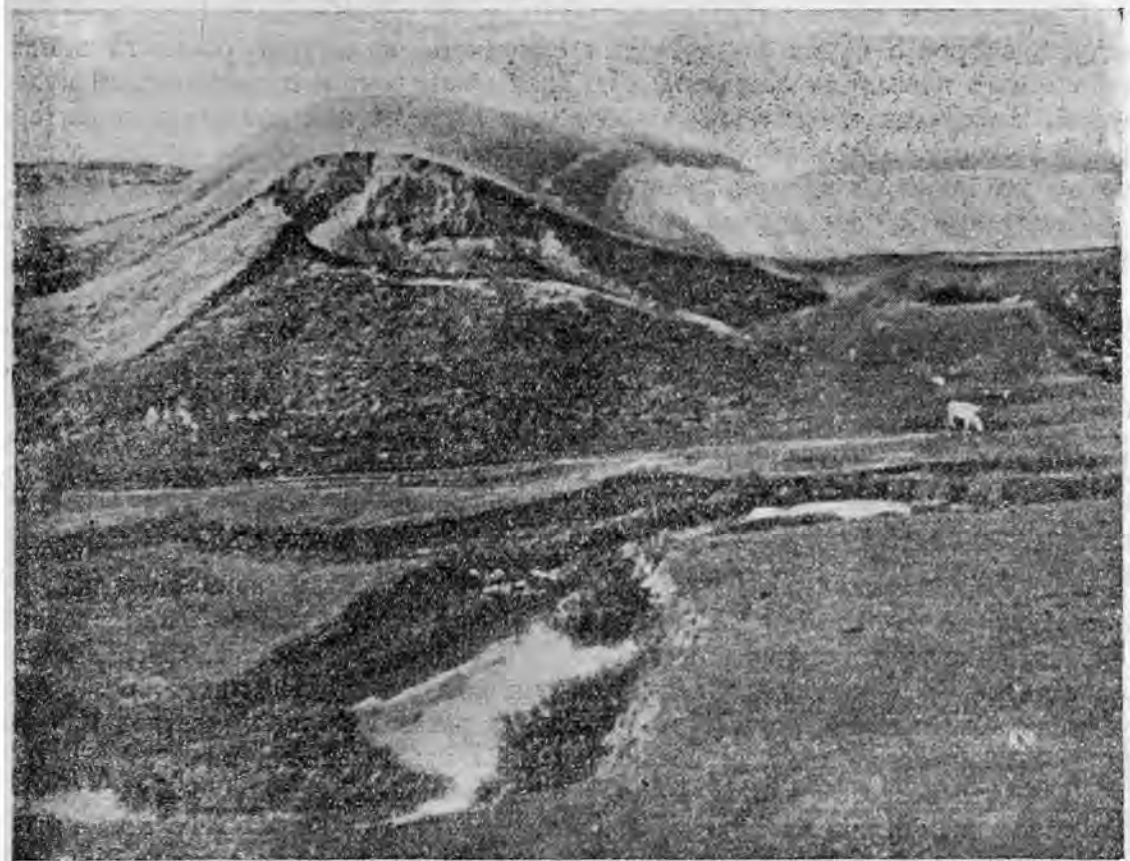

Рис. 24. Немирово. Скифское городище Большие валы, юго-восточная часть с оконечностью вала у речки Мирки, протекающей через городище

ском городищах. Эти городища по своему типу относятся к скифским. Подобно Немировским с большим валом, Матерьское городище представляет собой большую замкнутую ограду, через которую пропущены две сливающиеся на территории городища речки. На мысу, образованном этими речками, находится внутреннее заселенное укрепление. Точно так же и Дерешовское городище состоит из двух основных частей: заселенного укрепления и примыкающего к нему обширного незаселенного, но обведенного валом и рвом двора. Здесь все городище расположено на мысу, образованном слиянием двух речек, причем ограда двора спускается к одной из речек с таким расчетом, чтобы обеспечить доступ к воде населению городища и его скоту.

Несмотря на скифский характер обоих указанных выше городищ и на находку на Матерьском городище железного копья архаического скифского типа, на них не найдено ни одного скифского черепка, зато обнаружена желобчатая трипольская керамика.

Повидимому, имеются основания сделать заключение, что Матерьское и Дерешовское городища свидетельствуют о связи трипольских и скифских культур. Это заключение подтверждается анализом керамики с нескольких неукрепленных поселений трипольского типа. В этой связи интересны так же скифские городища, где наряду со скифским материалом обнаружен и трипольский. Наиболее замечательным из них является городище в Нижнем Ольгедаеве. Здесь площадь трипольского поселения выходит за пределы площади, занятой поселением скифского времени и обведенной валом и рвом, причем среди трипольской керамики внутри укрепления наблюдаются те же явления перехода к скифским формам, какие отмечены выше для городищ матерьского типа.

Изложенные выше наблюдения экспедиции позволяют попытаться разрешить вопрос о путях образования скифской культуры оседлого земледельческого населения Украины и ее взаимоотношения с трипольской культурой. Весьма интересны также собранные экспедицией данные о характере фортификации, назначении городищ в целом и отдельных их частей, а также об условиях появления древнейших укреплений на Украине.

Экспедицией обследовано также несколько славянских городищ. Установлены два типа славянских городищ — более ранний и позднейший.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

КОЛЫМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ¹

1. Работы начаты были вблизи гор. Якутска раскопками неолитического поселения на р. Куллаты, затем экспедиция прибыла в Берелех самолетом, оттуда — в Магадан. В Магадане и его окрестностях произведено обследование древних коряцких поселений (на о-ве Ольском, мысе Алевина, Атаргане). Из Магадана экспедиция выехала в Средникан, оттуда — до устья Колымы. Из порта Амбарчик был затем совершен выезд в Раучуа на мыс Б. Баранов и на р. Медвежью, в 7 км от Амбарчика.

2. В местности Куллаты изучалось обширное многослойное поселение, где обнаружен ряд бытовых комплексов — ямы для запасов (с костями и чешуей рыб), землянка. Там же исследовано погребение раннего бронзового века с костяным изображением человека и прочими вещами, уточняющими возраст местной ранней бронзы.

3. Обследование древних коряцких поселений в районе Магадана установило, что здесь имеются разновременные памятники древней культуры коряков, освещающие ее развитие на протяжении ряда веков.

4. В долине Колымы обнаружены неолитические поселения и мастерские, указывающие, что заселение этой реки осуществлялось с запада, с Нижней Лены (уолбинская культура).

5. Изучение древних приморских поселений в районе Баранова мыса показало, что здесь на протяжении двух тысячелетий развивался своеобразный вариант древнеэскимосской культуры морских зверьбоев, представленный тремя стадиями: а) одновременной берингоморской; б) Бирнирктуло; в) начала XVII—XVIII вв. («шелаги» русских источников XVII—XIX вв.).

¹ Тезисы доклада.

РАБОТЫ АЛТАЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ¹

1. Районом работ экспедиции избрано лесное правобережье Верхней Оби, ранее известные памятники которого позволяли полагать, что население этого района сохраняло оседлый образ жизни с эпохи бронзы до недавних времен, в отличие от своих соседей на левом берегу р. Оби, ставших кочевниками еще в I тысячелетии до н. э. Задачей экспедиции были поиски памятников, освещающих историю культуры оседлых племен Алтайского края и их взаимоотношения с кочевниками.

2. Раскопки производились близ с. Большереченского, на незаливаемой вешним половодьем гряде дюн Ближние Елбаны,² служившей местом обитания человека почти непрерывно с карасукской эпохи до монгольского времени включительно. Здесь, на площади около $\frac{1}{3}$ км² раскопаны памятники шести эпох в пяти пунктах: в пункте БЕ I — землянка майэмирского этапа и покрывающий ее культурный слой шибинского этапа; БЕ II — поселение монгольского времени; БЕ III — погребения шибинского этапа и первых веков нашей эры; БЕ VII — могильник с погребениями майэмирского и шибинского этапов, раннетюркского и монгольского времени; БЕ VIII — курган тюркского времени.

3. Землянка майэмирского этапа (VII—V вв. до н. э.) дала большое количество остатков глиняной посуды, костяных, каменных и бронзовых предметов, костей домашних и диких животных и рыб. Все это говорит об оседлом, пастушеско-земледельческом хозяйстве с охотой и рыболовством, занимавшими в нем видное место. 15 погребений, раскопанных в пункте БЕ VII, давших серию бронзовых и костяных орудий и различные украшения из меди, пасты, камня и звериных зубов, свидетельствуют о заметном экономическом упадке по сравнению с предшествующей (карасукской) эпохой, что надо связывать с появлением в степях воинственных соседей кочевников.

4. К шибинскому этапу (II в. до н. э.— I в. н. э.) относятся верхний культурный слой в пункте БЕ I с многочисленными остатками глиняной посуды и три погребения (два в пункте БЕ III и одно в БЕ VII) с глиняными кувшинами, железными ножами и костяными наконечниками стрел. Эти памятники указывают на дальнейшее развитие той же культуры, на окончательную замену бронзовых орудий железными, что, однако, не связано с переходом на новую ступень общественного развития, на заметное повышение экономической обеспеченности населения, а объясняется, повидимому, созданием каких-то форм взаимоотношения между кочевниками и оседлым населением.

5. Раскопанное в БЕ VII женское погребение с глиняным горшком, железным ножом, набором украшений и миниатюрной копией бронзового котла скифского типа является первой для Алтайского края находкой памятника первых веков нашей эры. Глиняный горшок характерен для распространенной в районе Верхней Оби группы керамики, что дает теперь возможность датировать эту керамику и говорить о наличии здесь следующей за шибинским этапом хронологической группы памятников.

6. Три погребения в пункте БЕ VII предтюркского или раннетюркского времени (возможно V—VII вв.), содержавшие трупосожжения и сопровождаемые глиняной посудой, костяными и железными орудиями охоты и рыбной ловли и другими предметами, также новы для района Верхней

¹ Тезисы доклада.

² В дальнейшем сокращенно БЕ.

Оби. Это — памятники оседлого населения с пастушеско-земледельческим хозяйством, с развитыми охотой и рыболовством, во внешних формах материальной культуры (например, керамика) близких к племенам лесной полосы Западной Сибири.

7. В пункте БЕ VIII раскопан курган с пятью погребениями тюркского времени. Наиболее богатое из них — погребение воина-конника — содержит оружие и снаряжение верхового коня, типичные для курганов VII—X вв., но в отличие от погребений степных и горных районов — без коня.

8. Поселение монгольского времени в пункте БЕ II (с остатками глиняной посуды, большим количеством костей диких и домашних животных, а также костей и чешуи рыб) и погребение в пункте БЕ VII принадлежат оседлому пастушеско-земледельческому населению, занимавшемуся также охотой и рыбной ловлей, жившему в небольших (круглых?) наземных жилищах.

9. Добытые раскопками 1946 г. материалы полностью подтверждают предположение о том, что население Правобережья Верхней Оби с начала эпохи кочевников в своем развитии пошло иным путем, отличным от степных кочевников. Здесь продолжалась оседлая жизнь земледельцев-скотоводов с большим удельным весом в их хозяйстве рыболовства и охоты. Внешние формы их материальной культуры имели сходные черты с кочевыми племенами степных районов, с одной стороны, и с оседлыми племенами лесной полосы Западной Сибири — с другой.

10. Полученные экспедицией материалы уже сейчас позволяют предполагать постоянство этнической принадлежности населения правобережья Верхней Оби в течение очень длительного времени. Возможно, что здесь этнический состав населения оставался неизменным с эпохи бронзы вплоть до прихода русских, или, во всяком случае; подвергался менее значительным изменениям, чем в степных районах Южной Сибири.

Л. А. ЕВТЮХОВА

РАЗВАЛИНЫ ДВОРЦА В «ЗЕМЛЕ ХЯГЯС»

В XII выпуске КС ИИМК АН СССР нами была опубликована статья с предварительным изложением результатов первого года раскопок (1941) древнего китайского дома близ гор. Абакана, Хакасской авт. обл.¹

Раскопки этого здания продолжались в 1945 г. и были закончены в 1946 г.²

В результате трехлетних работ нами вскрыто здание и выяснена его планировка. В упомянутой выше статье нами уже были описаны обстоятельства открытия развалин здания во время прокладки шоссе, к сожалению, разрушившего юго-восточный угол здания. Несмотря на это, по общей планировке его мы можем хорошо представить себе и весь план (рис. 25).

Глинобитные стены здания очень хорошо сохранились в его средней части на высоту до 1.8 м, но наружные стены и прилегающие к ним части перегородок сохранились значительно хуже и в некоторых местах не превышали 0.5 м.

Здание было ориентировано строго по странам света. С севера на юг его длина была 35 м, а с З на В — 45 м. Таким образом, его общая площадь имела более 1500 м².

В средней части здания располагался обширный квадратный зал площадью 132 м². Вдоль его северной и южной стен к нему примыкали анфилады из 6 комнат с каждой стороны, а с восточной и западной части комнаты располагались в два ряда по 4 комнаты. В общем здание состояло из 20 комнат и одного большого зала. Комнаты были приблизительно одного размера — площадью 28—30 м². Все они сообщались между собою дверями. Из центрального зала в окружавшие его комнаты прослежено 7 дверей. Благодаря хорошей сохранности стен нам удалось проследить детали конструкций деревянных частей дверей и расположение подпорных столбов в толще стен комнат. Эти столбы нижним концом обычно были вкопаны ниже уровня глинобитного пола и опирались на плиты девонского песчаника. Они ставились во всех четырех углах, а иногда и посередине простенков комнат и, очевидно, служили опорой для стропил крыши.

¹ Л. А. Евтюхова и В. П. Левашева. Раскопки китайского дома близ Абакана. КС ИИМК АН СССР, М., 1946, вып. XII.

² В составе экспедиции 1945—1946 гг. работали: Л. А. Евтюхова (нач. экспедиции), проф. С. В. Киселев, археолог Минусинского музея В. П. Левашева, директор Абаканского обл. музея А. Н. Липский, студенты МГУ — В. Н. Корчагина, Л. Р. Кызласов и О. Н. Евтюхова.

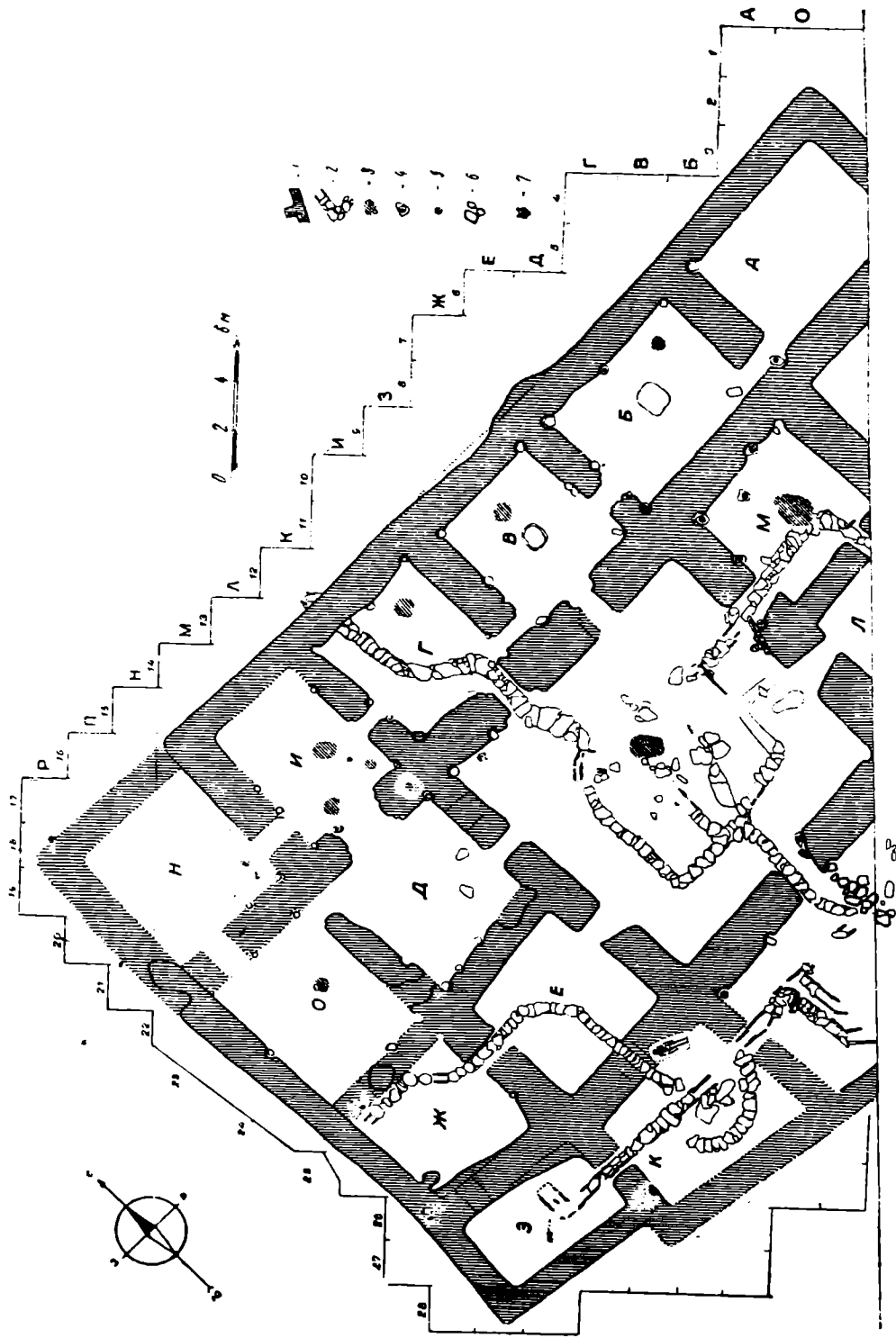

Рис. 25. Общий план раскопок 1941—1946 гг. здания близ гор. Абакана

1 — глинобитные стены; 2 — каналы отопления ниже уровня пола; 3 — участки обожженного пола; 4 — деревянные столбы на песчаниковых плитах; 5 — деревянные столбы; 6 — плиты, лежащие ниже уровня отопительных каналов (на глубине 1.70 м); 7 — дверные ручки

Под глинобитным полом в некоторых комнатах обнаружены каналы отопительной системы. Они представляют собой узкие (до 50 см ширины) канавки с наклонными стенками, обставленными и плотно заложеными сверху плитами девонского песчаника. В последний год раскопок в юго-западной угловой комнате *З* удалось открыть отопительную печь, из которой горячий воздух поступал в каналы, проходящие под полом комнат *Е, Ж, К* и *П*. Другая линия каналов проходит под комнатами *Г, М, Л* и центральным залом, где для большей площади нагрева она проходит не поперек, а четырехугольником вдоль стен. Печь этой трассы, очевидно, находилась в части дома, разрушенной шоссе. Печь в комнате *З* была устроена ниже уровня пола. Она имела прямоугольную форму длиной 2.80 м и шириной 1.60 м и была сооружена из каменных плит, врытых вертикально одним концом в землю. Сверху печь была покрыта такими же плитами. Для поддержки плит покрытия в середине была вкопана еще одна плита. Устье печи находилось в ее северной части, к нему шел наклонный спуск. Юго-восточным углом печь примыкала к отопительному каналу.

В комнате *Г* отопительный канал второй линии подведен к северной внешней стене здания и выведен под ней наружу. Здесь, очевидно, имелась вытяжная труба. Такая же труба, на первой линии каналов, выходила и под западной внешней стеной комнаты *Ж*. Интересно отметить, что каналы прокладывались, очевидно, после постройки здания и из комнаты в комнату всегда проходили под порогом дверей для удобства ремонта. В тех комнатах, где отопительных каналов не было или они, может быть, не действовали (в комнате *М?*), на полу обнаружены следы жаровень в виде округлых пятен обожженной докрасна глины.

Посредине комнат *Б* и *В* обнаружены очаги в виде каменных плит со следами воздействия огня. На них, по всей вероятности, приготавливалась пища, так как снаружи дома почти вдоль всей северной части здания в большом количестве были найдены расколотые кости домашних животных, выброшенные после употребления через имевшиеся здесь окна.

На территории раскопок, в пределах здания, найдено большое количество кровельной черепицы в обломках, обвалившейся при разрушении дома. В некоторых местах она лежала слоями значительной толщины; сюда, очевидно, с наклонного ската ссыпались целые участки крыши.

Черепица, как уже указывалось в наших статьях, была двух видов: а) широкие, слегка вогнутые доски, размером 58×40 или 57×42 см; б) между ними — перекрывававшие швы длинные узкие желоба с шейками для плотной пригонки досок друг к другу, размером в среднем 62×18 см.

В результате раскопок всего здания, после того как мы получили его план, представляется возможным наметить реконструкцию крыши.

Учитывая планировку здания и образцы древнекитайской архитектуры, можно предположить два варианта покрытия здания. В том случае, если оно было двухъярусным, — наиболее высокой частью являлся центральный зал и комнаты *Д, Е, М, Л*. В этом месте крыша могла быть или двух- или четырехскатной. Второй, нижний ярус, охватывал все внешние комнаты всех четырех фасадов и был покрыт односкатной крышей (рис. 26).

По второму варианту, если предположить, что здание было трехъярусным, — наиболее высокой частью был зал с двух- или четырехскатной крышей. Для следующих двух ярусов могут быть два проекта покрытия: 1) второй ярус односкатной крыши проходил над комнатами *Б, В, Г, И, Д, Е, К, П, (?) Л, М*, и в третий, самый нижний ярус входили комнаты *Н, О, Ж, З* и соответствующий им ряд комнат восточного фасада; 2) во второй ярус входили комнаты *Д, Е* и *М, Л*, а третий, нижний ярус охватывал все внешние комнаты всех четырех фасадов.

По аналогиям с древнекитайскими зданиями, можно предполагать, что окна в нашем здании находились в верхней части стен, ближе к крыше; это подтверждается тем, что при раскопках мы ни в одном пункте в стенах не обнаружили дверных проемов. К архитектурному оформлению здания следует отнести квадратные облицовочные кирпичи с елочным узором (их размер $24 \times 24 \times 2$ см).

Трехлетними раскопками мы полностью исследовали развалины здания. Холм, в котором оно было скрыто до начала исследования, повторял своими очертаниями форму и размеры здания. Шурфовка и осмотр прилегающей местности показали, что культурный слой дальше нашего раскопа не распространяется. Однако еще в 1941 г. в 390 м к западу от нашего здания был обнаружен другой небольшой холм, где при шурфовке было найдено несколько обломков черепицы, аналогичной черепице из главного раскопа.

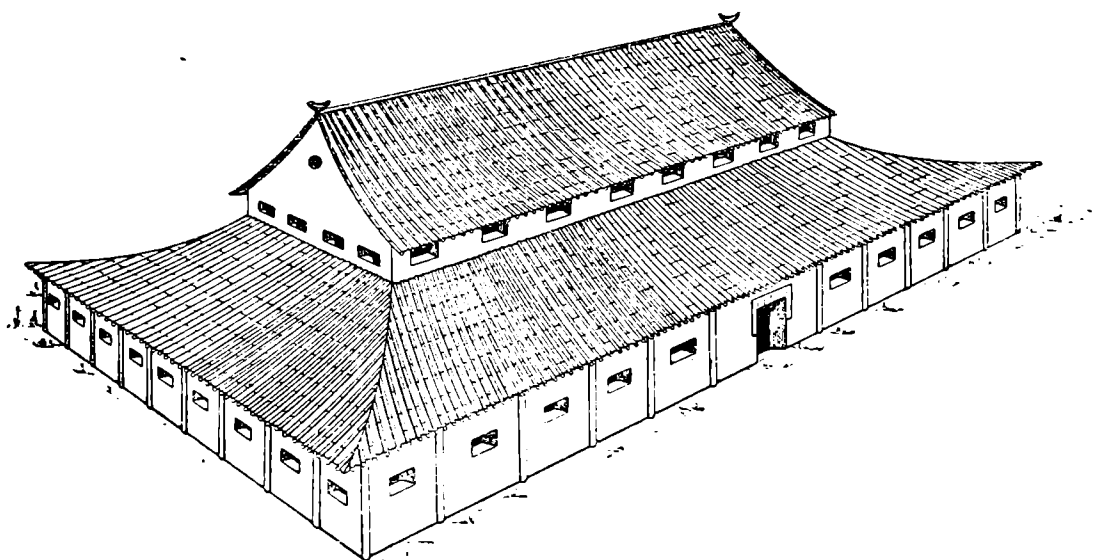

Рис. 26. Первый вариант реконструкции здания

В 1946 г. на этом пункте нами были произведены раскопки, в результате которых выяснилось, что на этом месте залегали остатки двух параллельных глинобитных стен, изученных на протяжении около 25 м, по своей структуре оказавшихся тождественными со стенами развалин главного здания.

В двух местах исследовано расширение этих стен, образующее как бы площадки основания каких-то сооружений вроде башен. Открытые в этом раскопе стены оказались плохой сохранности. На поверхности почвы следы этих стен прослеживаются дальше в направлении к югу еще метров на пятьдесят.

Относительно глинобитных стен во втором пункте раскопок можно предположить, что это остатки, а может быть, и недостроенная и разрушившаяся стена ограды с башнями от въездных ворот, ведущих на обширную территорию усадьбы дворца. Такие усадьбы хорошо известны по моделям, относящимся к ханьскому времени.¹

¹ Б. П. Денике. Китай. Изд-во Академии архитектуры, М., 1935, рис. 3.

В заключение краткого описания результатов раскопок исследованного нами здания следует подытожить все соображения по вопросу о его датировке.

Прежде всего для определения времени здания особенно важны узкие желоба кровельной черепицы, оканчивающиеся с одной стороны дисками с штампованными китайскими надписями, которые еще в 1941 г. были прочитаны академиком В. М. Алексеевым,¹ определившим их принадлежность к эпохе династии Хань (206 г. до н. э.— 220 г. н. э.).

Черепица циньского и ханьского времени из поселений, исследованных у гор. Лао-Тье в Южной Маньчжурии,² а также модели глиняных домов ханьской эпохи, крытых черепицей, с дисками, свисающими с нижней части крыши³ из раскопок могил в тех же местах, вполне сопоставляются с находками из наших раскопок. На некоторых моделях видны изображения облицовочных кирпичей, служивших обрамлением дверей.⁴

Найденные нами кирпичи с елочным узором, вероятно, также служили для украшения здания в виде фриза или вертикальных панно.

В собственно Китае ханьского времени также хорошо известна черепица с кругами, покрытыми надписями,⁵ и модели глиняных домов, крытые такой черепицей.⁶

Ряд предметов, найденных нами при раскопках, имеет аналогии в ханьских древностях. Прежде всего вспомним бронзовые литые дверные ручки — маскароны в виде личины рогатого горбоносого чудовища в трехрогой тиаре, с бакенбардами и усами и оскаленными зубами. Подвижное кольцо для открывания дверей вставлено в его нос. Таких ручек нами найдено четыре. Три из них у дверей в центральном зале и одна на пороге двери, ведущей из комнаты Д в комнату И. Мы уже писали о том, что при рассмотрении этих предметов бросаются в глаза характерные особенности европоидного типа лица, чем они сильно напоминают некоторые погребальные маски таштыкской культуры в Минусинской котловине. Вполне очевидно, что здесь воспроизведено изображение лица местного физического типа.

Благодаря этим признакам мы и сочли в свое время возможным считать их произведениями местных мастеров-художников. В ряде ханьских памятников эти изображения служат в качестве гениев-охранителей входа и встречаются как во фресковой росписи над дверями гробницы⁷ так и в виде дверных же ручек.⁸

Найденный в нашем здании железный кольчатый нож отличается от местных форм отсутствием рукоятки, но зато чрезвычайно сходен

¹ Напомним содержание надписи: «Сыну неба (т. е. китайскому императору) 10 000 лет мира, а той которой (императрице) 1000 осеней радости без горя».

² Mu-Yang-Ch'êng. Han and pre-Han sites at the Foot of Mount Lao-Tieh in South Manchuria. *Archaeologia Orientalis*, Tokyo-Kyoto, 1931, т. II, табл. XXXIV, XXXV.

³ Nan-Shan-Li. Brick-Tombs of the Han Dynasty at the Foot of Mt. Lao-Tieh, near Port Arthur South Manchuria. *Archaeologia Orientalis*, Tokyo-Kyoto, 1933, т. III, табл. XX, XXI, XXII, XLI, XLIII, XLIV.

⁴ Там же, те же таблицы.

⁵ O. Münsterberg. *Chinesische Kunstgeschichte*. 1910, т. I, стр. 72, рис. 69—71; Forke. *Die Inschriften Ziegel aus der Chin-und Hanzeit*. *Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprache*, 1899, т. 7, вып. 1, табл. IV.

⁶ O. Münsterberg. Указ. соч., т. I, рис. 73 и 75; т. II, рис. 231, табл. 376.

⁷ Гробница № 11 у подножья горы Лао-Тье, близ Порт Артура. См. Y'eng-Ch'êng-Tzu. *The Han Brick-Tomb with Fresco-paintings near Chien-dur Ch'eng in South Manchuria*. *Archaeologia Orientalis*, Tokyo-Kyoto, 1934, т. IV, табл. XLIV, XLV, рис. 2 и 3.

⁸ *Chine Sculpture*, New-York, June, 1944, а также ручки в виде личин на городских воротах, изображенные на каменных рельефах ханьского времени, с рисунка Музея восточных культур в Москве.

с ножом из раскопок культурного слоя крепости Май-Янь-Чень ханьского времени.¹

Овальное блюдечко с двумя выступами по бокам, сделанное из зеленого камня, по многочисленным аналогиям с находками у гор Лао-Тье, также хорошо датируется ханьской эпохой.²

В печи, открытой в 1946 г., был найден обломок глиняной чаши, по технике также не местного, а китайского изделия.

Все китайские аналогии весьма определенно заставляют датировать наши находки временем, близким началу нашей эры. Об этом же времени говорят и находки в двух пунктах нашего здания обломков типично гуннских сосудов, абсолютно не схожих с местной керамикой.³

К серии предметов местного происхождения относятся найденные нами в раскопках бронзовая пряжка с клювовидным выступом, имитирующая парные головки грифов, костяные резак, а также (уже не единичные теперь) обломки сосудов типично таштыкских форм (времени около начала нашей эры). Важно, что эти обломки были найдены под завалом черепицы у юго-западного угла здания, причем они лежали на строительном мусоре, оставшемся от постройки самого дома. Такая стратиграфия позволяет найденные здесь фрагменты керамики таштыкского времени считать принадлежавшими обитателям здания.

Для датировки развалин близ Абакана большое значение имеет находка на их территории нескольких таштыкских погребений с типичной керамикой и вещами; эти погребения совершены уже после того, как остатки здания превратились в холм. Погребения эти моложе нашего памятника, об этом говорит прежде всего факт разрушения стены между комнатами К и Е, где могила частично разрешила стену. В других могилах, открытых в юго-восточной части (раскопаны В. П. Левашевой во время прокладки шоссе в 1940 г.), замечено, что они были засыпаны землей, содержащей обломки черепицы в верхних и в нижних горизонтах. Это также указывает на то, что еще в таштыкскую эпоху, длившуюся не менее трех веков нашей эры, руины здания уже покрылись землей.

Относительно возможной принадлежности нашего здания одному из наместников гуннов в «Земле Хягяс», может быть пленному китайскому полководцу Ли-Лину или его преемникам, кроме приводившихся нами в печати сообщений, говорят и другие факты.

Прежде всего на это указывают находки в здании близ гор Абакана типично гуннской посуды, ни в одном из памятников местной культуры не встреченной (рис. 27). Гуннскую посуду естественно было найти в жилище людей, особенно близких к гуннам.

Что же касается вопроса о том, могли ли строиться в «варварских странах» в ханьское время здания китайской архитектуры, то помимо косвенных указаний китайской хроники, рассказывающей под 89-м годом о постройке в земле гуннов храма в честь деда Ли-Лина, знаменитого полководца Ли-Гуан-Ли, и сведения о том, что в 83—80 гг. китайские мастера закладывали столицу гуннского шаньюя Хуанди, можно указать и на прямое известие.

В 107 г. до н. э. китайский двор выдал дочь князя Гянь замуж за усуньского Гуньмо. Знатная китайка по прибытии в страну усуней по-

¹ Му-Яанг-Ч'энг. Указ. соч., табл. XX.

² Уенг-Ч'энг-Тзун. Указ. соч., табл. XIII, XXXV, стр. 25, рис. 8.

³ Ю. Э. Талько-Гринцевич. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади Троицко-Савского округа, Забайкальской обл., М., 1899, могилы № 4, 8, 18, табл. 17, рис. 3, 4 а и в; табл. 18, рис. 17 и 18; Г. И. Боровко. Археол. исследование среднего течения р. Толы. Сб. «Северная Монголия», Л., 1927, вып. 2, стр. 66—67, табл. III, рис. 1—10.

строила для себя дворец Чи-Гу-Чин, т. е. «Город красной долины», в котором задавала пиры усуньским вельможам. Однако в дошедших до нас ее стихах нет ни слова об этом дворце. Наоборот, в своих стихах она говорит:

Дворцом служит мне бедная юрта,
Которой стены обиты войлоком,
Сырое мясо служит мне пищей,
А кислое молоко напитком.

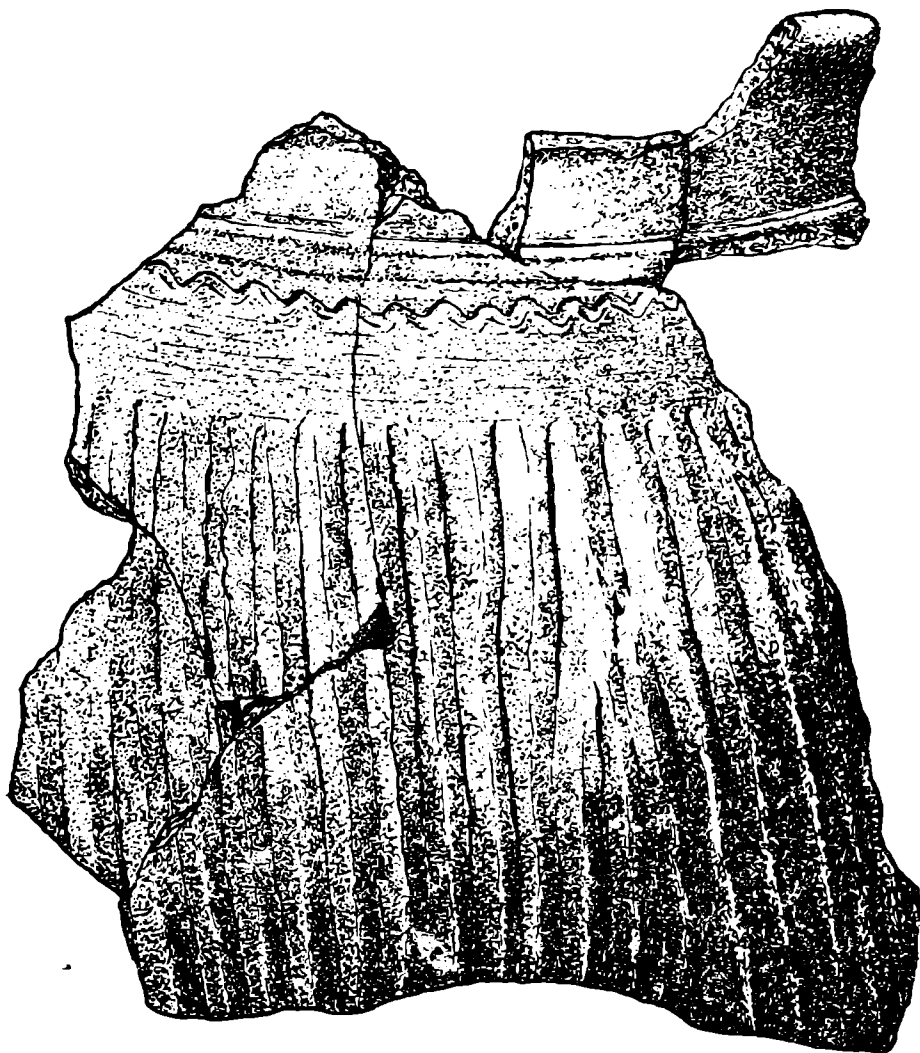

Рис. 27. Обломок гуннского сосуда

Даже если принять версию о том, что эти стихи написаны до сооружения дворца, все же они еще раз заставляют нас с недоверием отнестись к подобным жалобам. Самое упоминание китайской хроники о постройке дворцового здания в чужой земле в ту эпоху лишний раз позволяет предполагать возможность сооружения такого же дворца и Ли-Лином на берегах Абакана.

А. Н. БЕРНШТАМ
 ДРЕВНЯЯ ФЕРГАНА¹

1. Экспедиция 1946 г. имела целью подвести итоги многолетним археологическим работам по Семиречью и найти пути историко-культурных взаимоотношений Семиречья с западными и юго-западными областями Средней Азии, прежде всего с Ферганой. Этим объясняется длина маршрута 1946 г., достигшего 3500 км и охватившего всю Восточную Фергану и сопредельные районы — от Кетменьтюбинской котловины на севере до Восточного Памира на юге.

2. Сочетая широкую рекогносцировку с вскрытием наиболее неясных по своим внешним данным памятников, экспедиция установила основные зоны распространения ведущих культур обследованного района.

3. В предгорных районах Ферганы, особенно южной (Ош), четко выявилось сосуществование оседло-земледельческой культуры типа позднего Анау (III) и карасукской культуры пастушеских племен эпохи бронзы, основные центры которых и были расположены в горных долинах (Чакмак). Это существование двух вариантов культуры эпохи бронзы составляет типичную черту последующего историко-культурного процесса, а выявившиеся черты керамики (монохромность и преобладание росписи над резьбой) составляют основу ее стиля дальнейших эпох.

4. На юге Ферганы и в Северном Припамирье (Алай, Чон-Алай, Мургаб на Памире, Хайдаркан) явно выступила сако-усуньская культура, в своих характерных чертах представляющая продолжение синхронных культур Семиречья и Тянь-Шаня, имеющая, однако, провинциальные особенности. В силе оставалось ранее высказанное утверждение, что «царские» племена саков и усуней были расположены в Чу-Илийском междуречье. Этническая общность кочевых племен Ферганы и Семиречья выступила не только в инвентаре (керамика) и типе наскальных изображений (козел и архар как эмблемы солярного культа), но и в тотемах (як-кутас), общих для Иссык-Куля, Нарына (Центральный Тянь-Шань) и Южной Ферганы (Багашин, долина Соха).

5. Кочевые племена Южной Ферганы прослеживаются вплоть до Мургаба на Восточном Памире. Их местным центром являлся Чон-Алай (курганы Кийкеташ), который мы отождествляем с китайским топонимом Юйту, резиденцией племен уш, входивших в обширную конфедерацию сако-усуньских племен хюсюнь, гюньдау и кочевых племен Кашмира. Китайские историки справедливо причисляли их к единому этногенетическому кругу. Этот круг племен мы связываем с саками-амюргиями Геродота, юго-западная ветвь которых известна в ахеменидской клинописи под именем Сака-Хаумаварга.

¹ Тезисы доклада.

6. Усуньская культура имеет более широкое распространение, чем сакская, хотя в основном идет по тем же путям. Типичные черты усуньской культуры прослеживаются и в оседло-земледельческих поселениях синхронной ей даваньской культуры III—I вв. до н. э.

7. Даваньская культура III—I вв. до н. э. периода распада первобытно-общинных отношений характеризуется отдельными сферическими тепе и круглодонной монохромной керамикой, покрытой желтым или красным ангобом. Это культура населения, соединяющего земледелие со скотоводством. В ней зарождаются первые центры «городского» типа — укрепленные поселения «чэны» (Ючен, Эршичэн), из которых Эршичэн становится первым политическим центром Ферганы. Даваньская культура и составляет базу для формирования ранней кушанской культуры, являющейся выражением складывающихся новых общественных отношений патриархально-рабовладельческого типа.

8. Ранняя кушанская культура (I в. до н. э. до III в. н. э.) типична своими римскими чертами в керамике (позднеэллинистический черный лак, *terra sigillata* и прочерченный криволинейный орнамент), тепе «башенного» типа, широким развитием горнодобывающего промысла (Хайдаркан). Она территориально распространялась в горные долины окружающих Фергану хребтов (Ферганского, Алайского, Туркестанского Предгорья, Чаткальского и др.). С первым кушанским этапом связаны наскальные изображения лошадей у древнедаваньского центра Эрши (Мархамат-Араван); с утверждением Кушанской династии, очевидно в I в. н. э., центр переносится в Гуйшань (Кассан), в Северную Фергану. Сравнительный материал показывает относительно высокий уровень культуры Ферганы этого времени.

9. Кушанская культура в Фергане, начиная с IV в. н. э., скрещивается с культурами Семиречья (через Талас-Чаткал) и Тянь-Шаня (с древней и самобытной культурой Кетмень-Тюбе). Наряду с типом расселения в укрепленных домах формируются типично городские центры (типа упомянутого Кассана). Наблюдается ухудшение техники в выделке домашнего инвентаря — например керамики; исчезновение «римских» типов знаменует временную изоляцию Ферганы. Тюркское завоевание середины VII в. заканчивает этот период в истории Ферганы. В это время происходит дальнейшее углубление кушан в горы (Ку-Кяльда) и проникновение тюрков через Фергану в Тохаристан.

10. В период VII—VIII вв. Фергана находится в сфере активной военно-политической борьбы тюрков Семиречья и китайских наместников Восточного Туркестана, осложненной в начале VIII в. завоеванием арабов и частичным вмешательством Тибета. Этот период ознаменовался появлением нового типа расселения от домов *patera familia* к городам и замкам в центре сельских поселений. Складываются феодальные области и округа: Несайская (юг Ферганы), Миян-и-Рудан (восток), Вагизийская (север Ферганы), Хайлама (Кетмень-Тюбе). Часть городов возникает на месте древних поселений (Эрши-Давани и Урешт мусульманских авторов, племена Уш дают название городу Ош, древний город Ю — средневековый Узген). Сохраняет свой самобытный облик Кетмень-Тюбе-Хайлама. На севере, наряду с тюркским влиянием, идущим из «столичной» долины Таласа, явно выступают согдийские элементы в культуре. Ремесленный характер городских центров подчеркивается стандартизацией форм сосудов с применением ранней поташной поливы голубого цвета (иногда зеленоватого оттенка).

11. Победа арабов не устраняет тюркского влияния в области культуры, но ликвидирует окончательно остатки кушанской династии. Политический центр перемещается, очевидно, с VIII в. (конца) или в начале IX в.

в гор. Сигянь (Ахсы), подобно тому как в XI—XII вв. политическим центром при караханидах становится Узген, последний политический центр Восточной Ферганы. Можно предполагать, что только после Тимура центры Ферганы переходят на запад (Коканд). Еще при джагатаидах восточно-ферганские области сохраняют важное военно-политическое значение, поскольку джагатаиды опираются или находятся под влиянием мощных военных сил кочевого Семиречья (мавзолей Шахфазиль).

12. Экспедиция 1946 г. подвела итоги рекогносцировочного обследования Восточной Ферганы, ведущей части Ферганы в древности и средние века, выяснив пути культурно-исторических связей Ферганы с Тянь-Шанем и Семиречьем. Вместе с тем она выдвинула первоочередные задачи стационарного исследования обследованных районов. К первоочередным задачам следует отнести:

а) исследование сако-суньской культуры в Алае и на Памире (раскопки курганов);

б) раскопки в двух древнейших центрах Ферганы — древнем городе Эрши-Урешт (Мархаматское городище) и Кассан (Гуйшань, Гесай) на севере Ферганы (Муг-Кала), содержащих материал для познания форм проявления среднеазиатской античности от ее возникновения до крушения.

Наряду с этим сохраняет свое значение и углубленная разведка с частичным вскрытием ведущих объектов:

а) в пещерах Арсланбоба (палеолит);

б) проведение маршрута из Алая по Кызылсу-Сурхобу до Гарма;

в) на Памире до районов земледельческой культуры в Вахане, Шугнане, Рошане и Дарвазе.

Два последних маршрута создадут возможность оконтурить зоны преобладающего значения кочевников над земледельцами, взаимоотношение которых в условиях Средней Азии составляет одну из важнейших проблем.

Е. И. КРУПНОВ

СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ¹

1. Северокавказская экспедиция 1946 г. была организована ИИМК АН СССР, ГИМ и Гроз. обл. музеем краеведения. Работы были проведены на территории Грозненской обл.

2. Основными задачами являлись: а) продолжение раскопок поселения и могильника скифского времени, расположенных близ станицы Нестеровской; б) первое, предварительное обследование северных районов Грозненской области.

3. На Нестеровском могильнике, в дополнение к 40 погребениям, вскрытым до 1941 г., экспедиция подвергла раскопке еще 13 погребений и, таким образом, в основном закончила исследование этого интересного памятника.

4. Могильный инвентарь имеет смешанный характер и, сохраняя местные черты кобанской культуры, одновременно содержит многие элементы скифской культуры, а также культуры крымских тавров.

5. Время существования Нестеровского могильника относится к поздней стадии бытования кобанской культуры, синхронной скифской (VI—IV вв. до н. э.).

¹ Тезисы доклада.

6. Раскопки поселения дали довольно обильный материал с явным преобладанием скифских культурных элементов. Поселение и могильник принадлежали одному и тому же местному населению VI—IV вв. до н. э.

7. Археологической рекогносцировкой в северных степных и полупустынных районах Грозненской области выявлено огромное количество отлично сохранившихся курганов, нередко значительной высоты. Редким по величине является курган Би-Тюбе (Царский курган), высотой около 13 м, прекрасно сохранившийся в неземледельческой зоне области близ с. Иргаклы.

8. Собранный в песчаных выдувах обильный материал свидетельствует о прошлом бытовании в этих районах различных древних культур, начиная от эпохи ранней бронзы и кончая поздним средневековьем.

9. Подъемный материал позволяет установить непрерывность культурного развития местных обществ и древнейшие культурные связи населения этих районов с населением Прикубанья, Приазовья, Нижнего Поволжья и даже Украины, особенно ощутимые в эпоху ранней бронзы и в скифо-сарматское время.

10. Собранные материалы являются остатками некогда существовавших здесь многочисленных поселений, могильных полей и курганных групп, занесенных бурунными песками, развеянными затем ветром.

11. Раскопки курганов типа Би-Тюбе и других могут дать не только материальные и художественные ценности, но и материалы крупного научного значения и помогут вписать яркие страницы в историю всей центральной полосы Северного Кавказа.

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

РАСКОПКИ ТИРИТАКИ И МИРМЕКИЯ¹

1. В 1946 г. Боспорская археологическая экспедиция возобновила прерванные войной систематические раскопки двух городов Боспорского царства — Тиритаки (11 км южнее Керчи) и Мирмекия (4 км северо-восточнее Керчи). Особенно широко были развернуты раскопки Тиритаки, где работы ведутся с 1932 г.; это была десятая археологическая кампания, после которой общая площадь исследованной территории Тиритаки достигла 8500 м².

2. Находка в 1946 г. некоторых предметов эпохи бронзы, в совокупности с найденными ранее менгириобразными изваяниями и фрагментами каменных топоров, позволяет считать доказанным существование на месте Тиритаки догреческого поселения, принадлежавшего, вероятнее всего, киммерийцам.

3. Находка фрагментов импортной расписной архаической керамики подтверждает возникновение греческой Тиритаки около середины VI в. до н. э., когда античная колонизация широко охватила район Боспора Киммерийского.

4. Раскопки 1946 г. дали богатый материал, который в связи с результатами предшествующих раскопочных кампаний характеризует Тиритаку как укрепленный хозяйственно-промысловый город Боспорского государства, защищавший подступы к столице (Пантикапею) и вместе с тем являвшийся важнейшим центром боспорского виноделия и рыбного промысла в эллинистическо-римское время. Торговля вином со скифско-сарматскими племенами стимулировала широкое развитие местного виноделия на

---

¹ Тезисы доклада.

Боспоре. Массовый экспорт консервированной рыбы и особенно значительный спрос на рыбные продукты для снабжения римских черноморских армий являлись предпосылками превращения Тиритаки в крупнейший рыбопромышленный центр Северного Причерноморья в первые века нашей эры.

5. В 1946 г. раскопками открыты три отлично сохранившихся здания, специально оборудованных для производства виноградного вина (давальни, прессы, резервуары); одно из них III в. до н. э. (рис. 28) и два — римского времени.

Эти памятники материального производства не только по-новому обрисовали некоторые важные стороны экономики Боспорского царства, но они чрезвычайно ценны как для исследователей Северного Причерноморья, так и для изучающих историю культуры античного мира.

Рис. 28. Тиритака. Винодельня III в. до н. э. Давильные площадки и резервуары для стока сусла

6. Выдающимися по своему научному значению являются законченные в 1946 г. раскопки обширного дома-усадьбы III—IV вв. н. э., отражающего состояние культуры и экономики Боспорского царства в позднеимперское время, в период распада этого рабовладельческого государства.

В ряду многочисленных вещевых находок из указанного дома-усадьбы особенно надо отметить найденный в 1946 г. большой клад, состоящий из 223 боспорских монет 276—332 гг.

Тиритака, очевидно, подверглась гуннскому разгрому во второй половине IV в. н. э., когда был сожжен и раскопанный дом-усадьба, жители которого, спасаясь бегством, пытались спрятать и сохранить свои ценности. Клад, найденный в 1946 г., является третьим крупным монетным кладом Тиритаки.

7. Обнаружены следы жизни земледельческого населения в V—VIII вв. на месте разрушенной античной Тиритаки. Стремление Византийской империи укрепиться в районе Керченского пролива находит отражение в материальных остатках Тиритаки. Материалы верхних слоев городища VII—VIII вв. н. э. дают сходство с так называемой «салтовской» культурой.

8. Исследования 1946 г. и итоги раскопочных кампаний 1932—1940 гг. рисуют Тиритаку как своеобразное поселение, игравшее чрезвычайно важную роль в экономической жизни Боспорского царства. Специфический облик и особая планировка Тиритаки как промышленного поселения делает его единственным такого рода поселением среди всех известных в настоящее время населенных пунктов античной эпохи в Северном Причерноморье.

Находки предметов материальной культуры, хронологически предшествующих античной колонизации, показывают, что возможность открытия значительных остатков киммерийской культуры в восточной части Крыма при дальнейшем разворачивании здесь археологических исследований может быть признана вполне реальной.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

РАСКОПКИ В КЕРЧИ¹

1. Керченская экспедиция производила исследование Пантикапея, столицы Боспорского царства, одного из древнейших государств на территории СССР. В силу особых условий античного общества, Пантикапей, как столичный город, с наибольшей полнотой должен был отражать историю Боспора.

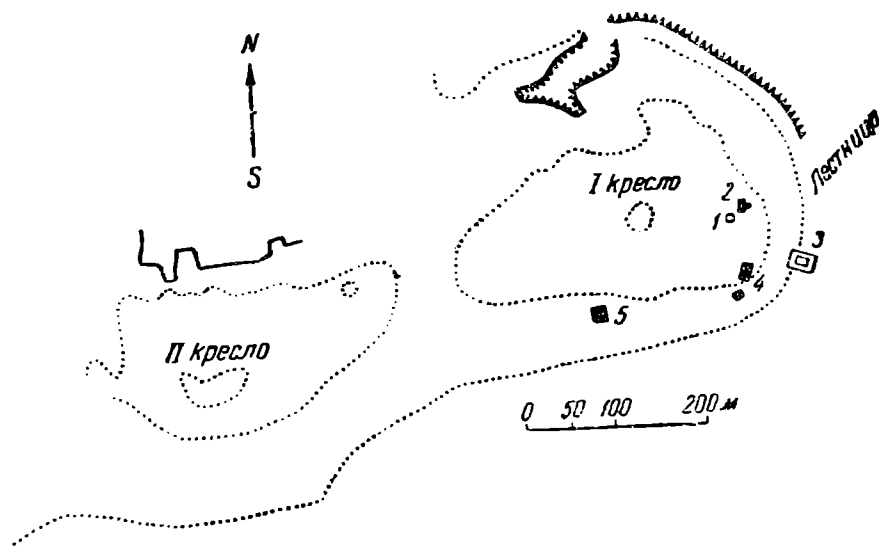

Рис. 29. Схематический план горы Митридат

1 — памятник Стемповского; 2 — раскоп 1945 г. около памятника; 3 — старое здание музея; 4 — раскоп 1945 г. над музеем; 5 — боспорский раскоп 1946 г.

2. Производившиеся в XIX и начале XX в. работы в Керчи были преимущественно направлены на раскопки некрополя, лишь отчасти касались города. Результаты их в общем дают немного для понимания истории Пантикапея как поселения.

¹ Тезисы доклада.

3. Перед исследователями Пантикапея стоит задача изучения истории этого города. Нужно установить время возникновения поселения, его первоначальные границы, их последующие изменения (с ростом или захирением города), историю и характер его частей: акрополя, жилых и хозяйственных районов, его порта.

4. К решению этих задач приступила Керченская экспедиция в 1945—1946 гг., которой, кроме того, производились работы по уточнению границ археологического заповедника в связи с восстановлением современной Керчи, разрушенной немецкими фашистами.

5. Основные работы экспедиция 1945 г. производила в верхней части восточного склона горы Митридат (рис. 29), занятой в древности акрополем Пантикапея. Этими работами установлено возникновение поселения на горе Митридат в первой половине VI в. до н. э. Обнаружены развалины подпорных стен террас города, построенных в I в. до н. э. Возможно, что они связаны с восстановительными работами в Пантикапее в конце II в. до н. э. после разрушений во время восстания Савмака и завоевания Диофанта.

6. Раскопки 1945—1946 гг. на северном склоне горы Митридат над Эспланадной улицей установили, что самые ранние следы жизни на этом участке относятся к концу VI—началу III в. до н. э., когда названный участок, вероятно, находился вне пределов города, представляя собой незастроенный пустырь. В III—II вв. до н. э. там возникли монументальные сооружения; обломки раскрашенной и расписной штукатурки свидетельствуют, что это были богатые жилые дома. После разрушения этого здания в I в. до н. э. была сооружена какая-то постройка с цемянковым полом, повидимому, винодельня. Затем в I—II вв. н. э. участок пришел в запустение и стал местом мусорной свалки. Позднее (III—IV вв. н. э.) участок был занят большим зерновым хозяйством. Сохранилось 10 вместительных ям для хранения хлеба (в одной из них обнаружены зерна проса, пшеницы и ржи). На этом закончилась жизнь рассматриваемого участка, он запустел и оставался незастроенным до настоящего времени.

Среди многочисленных находок очень важны для истории ремесла Пантикапея штамп с монограммой Перисада для клеймения амфор и фрагмент формы для изготовления мегарских чаш, указывающий на то, что эти сосуды производились и в Пантикапее.

7. Раскопки 1946 г. на южном склоне горы Митридат над Боспорским переулком познакомили нас с иным районом города. Этот район был включен в городскую черту в IV—III (или V—III) вв. до н. э., как показывает древнейший слой, заключающий развалины постройки этого времени. Выше лежала мощная насыпь (заключавшая предметы VI—II вв. до н. э.), возникшая в I в. до н. э., возможно, в связи с теми же работами, что и на восточном склоне горы Митридат, наблюдавшимися при раскопках 1945 г.

Остатки I—II вв. н. э. скудны. Напластования III—IV вв. н. э. дали более яркую картину, особенно нижние из них. Открыт участок древнего города — перекресток узкого переулка с неширокой улицей, с частями прилежащих домов. На улице сохранились остатки вымосток и водостока. Верхняя часть переулка, видимо, переходила в лестницу. В эпоху раннего средневековья городская жизнь на исследованном участке замерла, там хоронили покойников, как показывают три детские могилы, впущенные в слой римской эпохи.

Обследованные участки могут быть основой дальнейшего планомерного исследования города.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ
 ТЕРРАСЫ ПАНТИКАПЕЯ

Одной из особенностей древнегреческих городов было нередко встречавшееся расположение их на склонах холмов, иной раз довольно крутых. Так был распланирован Пантикапей, который, по словам Страбона,¹ представлял собой холм, заселенный со всех сторон. В эпоху поздней классики и эллинизма в античном мире градостроительство и коммунальное хозяйство достигли значительного развития. Тогда же, нужно думать, встал вопрос о рациональном размещении города на склонах холма. При планировке города нужно было достичь наиболее целесообразного сочетания сети улиц с рельефом местности. Примером этого может служить Приена, где основные артерии города — продольные улицы — расположены почти горизонтально, а пересекающие их поперечные переулки круто поднимаются вверх, отчасти представляя собой лестницы.²

Раскопки 1947 г. в Керчи, на южном склоне Митридата, показывают, что такая система планировки применялась и в Пантикапее, во всяком случае в римский период. Открытый в 1946 г. перекресток состоит из почти горизонтально расположенной улицы и круто поднимающегося в гору переулка. Особые трудности возникали при размещении построек на очень крутых склонах, когда крыша дома живущего внизу горожанина оказывалась на уровне двора его соседа, что вызвало даже необходимость в особом законодательстве.³

В современных городах Юга одним из средств регулирования размещения города на крутых скатах служит изменение рельефа местности; для этого сооружаются террасы, укрепленные подпорными стенами. Раскопки 1945—1946 гг. и некоторые исследования прошлого столетия позволяют поставить вопрос о существовании террас в древнем Пантикапее, во всяком случае в позднеэллинистическую эпоху.

В 1945 г. на раскопе⁴ над старым зданием Музея, под довольно тонким слоем римского периода был обнаружен мощный пласт насыпи позднеэллинистического времени (видимо, I в. до н. э.). В нем открыта стоявшая на материке подпорная стена (рис. 30) нерегулярной кладки. С внутренней стороны к стене примыкал мощный слой каменного бута. Названная стена сохранилась в высоту на 1.60 м, толщина ее была до 0.70 м, глубина подошвы — около 3 м. Назначение этой стены вряд ли может вызвать сомнение: она могла быть только предназначена поддерживать террасу, про-

¹ Strabo. VII, 4, 4.

² M. Schede. Die Ruinen von Priene, Berlin und Leipzig, 1934, стр. 10, рис. 11, 13, 14.

³ W. Dittenberger. Orientis graeci inscriptiones selectae. Lipsiae MDCCCXCV, т. II, № 483, строка 109 сл.

⁴ В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1945 г. Сов. Крым, 1946, № 2, стр. 119 сл.

ходившую вдоль восточного склона горы Митридат. В упомянутом мощном пласте насыпи было найдено значительное число фрагментов керамики VI—II вв. до н. э. Однако отсутствие неповрежденных культурных слоев раннего времени указывает на то, что они были перерыты при больших земляных работах I в. до н. э., когда сооружалась подпорная стена. Время проведения этих работ наталкивает на предположение, что их вызвали разрушения, испытанные Пантикапеем в конце II в. до н. э., так как известно, что в этот период город дважды подвергался разрушению: во время восстания скифских рабов, а затем во время вторжения войск Диофанта.

Рис. 30. Пантикапей. Раскоп 1945 г. Подпорная стена

В том же районе подпорная стена террасы, повидимому, была обнаружена и при раскопках А. А. Бобринского в 1891 г.¹ «на северном склоне горы Митридат со стороны моря» (т. е. с северо-востока). Было заложено два раскопа: в одном, расположенном позади старого здания Музея, были обнаружены культурные слои, перемешанные с оползневыми. Найденные там предметы, по определению А. А. Бобринского, были главным образом греческие², римские почти не встречались. На другом раскопе, несколько выше первого, под памятником Стемпковского, были найдены аналогичные предметы, но в меньшем числе. Там же попадались в изобилии каменные глыбы, «составлявшие как бы стену, разрушенную временем, или заграждение с целью подпереть верх насыпи». Остатки подпорных стен были обнаружены и при раскопках А. Е. Люценко в 1867 г.³ на северной покатости горы Митридат, выше каменной лестницы, ведущей к церкви

¹ Архив ИИМК, Дело 1891/53. Отчет о раскопках в Керчи в 1891 г. Отчет Археол. комиссии, 1891, стр. 23—25; М. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, стр. 135 сл.; Ю. Ю. Марти. Сто лет Керченского музея, 1926, стр. 77.

² Судя по перечислению находок в отчете, среди них было немало эллинистических фрагментов (ручки амфор с клеймами, фрагменты черепиц с клеймами и пр.).

³ Архив Керченского музея. Журнал археол. разысканий 1867 г.; Архив ИИМК, Дело 1867/11; Архив ИИМК, Дело 1868/41.

Александра Невского (т. е. к старому зданию Музея). Культурный слой, достигавший там 10 м толщины, заключал находки греческого и римского времени: обломки расписной и украшенной рельефами посуды, а также пантикапейские и боспорские монеты.

В том же районе, в верхней части покатости горы (к северу от памятника Стемпковского), при раскопках 1945 г.¹ были открыты развалины подпорной стены I в до н. э., вероятно, сооруженной при восстановительных работах после военных бурь конца II в. до н. э.

На весьма интересный участок наткнулся А. Е. Люценко в 1871 г. при раскопках на крутой покатости горы Митридат с юго-восточной стороны близ церкви Александра Невского. К сожалению, отчет об этих работах² оставляет желать лучшего. Наиболее важным в сообщении А. Е. Люценко представляются нам сведения о том, что «на поверхности материка, срезанного под насыпью уступами (лестницей), была обнаружена часть постройки, снабженной водопроводным желобом. Таким образом, здесь природный рельеф местности был изменен путем вырезок, превративших склон холма в террасы. Заслуживают внимания также развалины, открытые на двух нижних уступах. На самом нижнем уступе Люценко обнаружил ряд сложенных на-сухо столбов — опор, а на втором уступе — остатки стен. Эти крайне отрывочные сведения об остатках постройки, расположенных на различных уровнях, позволяют вспомнить о террасных домах Помпеи³

Однако сооружение террас в древнем Пантикапее отнюдь не ограничивалось восточным склоном горы Митридат. Возможно, их устраивали и на северном склоне, как это можно предположить по расположению уступами водопровода, открытого К. Р. Бегичевым в 1849 г.³ Существование террас на южном склоне засвидетельствовано более надежными данными. В 1867 г. А. Е. Люценко, ведя раскопки⁴ на южном склоне Митридата, открыл стены верхней террасы горы. Сделанные при этом находки (фрагменты расписной посуды, пантикапейские монеты и ручки амфор с клеймами) указывают, что были вскрыты культурные напластования эллинистического и, вероятно, классического времени. Возможно также, что с сооружением террас связана также мощная трехметровая насыпь позднеэллинистического времени, обнаруженная в 1946 г. при раскопках на южном склоне горы Митридат над Боспорским переулком (Боспорский раскоп).

Собранные нами материалы допускают предположение, что в древней Пантикапее уже в эллинистическую эпоху сооружались террасы, опоясывавшие гору, вершина которой была занята акрополем. Можно думать, что одну из таких террас имел в виду Аппиан,⁵ описывая последние часы жизни Митридата Евпатора. Названный автор сообщает нам, что когда в Пантикапее вспыхнуло восстание против Митридата и войско венчало царем его сына Фарнака, Митридат, находившийся в верхнем городе, смотрел на это событие *ἐξ περιπέτου* (т. е. с кругового обхода). Этот «круговой обход», вероятно, был одной из террас, опоясывавших холм Пантикапейского акрополя.

¹ В. Д. Блаватский. Указ. соч., стр. 119 сл.

² Архив Керченского музея. Журнал археол. разысканий 1871 г. А. I с ссылкой на рапорт от 31.XII 1871 г. за № 54. Архив ИИМК, Дело 1871/16, тот же журнал и «Краткая записка» А. Е. Люценко при рапорте от 31/XII 1871 г., № 54. Отчет Археол. комиссии 1871 г., стр. XXXIX сл.

³ Архив Керченского музея. Дело 1849 г. по описи № 17. Рапорт от 11/V 1849 г. за № 17. Отчет от 1/VI 1849 г. за № 4067. Архив Эрмитажа, Дело 1846/34. Отчет К. Р. Бегичева 1846—1850 гг., стр. 88—91.

⁴ Архив Керченского музея. Журнал Археол. разысканий 1867 г.; Архив ИИМК. Дело 1867/11, тот же журнал и опись; Отчет Археол. комиссии 1867, стр. VI.

⁵ App. Mith. IV, 111.

И. И. ЛЯПУШКИН

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА В БАССЕЙНЕ РЕКИ ВОРСКЛЫ¹

1. Летом 1946 г. закончено сплошное археологическое обследование берегов р. Ворсклы от с. Каменки, Тростяницкого района Харьковской обл., до с. Переволочна (устье р. Ворсклы) и ее левого притока — р. Коломака от истока до устья; обследование было начато в 1938 г. с целью выявления памятников славянской культуры I тысячелетия. Уже в первый полевой сезон (1938 г.) стало ясно, что изучение этой группы славянских памятников невозможно без изучения памятников эпохи железа в целом. Это обстоятельство побудило расширить круг наблюдений и заняться также памятниками I тысячелетия до н. э., так называемой «скифской поры».

2. В итоге четырехлетних полевых изысканий археологический материал большей части бассейна р. Ворсклы в эпоху железа выявлен с достаточной полнотой. Собранные в процессе разведочных работ и небольших раскопок на трех поселениях (Петровское — 1938 г., Опошнянское — 1940 г., Полтавское — 1945 и 1946 гг.) материалы позволяют проследить, правда, пока еще в общих чертах, ход исторической жизни оседлого населения в Поворсклье.

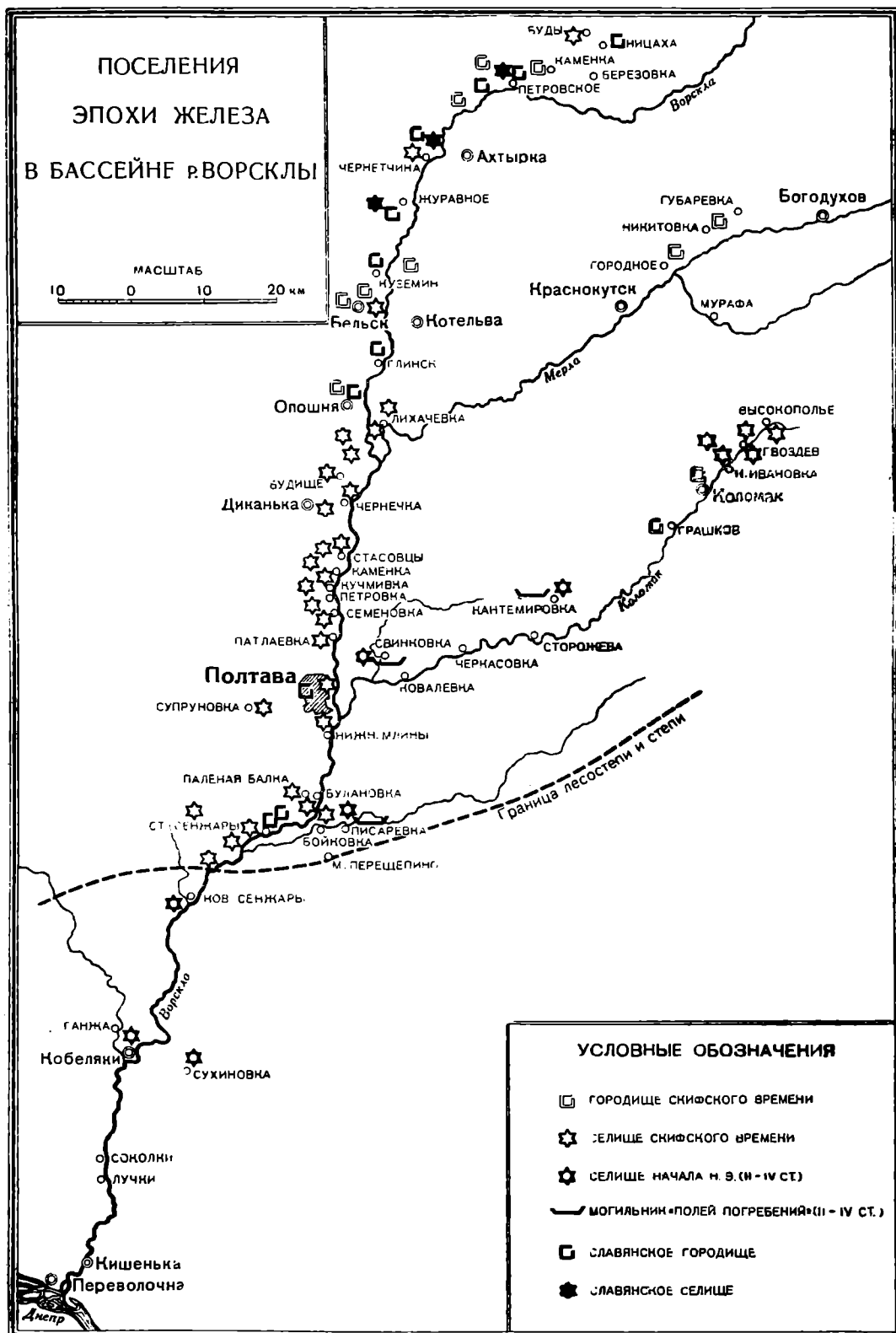
3. Имеются все основания утверждать, что жизнь населения в крае в рассматриваемое время не имела непрерывной линии развития. В ней ясно выявляются три периода с перерывами между ними: а) VII—II вв. до н. э. (так называемый «скифский период»), б) II—IV вв. н. э. (период так называемых «полей погребений») и в) от VIII в. до монгольского завоевания — «славяно-русский период»). Для времени II в. до н. э.— II в. н. э. и V—VII вв. н. э. никаких следов оседлости в Поворсклье не прослеживается.

4. Хронологический разрыв между отдельными периодами и отсутствие следов преемственности в материальной культуре и быте населения каждого из этих периодов говорит за то, что непосредственной генетической связи между этими группами населения нет.

5. Отсутствует генетическая связь между населением VIII—X вв., оставившим памятники ясно выраженной славянской культуры и населением предшествующих периодов («полей погребений» и «скифского»). Наличие преемственности некоторых элементов культуры «полей погребений» типа Кантемировка (погребение в катакомбах, близость керамики по технике изготовления, орнаментации и форм сосудов) в материалах салтовомаяцкой культуры как будто дает основания предполагать, что население Поворсклья, оставившее памятники «полей погребений», являлось в какой-

¹ Тезисы доклада.

то мере одним из слагаемых в формировании населения, оставившего памятники салтово-маяцкой культуры. Однако это только предположение, требующее дополнительных, в первую очередь полевых изысканий.

Карта поселений эпохи железа в бассейне р. Ворсклы.

В отношении населения скифской поры эти вопросы еще более сложны. По некоторым данным, сравнительно многочисленное население скифской поры, исчезнувшее из Поворосклья около II в. до н. э., вероятнее всего

передвинулось к северу, в зону собственно лесостепи (до линии Путивль — Курск — Воронеж), где на ряде поселений обнаружена позднезольничная керамика (горшки со сквозными отверстиями по венчику, серые миски, слегка покрытые лощением). Поскольку памятники раннезольничной культуры в этой полосе совсем неизвестны, то вполне естественно, что исключается местный характер позднезольничных элементов.

6. В свете изложенного некоторые положения, высказанные П. Н. Третьяковым в работе «Северные восточнославянские племена» (МИА СССР, вып. 6) в отношении хода исторического процесса в Среднем Поднепровье (в том числе и Левобережья), не могут быть распространены на Поворсклье, как не отражающие конкретного исторического процесса. К числу таких положений мы отнесли нижеследующие утверждения П. Н. Третьякова:

а) «...археологический материал как будто бы свидетельствует об автохтонности населения, оставившего «поля погребений» Среднего Поднепровья» (стр. 10);

б) «...огромный этнический массив, занимавший Среднее Поднепровье в начале и середине I тысячелетия н. э., сложившийся в предыдущие столетия из многочисленных скифских земледельческих племен, как массив древнеславянский» (стр. 11);

в) «признание наличия оседлого населения в Поворсклье накануне заселения этого края в VIII ст. славянскими племенами (роменцами)» (стр. 34).

7. Недостаточная изученность стратиграфии славянских поселений не позволяет нам говорить, насколько прочно осели в бассейне р. Ворсклы славянские племена (роменцы), появившиеся здесь в VIII в. Есть некоторые основания предполагать, что под влиянием кочевнических набегов (печенеги, половцы) славяне не раз были вынуждены покидать этот край, пока монгольские завоеватели на долгое время не превратили его в область своих кочевий.

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ДНЕПРОВСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ¹

Археологические обследования, произведенные в 1946 г. в бассейне правых притоков Среднего Днепра — Роси и Тясмина, явились продолжением работ, начатых в 1940 г. в смежных областях Правобережья — в бассейне Тетерева, Звизжа и Ирпеня.²

Общей задачей этих обследований, которые будут продолжены в последующие годы, является выявление и предварительное изучение древних поселений, преимущественно I тысячелетия до н. э. Эти памятники, до настоящего времени здесь почти неизвестные, за исключением отдельных пунктов, должны пролить свет на историю оседлого земледельческого населения Правобережья, что, в свою очередь, обещает дать ценные материалы по вопросу о генезисе здесь славянских племен. Проблема происхождения славян является центральной проблемой, решаемой работами Днепровской (Славянской) экспедиции, организованной и проводимой ИИМК АН СССР совместно с Институтом археологии АН УССР.

¹ Тезисы доклада.

² П. Н. Третьяков. Славянская (Днепровская) экспедиция 1940 г. КС ИИМК, 1941, вып. X, стр. 120—124.

Работы экспедиции в 1946 г. распались на два этапа.

1) Было обследовано около 20 городищ в среднем течении р. Роси, в районе г. Корсунь Шевченковский — Стеблев, и по нижнему течению притока Роси — р. Россавы, от с. Россавы до с. Пилявы. Большинство обследованных городищ оказалось укреплениями XI—XIII вв.; это остатки той укрепленной черты, которая была возведена на южной границе Киевских земель в эпоху Владимира и Ярослава. Встречено несколько памятников более позднего времени — остатков усадеб и укреплений XVII—XVIII вв. В районе г. Корсунь Шевченковский обнаружено два селища с находками скифской эпохи и времен «полей погребений». Наконец, у с. Яблоновка на р. Роси осмотрено уже известное трипольское поселение.

2) Были подвергнуты разведке берега р. Тясьмина и его притоков в районе гор. Смелы, где некогда производил раскопки курганов А. А. Бобринский. Здесь в результате разведок обнаружено свыше 20 селищ и городищ, принадлежащих к трем различным эпохам. Больше всего, как и следовало ожидать, здесь оказалось памятников скифского времени. Далее, в

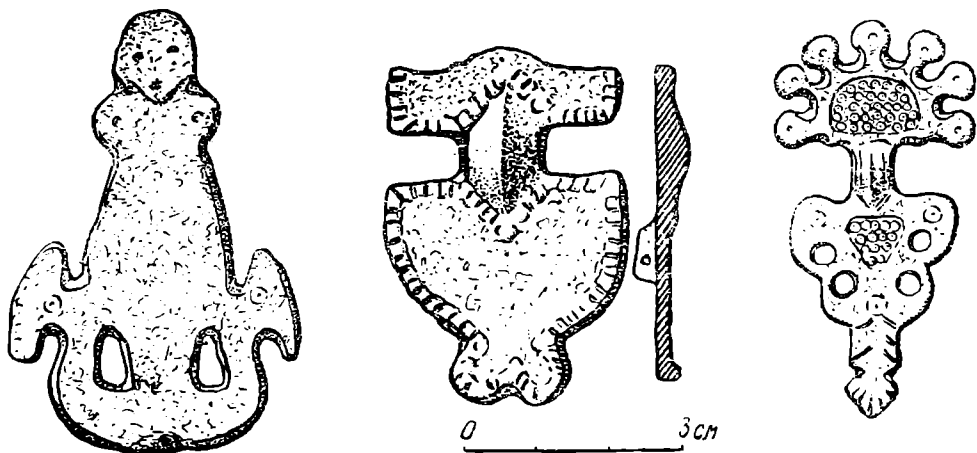

Рис. 31. Пальчатые фибулы Пастерского городища

нескольких пунктах оказались селища эпохи «полей погребений», давшие материал черниховского облика. Наконец, здесь оказались укрепления XVII—XVIII вв. Раннесредневековых памятников в районе гор. Смелы найдено не было.

На городище скифского времени у с. Зелевки, на котором была найдена несколько своеобразная керамика, при раскопках обнаружены остатки наземного жилища с глинобитной печью, а рядом с ними встречен небольшой клад бронзовых изделий галльштатского облика. Результаты раскопок на городище у с. Зелевки будут опубликованы в ближайших номерах «Кратких сообщений».

Небольшие раскопки были произведены на селище времени «полей погребений», находящемся в местности Великий Берег — у с. Сунки. Обнаружены развалины глинобитных печей и характерный материал черниховского типа. Селище Великий Берег имеет протяженность более километра. Среди подъемного материала встречены обломки римских стеклянных сосудов и, что особенно интересно, обломки кровельной черепицы.

При осмотре известного Пастерского городища у местного населения были приобретены три бронзовых фибулы, найденные в двух различных концах правобережной части памятника (рис. 31).

ШЕСТОВИЦКИЕ КУРГАНЫ¹

Основной задачей Шестовицкой археологической экспедиции ЛОИИМК АН СССР являлось исследование древнего курганного могильника, расположенного в 12 км к ЮЗ от гор. Чернигова, Черниговского района и области.

Уцелевшая юго-западная часть курганного могильника, некогда занимавшего огромную территорию с. Шестовицы, исследовалась еще в 1925—1927 гг.

Работы нынешнего года были в основном сосредоточены в юго-западной части могильника, где нами было вскрыто 7 курганных насыпей. Большинство вскрытых насыпей содержало древние сожжения, расположенные на материке, где имелись остатки кострища, а среди сожженных костей, часть которых ссыпалась в сосуд — урну, встречены предметы украшения, вооружения и конской упряжи.

В одном из вскрытых курганов нами обнаружен особый обряд погребения. В могильной яме найдено парное погребение мужчины и женщины, у их ног лежал скелет коня в сбруе для верховой езды. При мужском костяке находились многочисленные предметы вооружения: топор-секира, наконечник копья, скрамасакс, ножи, кресало с кремнем, наконечники стрел, а также гири для весов. Из предметов украшения: бронзовые пуговицы и подковообразная фибула, скалывавшая край шелковой одежды. К югу от черепа мужчины был помещен набор разноцветных стеклянных шариков и фигур — принадлежностей древней игры — и рядом стояли поставленные на ребро 6 железных обручей.

При женском костяке имелось лишь у шеи ожерелье из мелких стеклянных бус и колечко. В данном случае мы имеем характерный для середины X в. случай погребения знатного воина-дружинника вместе с убитой рабыней и умерщвленным конем.

Однако массово распространенным обрядом погребения среди рядового населения, жившего здесь племени северян, было сожжение с последующим помещением костей в сосуд — урну, подтверждение чему мы найдем в указаниях древней летописи.

Вторым археологическим объектом, подвергнувшимся исследованию, явилось древнее городище, расположенное на конечном мысе высокой надпойменной террасы р. Десны в 0.5 км от курганов. Здесь нами был заложен пробный раскоп размером в 46 м², который вскрыл несколько древних землянок овальной формы с остатками глинобитных печей и дал довольно значительный вещевой материал.

Среди находок имеются разнообразные фрагменты преимущественно гончарных сосудов с линейным, волнистым и ногтевым орнаментом и частично сосудов, слепленных от руки. Среди орудий труда отмечены железные ножи, наконечники стрел, кочедыги для плетения лаптей, костяные острия и пр. Определившаяся в итоге работ 1946 г. синхронность шестовицкого городища с древним могильником раскрывает большие перспективы для дальнейшего расширенного исследования этих чрезвычайно важных памятников.

¹ Тезисы доклада.

А. В. АРЦИХОВСКИЙ
БЕСЕДСКИЕ КУРГАНЫ¹

Село Беседы расположено под Москвой в 10 км от железнодорожной станции Царицыно, на берегу Москва-реки. Раскопки² курганов, расположенных в этом селе, начаты в 1945 г. и развернуты в 1946 г. В 1945 г. вскрыты курганы № 1—11, в 1946 г. — № 12—29. Особое значение имеет большой отдельный курган № 12 высотой в 4 м. Такие высокие курганы не раскапывались в Московской обл. почти никогда. Только в 1883 г. Кельсиев раскопал в Митине один такой курган, но тот дал погребение обычного типа; с тех пор археологи 63 года избегали касаться подобных больших насыпей. Технические приемы раскопок пришлось теперь разрабатывать заново, ведь большие курганы, насколько известно, нигде пока не копались целиком. Погребения в кургане не было, зато обнаружен на горизонте кольцевой ров, круглый в плане; диаметр его 14 м, ширина 0.12—0.35 м, глубина 0.25—0.55 м.

Это культовое сооружение имеет точнейшие аналогии по всем пропорциям и деталям в ранних курганах вятичей на Верхней Оке (Шаньково, Почепок) и на Верхнем Дону (Боршево), датируемых серединой I тысячелетия н. э. (те насыпи меньше размерами, зато дали ряд датирующих вещей). Курган этого типа и этого времени найден в Московской обл. впервые; наличие здесь столь ранних вятичей (и вообще столь ранних славян) не было до сих пор установлено. Возможно, что их курганы (меньшего размера) здесь уже раскапывались, но при старой системе раскопок колодцами подобные сооружения не могли быть замечены.

Кроме кольцевого рва, в кургане № 12 найдены остатки костров и ямки вертикальных столбов. Вещей не было, кроме найденных в насыпи черепков. Остальные беседские курганы содержали обычные погребения вятичей XII—XIV вв., но эти насыпи, хотя и были меньше кургана № 12, в большинстве своем значительно превышали обычные для вятичей размеры; погребения в этих курганах особо богаты; много височных колец, бус и других украшений. Есть новые типы украшений, особенно привесок. Местной особенностью является обилие бубенчиков. Найдена сюльгама мордовского типа; это единственное вообще в курганах вятичей доказательство непосредственных связей с восточными соседями. Впервые у вятичей найден гребень, притом в мужском погребении. Встречен ряд гончарных клейм; одно из них изображает зверя, что совершенно ново.

¹ Тезисы доклада.

² Раскопки были организованы совместно ИИМК АН СССР и МГУ.

*А. М. ЕФИМОВА, О. С. ХОВАНСКАЯ, Н. Ф. КАЛИНИН,
 А. П. СМЕРНОВ*

РАСКОПКИ РАЗВАЛИН ВЕЛИКИХ БОЛГАР В 1946 г.

Развалины города Великие Болгары — один из ценнейших памятников нашей истории. В X в. этот город стал культурным центром Среднего Поволжья и Приуралья. Свое значение он сохранил и позднее, в эпоху Золотой Орды, являясь центром мусульманского просвещения, откуда шли проповедники к башкирам, чувашам и удмуртам, тем самым приобщая эти народы к одной из передовых цивилизаций того времени. Однако этим не исчерпывается значение этого города в культурной жизни Восточной Европы.

Будучи международной ярмаркой с X—XIV вв., город был местом, где скрещивалось культурное влияние Востока, Юга и Запада и где в значительной мере складывалась основа культурного общения между народами нашей страны. Несомненно, с булгарами связано появление некоторых орнаментальных мотивов Закавказья во владими́ро-суздальской архитектуре, так же как и в распространении русских и восточных вещей у народов Среднего и Северного Приуралья. Для Восточной Европы волжские болгары сыграли ту же роль, какую сыграли крестоносцы Запада, познакомив народы Европы с восточной культурой. История волжских болгар имеет существенное значение для русской истории. Без ее изучения нельзя понять связь Руси с Востоком. Это значение болгар давно уже привлекало внимание историков и археологов к развалинам их столицы и естественно, что в настоящее время начаты многолетние систематические раскопки развалин столицы этого государства.

Первым обратил внимание на Болгарское городище Петр I, посетивший его в 1722 г. Он приказал укрепить архитектурные памятники и собрать надгробья. По его указанию были сделаны и переводы армянских надписей (см. ниже).

Первые крупные раскопки городища были произведены в 1877 г., но до 1938 г. — начала систематических исследований городища — было проведено только 9 археологических кампаний. В 1938 г. ИИМК совместно с ГИМ и Казанским музеем начали систематические исследования городища. За пять лет работы была исследована баня восточного типа XIV в., площадь и остатки городского водопровода; были получены данные по исторической топографии города, подтвердившие сведения восточных писателей о положении города и о его небольших размерах в X—XI вв.

После длительного перерыва в период Великой Отечественной войны, в 1946 г. экспедиция продолжила работу, начатую в 1945 г.¹ Был продол-

¹ Экспедиция, организованная ИИМК АН СССР, ГИМ, Гос. музеем ТАССР, Казанским филиалом АН СССР, работала в составе: А. М. Ефимовой, О. С. Хо-

жен раскоп у Греческой палаты кладбища армянской колонии XIV в.; начаты работы по изучению центральной части городища и укреплений города для датировки и выявления их системы.

Первый раскоп на месте кладбища полукольцом охватил с юго-восточной стороны раскоп 1945 г., добавив к вскрытым в 1945 г. 220 м² площади еще 365 м². Кроме того, для более полного исследования территории были заложены два раскопа к юго-западу от Греческой палаты. Всего было вскрыто 113 могил.

Проведенное исследование, выявив стратиграфию и характер культурного наслоения, подтвердило и расширило выводы 1945 г.

В этом районе болгарский культурный слой мощностью в 15—50 см залегает на глубине 10—25 см на материковом песке, под дерном и слоем гумуса с находками XVII—XX вв. Среди них следует отметить керамику коричневатую с полосами лощения, так называемую болгарскую, и керамику красную, типа татаро-болгарской эпохи, причем последняя преобладает. Встречены два фрагмента поливной керамики синей с черными и белыми полосами и синими пятнами; три фрагмента керамики серой со штампованным орнаментом и фрагмент голубой поливной фигурной мозаики.

Содержание слоя позволяет рассматривать его как татаро-болгарский XIV в., подтверждая этим датировку, установленную в 1945 г.

Данные стратиграфии показывают, что западный пригородный район был освоен в XIV в., и городская жизнь на данной территории была мало интенсивна.

Могильные ямы пересекают татаро-болгарский слой, начинаясь под русским слоем, в верхней части татаро-болгарского. Таким образом, культурный слой западного пригородного района наслоился и оформился до времени некрополя, который возникает позднее в толще уже отложившегося культурного слоя.

Каменных надгробий, о которых упоминает выпись 1712 г., на поверхности некрополя в настоящее время не сохранилось. Известны пять надгробий с армянскими эпитафиями. Нами при раскопках были обнаружены два надгробия (могилы 20 и 29) из песчаника размером 80 × 190 × 20 см. Поверхность плит обработана троянкой, надписей и орнамента нет. В ряде погребений (78, 86, 87, 92, 106, 110 и др.) обнаружены фрагменты надгробий, причем два из них имеют арабские буквы. Арабские буквы на армянском надгробии 1335 г. отмечает Броссе.¹ Наличие арабских букв на армянских надгробиях — интересный факт воздействия восточной культуры на население армянской колонии.

Обряд погребения единообразен — в могильных ямах в форме вытянутого четырехугольника с округлыми углами; с соотношением сторон 2 м × 80 см; прямые стенки и плоское дно; ямы ориентированы с востока на запад. Костяки расположены на глубине 90—100 см, головой на запад, лицом к востоку, руки соединены в нижней части груди.

Погребения производились в деревянных гробах. Во многих могилах прослежены следы древесного тлена в виде характерных узких (до 1—1.5 см ширины) полос вдоль краев могильных пятен. Почти во всех могилах обнаружены гвозди (до 13 шт. в могиле). Гвозди железные, четырехгранные со шляпками неправильной круглой формы, длина гвоздей от 6—7 до 10—11 см. В ряде погребений удалось проследить расположение гвоз-

ванской, Э. А. Акчуриной, А. А. Михайловой, Л. Федотовой, заслуж. деятеля науки ТАССР Н. Ф. Калинина, Н. О. Фрейман, М. А. Трегубова, А. П. Смирнова, К. Смионова.

¹ Шпилевский. Древние города и другие болгаро-татарские памятники, Казань, 1877, стр. 251.

дей, что позволяет делать выводы о форме дощатого прямоугольного гроба с крышкой из двух досок, соединенных под углом. Доски одного гроба сказались скрепленными скобами и накладками.

В могилах обнаружены остатки богатых шелковых тканей, расшитых золотыми и серебряными нитями, стилизованным растительным орнаментом и арабскими письменами (рис. 32), а также остатки тонкого шелкового покрывала. В некоторых женских и детских могилах найдены богатые украшения — золотые и серебряные височные кольца, серьги, бусы. Но большая часть могил (102 из 113) вещей не имела.

Следует отметить богатое женское погребение в могиле 94-й, где обнаружены остатки шелковой ткани, расшитой золотыми нитями, и тонкое шелковое покрывало. В глазной впадине лежало височное кольцо из толстой золотой проволоки, на пальце руки находилось пластинчатое серебряное кольцо, по краям отделанное сканью, на запястье лежало пять зеленых стеклянных бусин. Височное кольцо, один конец которого налегает на другой, полуобвивая его, заставляет вспомнить распространенные у славян кольца с завязанными концами. Близкую форму завязывания представляет кольцо из могильника XI—XII вв. близ дер. Федово Новгородской области¹ и кольца смоленских и тверских курганов XII—XIII вв.² В кольце из могилы 94-й завязка упрощена, сведена к минимуму, представляя выхождение этого типа.

Большой интерес представляет кольцо из тонкой золотой проволоки с тремя вызолоченными жемчужинами, найденное в могиле 64-й с правой стороны костяка, близ верхнего угла нижней челюсти. Две жемчужины надеты на кольцо, одна — на пересекающую кольцо золотую проволоку. Кольцо восходит к болгарским височным кольцам X—XII вв., более крупным, с тремя напускными бусинами и подвесками; некоторые из подобных колец имеют в центре утку с шариком в клюве. Кольца пышно украшены сканью и крупной зернью. Можно полагать, что кольцо с жемчужинами представляет крайнее упрощение и схематизацию кольца с уткой, восходящего в свою очередь к трехбусинным киевским височным кольцам X—XII вв.

Височные кольца из серебряной проволоки с концом, расплюснутым в тонкую пластинку и загнутым спиралью, найдены в двух погребениях — при зачистке третьего участка, видимо, занесенные грызунами из соседних погребений; там же найдены и две медные вызолоченные шаровидные пуговицы с ушками. В болгарских древностях подобные кольца встречаются не впервые, их изображение мы находим в археологическом атласе находок болгарских древностей А. Ф. Лихачева.³ Встречено подобное кольцо в кургане XI в. Гнездовского могильника.⁴

В погребении 100-м (детском) найдено пять серебряных колец, расположенных полукругом ниже черепа. Кольца из серебряной проволоки, несомкнутые, на одном конце серебряный кубик со срезанными углами, перед кубиком спиралька из более тонкой проволоки. Подобные кольца известны в древностях Кавказа.

Так, в могильнике XII—XIV вв., близ аула Озорокова в Карачае встречено бронзовое кольцо из толстой проволоки, один конец которого завершен подобным же кубиком.⁵

¹ А. А. Спицын. Старейшие русские могильники в Новгородской обл. ИАК, 1905, вып. 15, стр. 3.

² Там же. Владимирские курганы.

³ Археол. атлас А. Ф. Лихачева, Казань, 1923, табл. 9.

⁴ А. А. Спицын. Гнездовские курганы. ИАК 1905, вып. 15, стр. 56.

⁵ Материалы по археологии Кавказа, вып. 1, стр. 93—99.

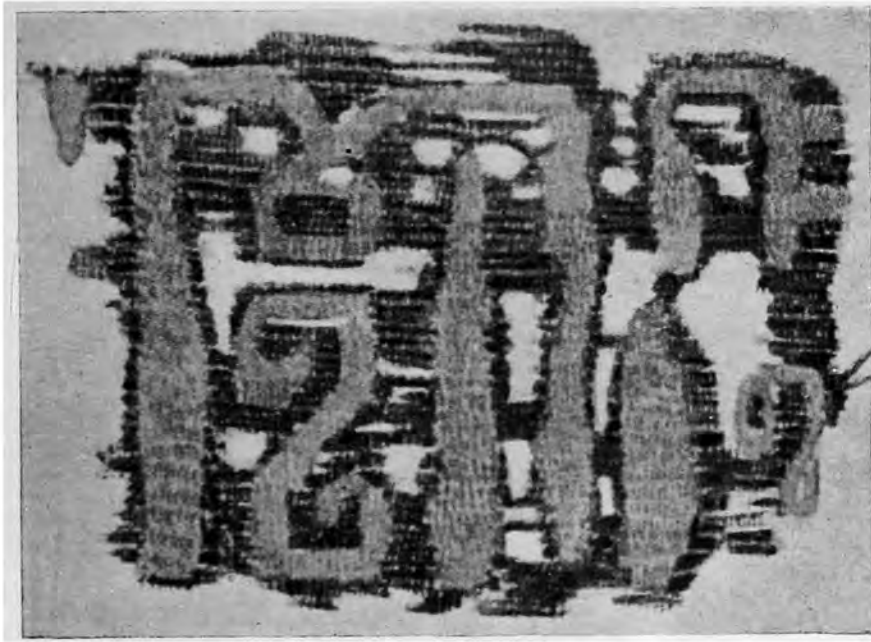

Рис. 32. Фрагмент ковровой ткани

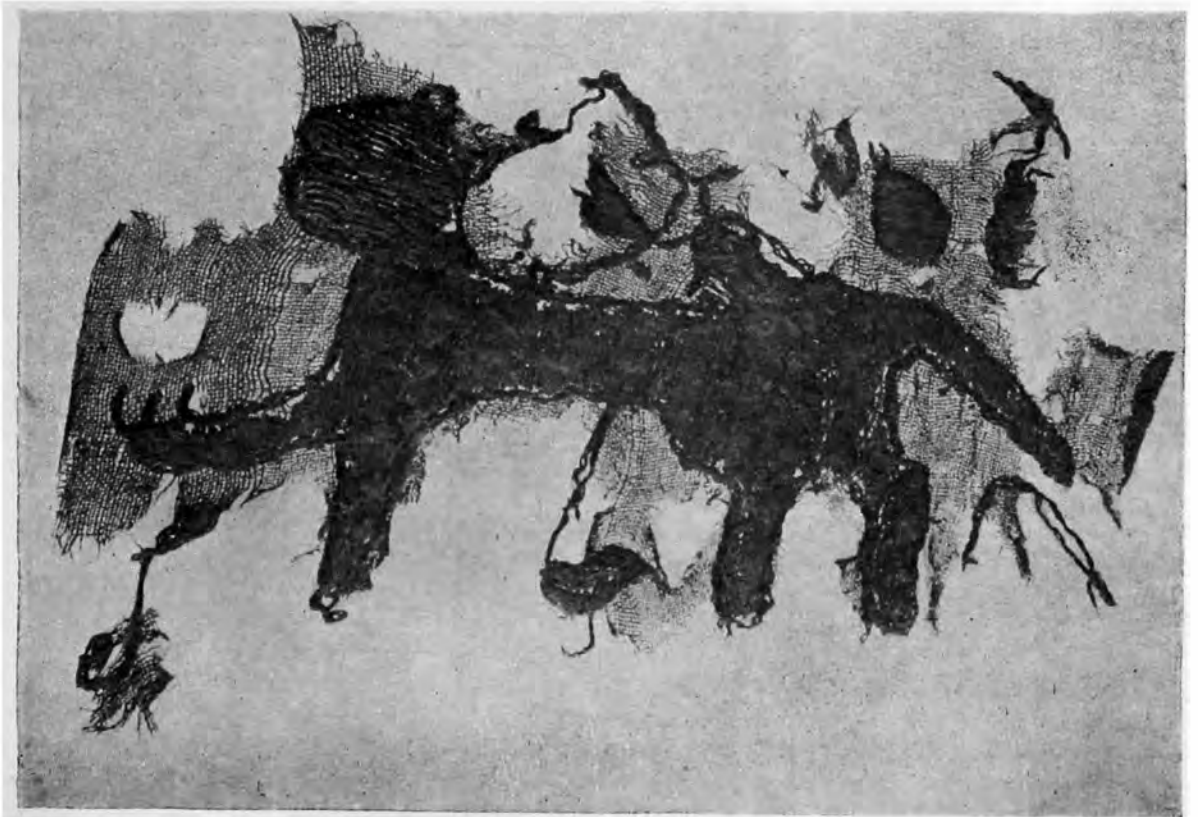

Рис. 33. Вышивка с изображением пантеры

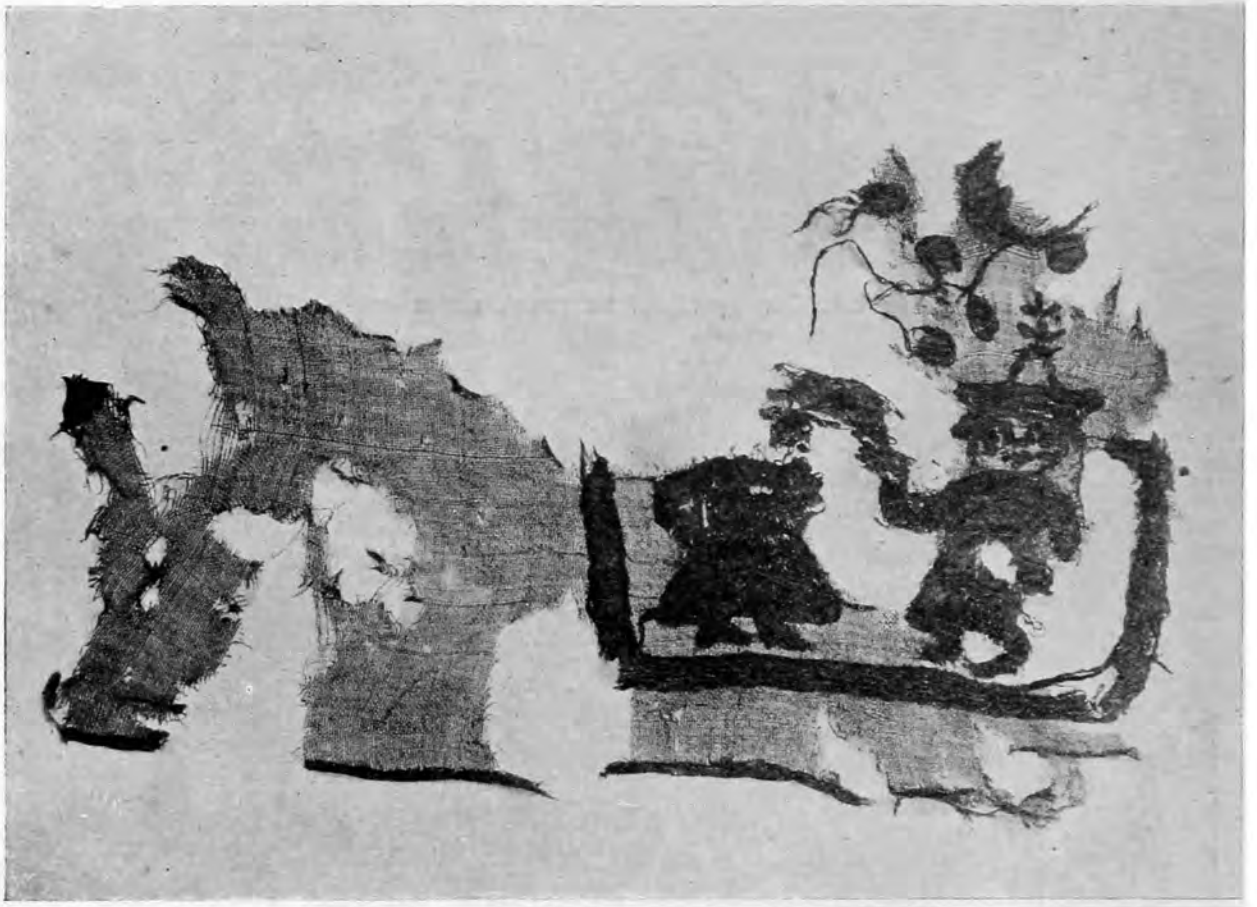

Рис. 34. Вышивка с танцующими фигурками

Янтарная шестигранная бусина найдена в могиле 75-й при зачистке поверхности.

В могиле 35-й с правой стороны черепа находилась золотая проволочная серьга со стерженьком из двух перевитых проволочек. Близкие по форме серьги известны в болгарских древностях¹ и встречены на Кубани и в станице Андрюковской в курганах XIV—XV вв.² Серьга из погребения 35-го представляет упрощенную форму и болгарской и кубанской аналогий, имеющих более пышную с петелькой и спиралькой отделку стерженька.

В числе найденных тканей нам хотелось бы отметить две вышивки: одну с изображением пантеры и вторую с двумя танцующими фигурами (рис. 33 и 34).

Пантера изображена обращенной влево с «подчетыреугольной» мордой, повернутой в $\frac{3}{4}$, с заостренными ушами и с поднятой перед ней правой лапой когтями вверх. Животное было представлено на фоне дерева, от которого сохранились ветви и овальные листья. Оно напоминает по общему виду (по форме головы, по ушам, по фону с деревьями) изображения на сасанидском серебре, а по поднятой лапе — зверя с подноса, относящегося к послесасанидскому времени. Как неоднократно отмечали И. Орбели и К. Тревер, сасанидские традиции были весьма живучи и сохранялись до позднего средневековья не только на Востоке, но даже в отдаленных районах Европы. Совершенно естественно, что в волжской Булгарии, где сильна была струя восточной культуры, сасанидские традиции были особенно сильны и могли дожить до XIV—XV вв.

Вторая вышивка представляет две фигуры, также на фоне дерева, обрамленные рамкой. Первая фигура сохранилась только в нижней части, вторая почти целиком. Она стоит лицом к зрителю и держит в правой руке платок. На голове у ней шапочка с расширяющимся плоским верхом, на котором завершение в виде стержня с перекладинами. На ней прямой кафтан, перехваченный поясом. Дополнительные стежки вышивки позволяют установить детали этого костюма, обшитого тесьмой по подолу и на рукавах. Эти детали кафтана, его покрой и шапка напоминают аналогичные одежды на иранских миниатюрах XIV—XV вв.³ и на армянской фреске, изображающей Хутлу-Бути.⁴ Эта последняя вышивка устанавливает лишний раз связь с Востоком и, может быть, с Арменией.

Данный краткий обзор украшений могильника позволяет сделать некоторые выводы:

1) Височные кольца могильника в большинстве своем являются не единственным заносным, а обычным явлением. 2) Близкое сходство форм со славянскими височными кольцами является фактом культурной связи Булгарского государства и соседних славянских княжеств; несомненны также культурные связи и с Кавказом. 3) Христианское армянское население гор. Болгара, оставившего некрополь, воспринимает местные формы украшений. Обращает на себя внимание упрощенная и схематизированная подача в XIV в. форм и типов украшений X—XII вв. 4) Каменные надгробия, богатые ткани, золотые и серебряные украшения свидетельствуют о проживании в Болгаре в XIV в. богатого армянского населения, в числе которого были женщины и дети, что позволяет делать вывод о существовании в городе в XIV в. небольшой армянской колонии.

В юго-западном углу раскопа (участок 41—42) обнаружены следы строения. На глубине 55 см, почти на поверхности татаро-булгарского слоя,

¹ Археол. атлас А. Ф. Лихачева, табл. 9.

² Раскопки Веселовского на Кубани. Отчет Археол. комиссии, 1896, стр. 55.

³ Б. Денике. Живопись Ирана, М., 1938, № 11, 13, 17.

⁴ Н. Я. Марр. Ани, М., 1934, табл. XLIX, рис. 216.

залегает прослойка древесного тлена до 1.5—2 см толщиной, очертаний вытянутого четырехугольника 2 м × 1.50 см. Ниже, по краям четырехугольника обнаружены следы 24 круглых кольев до 10 см в диаметре. С западной стороны колья расположены полукругом. Как русский слой, так и слой татаро-булгарский в этом пункте содержали большое количество некрупных камней от нерегулярной кладки.

На глубине 120 см на материковой глине прослежено скопление камней и кольев. Какой-либо кладки не обнаружено. Следует отметить, что близлежащие участки (24, 26—39) также содержали большое количество камней нерегулярной кладки. Возможно, что здесь обнаружены следы часовни, о которой упоминает выпись 1712 г.

Второй раскоп был заложен к западу от б. четырехугольника, на площади села между магазином сельпо и столярной мастерской Куйбышевского промкомбината.

Размер раскопа 10 × 10 м. Площадь его разделена была на 25 квадратов. Разработаны были культурные напластования, залегающие здесь на глубину до 2.85 м. Раскопки производились послойно; учет находок велся по штыкам. После каждого штыка производилась зачистка.

Итоги работы выражаются в следующем:

Культурный слой описываемого раскопа состоит из нижеследующих напластований: верхний слой, в среднем около 10 см глубиной, представляет растительный слой или, как в северо-восточной части — уплотненную массу современной дороги.

Второй слой — русский, состоит из большого числа древесных остатков, прослоек слежавшейся соломы и навоза. Мощность этого слоя неодинакова — 20—80 см, в отдельных местах до 1—1.5 см, а там, где устраивались погреба, культурный слой прорезает нижние булгаро-татарские наслоения. Этим и объясняется, почему в русском слое попадают болгарские вещи, выброшенные вверх при земляных работах.

В этом слое встречены остатки деревянных построек — срубы XVII—XVIII вв., кладовые и погреба.

В русском слое встречены: серебристо-черная лощеная с обеих сторон керамика, причем в верхних горизонтах этой керамики почти нет; один подсвечник; наконечник железной пики, обломок ручки сосуда в виде двух волот, изогнутых навстречу друг другу. Этот мотив заставляет вспомнить аналогичные орнаментальные сюжеты в русской архитектуре XVI в. Нужно полагать, что этот предмет и датируется этим временем. Примером могут служить памятники Троицкой лавры, где аналогичные волоты украшают поверхность алтарных абсид Введенского храма.

Вторым примером, имеющим большое значение для датировки слоя, является обломок изразца зеленого цвета, глухого тона, украшенного розеткой желтого цвета. Этот предмет относится к XVII в.

Весь этот материал позволяет утверждать, что русские появились в XVII, может быть в конце XVI в., повидимому, непосредственно после присоединения Казани. О столь раннем времени свидетельствует еще один предмет — крупный обломок монохромного изразца XVI в. с изображением медведя, найденный в 1939 г.

Третий слой прослежен только на некоторых участках. Он лежит непосредственно под русским слоем. По строению зернистый, распадающийся на мелкие комья синеватого тона, он напоминает чернозем; мощность его в среднем 18 см. В раскопках 1938 г. на Коптеловом бугре этот слой почти не содержал находок. Тщательная проверка слоя, детальная его расчистка дала в основном позднезолотоордынский материал. В нем встречены обломки изразцов поливных темносиних и голубого тона XVI в.; кирпично-крас-

ная посуда — сфероконус и много лощеной посуды. Весь этот материал характерен для XIV в., но встречается и позднее в слоях Казани, относясь там к XV в. Нахождение в нем культурных остатков показывает, что разгром города в 1430 г. не привел к его полному запустению, а в центре близ соборной мечети оставалось население, повидимому, довольно немногочисленное.

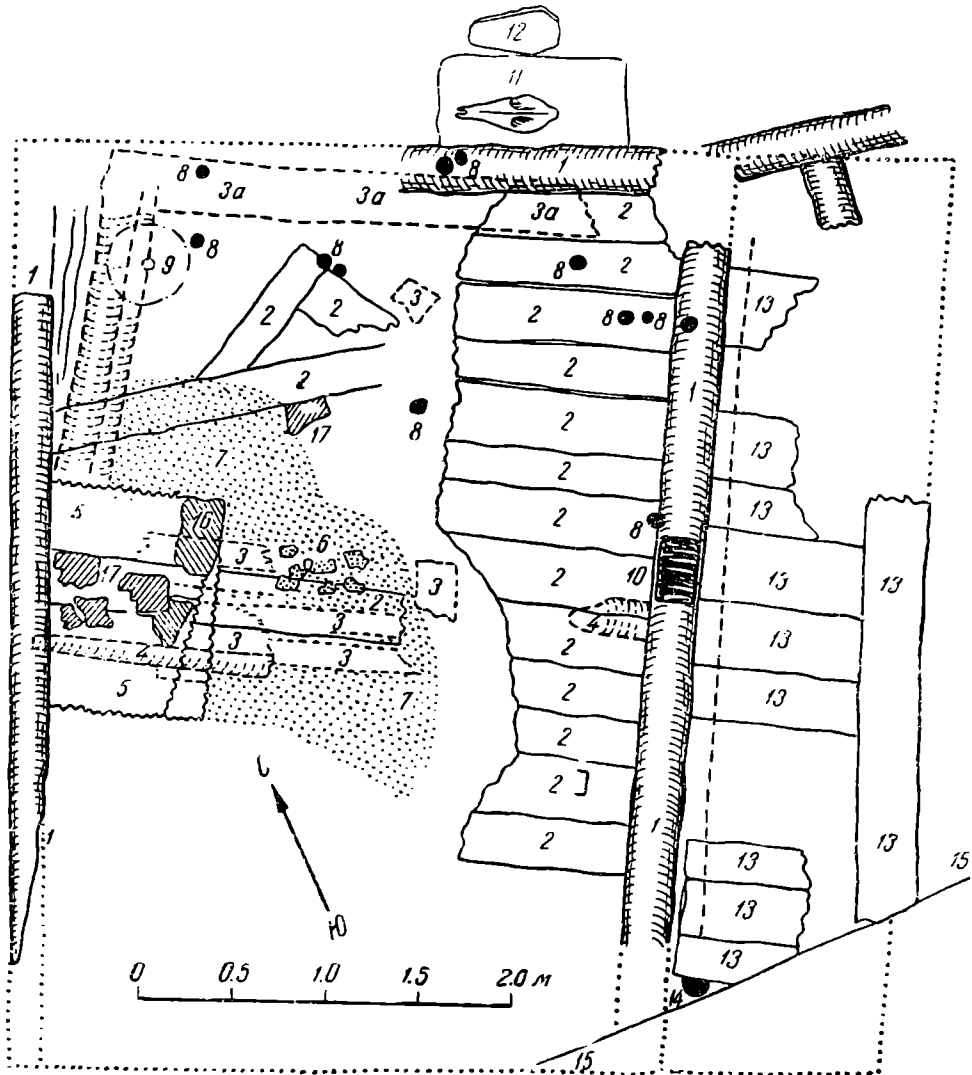

Рис. 35. План здания № 1

1 - бревна стен; 2 - доски пола; 3 и 3а - доски потолка; 4 - верхние бревна (переводный покрытие); 5 - печь; 6 - черепки крупного сосуда; 7 - овал печи; 8 - кольца под полом и под стенами; 9 - жернов; 10 - врубок бревна под брусом стены; 11 - череп коня; 12 - каменная плита; 13 - доски наружного помоста; 14 - обрубок столба под досками помоста; 15 - южная граница раскопок; 16 и 17 - кирпич печной кладки. Точечный пунктир означает границы здания

Под третьим слоем, содержащим находки XIV—XV вв., лежат булгаро-татарские слои, содержащие большое число строительных остатков — жилых домов и различных ям. Эти объекты в значительной мере нарушили спокойный характер наслоений, последствием чего явилась некоторая перемешанность вещей. Стратиграфически все мощное культурное напластование делится на ряд горизонтов, отличающихся друг от друга окраской, степенью насыщенности и составом.

Верхняя часть четвертого слоя, мощностью в среднем 0.70—0.80 м, состоит из темного гумуса с включением остатков дерева и угля. В нижней его части открыты остатки дома № 1 (рис. 35), в верхней — нижний жер-

нов от ручной мельницы. Этот слой содержит большое число красно-кирпичной керамики высокого обжига (поливной, из белой глины, с голубой поливой, с рисунком кистью зеленоватых и темных цветов), селадон, стеклянный витой голубой браслет. Вместе с жерновом были найдены бронзовые круглые бляхи, типа широко представленного в Гляденовском костыше, и стеклянный зеленый витой браслет. В развалинах дома № 1 найдены обломки посуды с голубой поливой, витой черной стеклянный браслет и обломок сосуда, покрытого темносиней поливой. В этом же слое найден обломок глиняного сосуда с двумя ушками, как бы напоминающего сарматские бронзовые котлы. Найденный материал дает основание датировать этот слой XIV в., а дом № 1 отнести к началу XIV в.

Ниже его проходит слой коричневого цвета, насыщенный остатками дерева. Мощность его в среднем 35—40 см. В этом слое, в тех местах, где он не нарушен поздними наслоениями, как, например, под домом № 1, состав вещей несколько отличен от первого слоя. Здесь прежде всего встречены прясла розового шифера, характерные для домонгольского периода, поливная керамика зеленого цвета, состав грубой керамики несколько иной. Почти исчезает красно-кирпичная керамика, но в большом количестве встречается красно-желтая, желто-бурая, серая. Встречены ручки от крышек бильярского типа. Заслуживает быть отмеченным присутствие в этом слое керамики желтой и красной с поверхностью, покрытой сложным орнаментом в виде линий и волют.

Ниже залегает узкая песчаная с примесью светлого гумуса прослойка около 20 см толщины и с находками, аналогичными предшествующим. В очень небольшом количестве здесь встречена красно-кирпичная керамика высокого обжига, столь характерная для четвертого слоя.

Характер находок заставляет объединить два последних наслоения в одно; присутствие в этом слое керамики с зеленой поливой, прясел розового шифера, характерных для домонгольского периода, заставляет эти два слоя отнести к XII—XIII вв. Горизонты XII—XIII вв. составляют пятый слой городища. Ниже залегают слои, отличающиеся от вышележащих незначительным числом находок. Вся поверхность раскопа покрывают два горизонта глины. Между ними залегает песчаный по составу, со слабой примесью гумуса, серый слой. Под второй прослойкой глины — снова песчаный слой со слабой примесью гумуса, под ним — материковая глина.

Эти четыре горизонта, около 40—50 см толщины, содержали обломки посуды простой и лощеной, желто-бурой, желто-красной, желтой, темносерой; кирпично-красная керамика здесь совершенно отсутствует.

Встречена посуда из красной глины с зеленой поливой и двойная желтая бусина лимонного тона, обычная в могильниках X—XI вв. Подобные бусы в массе встречаются в погребениях финнов Поволжья и Приуралья и почти отсутствуют в славянских курганах XII—XIII вв. Эта бусина встречена в верхней прослойке глины и датируется X—XI вв.

При раскопках были открыты остатки деревянных сооружений русского периода в виде срубов, вертикально расположенных столбов, отдельных досок, кольев и т. д. Всего вскрыто было пять срубов, датируемых не позже второй половины XVIII в.

На это указывают следующие соображения: по историческим данным, планировка села Болгары произведена была во второй половине XVIII в.; улицы и расположение кварталов села приняли тогда современные нам очертания. Все же пять сооружений слоя № 2 расположены с совсем другой ориентировкой стен, не совпадающей с теперешним планом села.

К болгарскому времени относится довольно хорошо сохранившееся, вследствие обугленности дерева, одно здание. Стены сложены из сосновых бревен до 30 см в диаметре. Сохранились два неполных венца сруба. К со-

жалению, углы не прослежены и о характере скрепления говорить нельзя. Размеры дома внутри 3.3×4.7 м, вместе с пристройкой — 5×5 м. Продольными стенами дом ориентирован с СВ на ЮЗ. Такое расположение, вероятно, объясняется общей планировкой этой части города.

У юго-восточной стены дома имеется пристройка в виде помоста из досок шириной 1.2 м и длиной около 5 м. Внутри дома сохранились пол, остатки печи, рухнувшие и обуглившиеся при пожаре балки-перегородки и части потолка.

Печь расположена у северо-западной стены, ближе к северному углу. Величина ее 90×120 см. Она сохранилась в разрушенном виде, но по отдельным частям (кускам полуобожженной глины), многие из которых имеют дугообразное очертание, можно судить, что это была сводчатая печь высотой около 1 м. Перед печью почти посередине дома было подполье, в которое провалились части разрушенной печи и доски пола. Многие доски пола и наружного помоста террасы сохранились настолько, что дают полное представление об устройстве пологого настила. Доски тесаные (сохранили следы обработки теслом), толщиной до 8 см, шириной до 35 см. Уложены они плотно в направлении с ЮВ на СЗ.

Близ восточного угла дома обнаружен лошадиный череп, положенный в виде оберега, тщательно зарытый в ямку и прикрытый каменной плитой, величиной и формой соответствующей черепу. Обычай класть лошадиную голову под углом постройки сохранился позднее среди местного татарского населения.

В виде гипотезы можно высказать мысль, что вход в дом был с ЮВ, со стороны помоста, тянувшегося вдоль всей постройки. Вероятно, тут были две двери в женскую и мужскую половины (аналогично позднейшим татарским постройкам в Среднем Поволжье). На деление дома на две половины указывают некоторые сохранившиеся детали постройки: обрубков бревна под серединой нижнего бревна юго-восточной стены и часть бревна, идущего в этом месте перпендикулярно наружной стене. Вдоль северо-восточной стены дома сохранилась большая доска, занимающая среднее по глубине место между досками пола и досками потолка. Возможно, что это остатки нар.

Следующей задачей, стоявшей перед экспедицией, явилось изучение оборонительных сооружений.

Город Болгар был окружен когда-то мощной системой обороны. До нашего времени сохранились валы и рвы, тянущиеся на протяжении около 8 км, то выпрямляясь, то образуя волнообразную линию.

Систематических раскопок для выяснения характера укреплений до сих пор не производилось. Только в 1919 г. экспедиция Самарского гос. университета, возглавляемая проф. А. С. Башкировым, произвела расчистку разрезов вала у дорог и констатировала наличие каких-то деревянных конструкций. Участок для изучения конструкций вала и рва был намечен в западной части городища в 130 м от бровки верхней террасы, где вал и ров имеют хорошую сохранность. Для выяснения стратиграфии этого района траншея была продолжена с восточной и западной стороны. При прохождении траншеи протяженностью 34 м на гребне вала, во рву и на западной стороне рва были обнаружены следы деревянных конструкций, поэтому были зачищены дополнительно поверхности и склоны рва.

Как показали раскопки, стратиграфия этой части городища такова: слой почвы покрывает горизонт серого песка (подзол) мощностью 40—50 см, под ним простирается темнокрасный суглинок сильно песчаный. С археологической точки зрения Булгарское городище имеет следующую ярко выраженную стратиграфию: 1) почва, сливающаяся с русским слоем XVIII—XX вв.; 2) булгарский культурный слой (серый песок — подзол).

Поперечный разрез вала дал резко разграниченные напластования, позволяющие охарактеризовать его строение. Под дерновым покровом шел слой почвы темносерого цвета, толщиной 8—10 см по гребню вала и до 25 см у его подножия, где обнаружено некоторое количество вещей. Здесь были найдены фрагменты керамики русской XVII—XX вв., татаро-булгарской и болгарской; под слоем почвы шел насыпной суглинок серовато-красного цвета, вследствие примеси серого песка, который местами залегал линзами. На гребне вала, на глубине около 55 см, при зачистке отчетливо выступил ряд темных гумусных пятен, содержащих мелкие кусочки перегнившего дерева. Диаметр пятен колебался в пределах 8—12 см, глубина не превышала 8—10 см. Расстояние между ними неодинаково.

Под шапкой насыпного суглинка залежала куполообразная толща серого песка, взятого из болгарского культурного слоя при рытье рва, толщина насыпного слоя в центральной части не превышала 1 м. В песке были найдены кости живственных, уголь, фрагменты характерной болгарской керамики коричневатого-красного цвета, лощеной и нелощеной. На глубине 1.5—2 м, считая от гребня вала, серый песок разграничивался горизонтальным слоем погребенной почвы. Это поверхность, на которую начали насыпать вал.

Под горизонтом погребенной почвы шла толща серого песка мощностью 40—60 см (болгарский слой), в котором было найдено большое количество мелких корней деревьев, уголь, кости животных, керамика болгарского типа.

Серый песок налегал на красный суглинок. Профиль вала вполне характеризует ход работ по сооружению укрепленной линии: вначале был засыпан холм из серого песка, взятого из участка, предназначенного для рва, затем, по мере заглубления рва, выбирался суглинок и насыпался на холм серого песка.

Траншея, проведенная через ров, показала, что здесь до сооружения рва находился овражек, который и был использован при сооружении укрепленной линии, отчего эта линия получила волнообразную форму. Наличие овражка доказывается падением пластов суглинка и перекрывающего его болгарского слоя на западном склоне рва.

На дне рва, на глубине 22 см обнаружено пять серых круглых песчаных пятен, диаметром 6—12 см, указывающих на наличие каких-то укреплений на дне рва. Со стороны поля у рва на глубине 40 см были вскрыты следы оборонных сооружений в виде темных гумусных пятен, с остатками древесной трухи, в некоторых из них сохранилось дерево, с гранями отески. Диаметр бревен колебался от 8 до 10 см.

Напольная сторона дала характерную стратиграфию (участки 14, 15, 16, 17): слой почвы 20—25 см, болгарский слой — 45—50 см, под ним материковый суглинок. Вещевой материал, выбранный из рва, смешанный: русский, татаро-булгарский, болгарский, также повидимому смытый с гребня и склона вала с верхней части городища весенними водами.

Ряд данных указывает на то, что вал и ров были сооружены в один строительный прием, т. е. холм из серого песка и суглинка был насыпан одновременно, в пользу чего можно привести следующие соображения: 1) отсутствие погребенной почвы между серым песком и суглинком; 2) слишком большая площадка между рвом и насыпью серого песка (3.5 м).

Площадка, расчищенная по гребню вала, дала достаточно четкую картину надземной части укрепления. На глубине 25 см были обнаружены темные пятна гумуса с остатками древесного тлена; обнаружены бревна настолько хорошей сохранности, что можно было определить породу — это оказался дуб. Размеры пятен сильно варьируют (от 10 до 60 см).

Трудно восстановить архитектурный облик крепостных стен. Для реконструкции необходимы дополнительные данные, которые можно получить только при зачистке ряда участков в различных пунктах вала. Нельзя представить себе оборону без фланкирующих башен, расположенных на расстоянии полета стрелы.

Как показала расчистка дополнительных участков (11—а, б, с,) дно рва было укреплено кольями. На красном фоне суглинка отчетливо выделялись 38 гумусных пятен диаметром 6—20 см. На западной стороне рва в участках 13—а, 14—а, б вскрыты остатки забитых бревен.

Реконструируя открытые остатки, можно видеть в них следующие укрепления. По валу шла деревянная стена, состоящая из вертикальных столбов, забитых на расстоянии около 3 м; между столбами были пространства, забранные стенками из горизонтальных бревен, укрепленных в пазы вертикальных стоек. Таких стен было две, расположенных на расстоянии около 1 м. Можно полагать, что пространство между ними засыпалось землей. Такая стена напоминает русские гордны.

По дну рва шли кольца; между ними был найден один человеческий череп. На внешней стороне рва шли надолбы в четыре ряда, затруднявшие подход ко рву и подвоз стенобойных машин.

Некоторая беспорядочность в расположении открытых деревянных конструкций может быть объяснена ремонтом укреплений, который нарушался при военных неурядицах и набегах, особенно частых во второй половине XIV в.

Аналогичную систему укреплений открыли и на южном участке вала, влево от дороги в с. Три-озера, недалеко от Малого Городка.

Стратиграфия вала дает основание прийти к следующим выводам. Вал был насыпан на культурном слое XIII—XIV вв. в нижней своей части из массы этого культурного слоя, т. е., иными словами, он мог быть насыпан не ранее половины XIV в., когда успели отложиться эти напластования.

Е. С. ВИДОНОВА

ТКАНИ И ШИТЬЕ XIV в. ИЗ РАСКОПОК В БОЛГАРАХ

В 1945—1946 гг. при раскопках Греческой палаты в Великих Болгарах А. П. Смирновым был обнаружен редкий раскопочный материал — фрагменты тканей с золотым и серебряным шитьем. Количественно не такой большой и весьма малых размеров, качественно материал этот оказался чрезвычайно любопытным и разнообразным. Привезенный в комках земли, хрупкий, ломкий, покрытый загрязнениями, почернелый и жесткий на ощупь, материал обрабатывался в отделе реставрации тканей ГИМ. После отпаривания, чистки, размягчения и расправления выяснилось разнообразие тканей, их обработки, украшений и вышивки.

Экспедицией 1945 г. был привезен фрагмент шелковой ткани песочного цвета, рода тафты. Размер фрагмента 20 × 11 см.¹ По ткани пряженым золоченым серебром² вышит узор из небольших веточек, идущих в определенном порядке горизонтальными рядами. Около каждой веточки группируются по три бутона. Меж рядов веточек, чередуясь с бутонами, расположены шестилепестковые цветы розетками. Мелкие горошинки разделяют, через известные промежутки, один ряд бутонов от последующего. Узор расположен плавно, свободно, ни одна форма его не прикреплена одна к другой. Техника шитья по настилу,³ в прикреплении и в лом.⁴

Ткань главным образом сохранилась под шитьем, на незашитых частях фона заметны утраты ее.⁵

В могилах № 25 и 43 найден тот же материал в виде отдельных мелких форм шитого орнамента, как и вышеописанный. Основы шелковой ткани не сохранилось. Орнамент распался, местами металлический материал сохранился в виде спутанных нитей пряженого золоченого серебра.

В могиле № 17 найдена бумажная ткань черного цвета. Фрагмент весьма малого размера, полотняного переплетения из толстых крученых нитей. Материал, найденный в 1946 г., богат, интересен и разнообразен.

¹ Размер дается приблизительно, в виду крайней неровности очертаний фрагмента.

² Пряженым золоченым серебром называется шелковая нить, обвитая вплотную узенькой полоской золоченого серебра.

³ Шитье по настилу заключается в том, что по узору, намеченному по ткани для шитья, настилаются нитки бумажные или льняные и по ним уже накладываются металлические нити. Серебряная или золоченая нить при шитье не продергивается через ткань, а кладется по поверхности ткани по настланным нитям и укрепляется шелковой нитью мелкими стежками (прикреп).

⁴ Шитьем в лом называется такой прием, когда металлическая нить, покрывая сверху мелкие части орнамента (например, стебли), прикрепляясь с одного края, перекидывается на другой край и там, прикрепляясь, как бы ломается при дальнейшем повторении этого приема.

⁵ В целях дальнейшей консервации фрагмент с шитьем был наложен на дублирующуюся ткань, покрашенную в коричневатый тон, и укреплен шелком в цвет.

В могиле № 82 были обнаружены свернутые в мелкую гармошку три фрагмента шелковой плотной ткани.¹ Чрезвычайно ветхие фрагменты, с трудом поддавшиеся обработке, оказались шелковой ковровой тканью так называемого гобеленового переплетения, с типичными для этого способа тканья промежутками.² Окраска ткани в двух тонах: красноватый тон фона и коричневатый тон узора, который когда-то был золотым, что могут подтвердить кое-где сохранившиеся блески — обрывки пряженого золоченого серебра. Узором ткани служит орнаментальная арабская надпись, улавливаемая с большим трудом ввиду ее ветхости. Ткань напоминает коптские ткани и выткана в данном случае как полоса — прошивка — для украшения одежды или савана.³

В могиле № 94 найдены фрагменты шелковой ткани рода гафты песочного цвета, покрытые металлическим шитьем. Орнамент сохранившегося шитья состоит из завитков, петли в виде овала стилизованных листьев и цветов. Кроме того, найдены отдельно части распавшегося орнамента в виде розеток, состоящих из трех веточек, положенных в известном порядке по форме круга с горошинкой посередине. Некоторые из этих розеток сохранились с тканью, по которой были вышиты, а в тех случаях, где ткань исчезла, составные части распались и сохраняются отдельно. Часть этого шитья найдена у колена левой ноги, часть на правой ноге.

Шитье выполнено по настилу пряженым золоченым серебром в прикреп и в лом. Контур шитья обшит коричневатым шелком в виток.⁴ Видимо, это шитье украшало одежду. Помимо этих украшений, сохранились как бы вырезанные различной формы фрагменты темнокоричневой шелковой ткани. Ткань более сложного переплетения, в которой нитки утка, обвивая основу, идут неравномерно, то близко соприкасаясь друг с другом, то соблюдая известное расстояние. Ткань на свет получается полосами (дорогами). Коричневая ткань была, видимо, подкладкой одежды и сохранилась в мелких обрывках под шитьем; на ней и остались частично силуэты шитого орнамента в виде кругов и завитков.⁵

Из могилы № 97 мелкие фрагменты шелковой полупрозрачной ткани песочного цвета, украшенные мегаллическим шитьем, дали особо любопытный материал в смысле изображений, орнаментики и техники шитья. На одном из более крупных сравнительно фрагментов (11 × 8 см) в рамке, шитой пряженым золоченым серебром и сохранившейся частично, помещены изображения двух человеческих фигурок, связанных меж собой движеньем протянутых друг к другу рук. Фигурки даны в фас, ноги — в профиль. Человечки стоят подбоченившись. Правая фигурка сохранилась лучше. На

¹ Размеры фрагментов 11 × 6 см; 5 × 6 см; 8 × 6 см.

² Ковровые ткани так называемого гобеленового переплетения ткуются на вертикальном станке. По натянутой вертикально основе узор образует нить утка, которую пропускают меж нитей основы, по счету, вручную.

³ «Ткани, находимые в коптских могилах, представляют собой типы коврового тканья (гобелен), которым славилась Египет, Греция и некоторые местности Передней и Малой Азии. Ткани или нашивались на туники и саваны, или были вотканы в холст, в куске которого ткач местами оставлял основу свободной для того, чтобы можно было заполнить ее ковровым тканьем». «Шелковые изделия, находимые изредка в этих некрополях, как украшения пришиты к холщевым туникам в виде шелковых гобеленов или прошивок». «Из шелка, как материала весьма ценного, не делали цельных одеяний. Величайшей редкостью является шелковое тканье с примесью золотой или серебряной нити». В. Г. Бок. О коптском искусстве. Труды VIII АС, т. III.

⁴ Витком называется такой шов, в котором один стежок заходит за другой, образуя веревочку.

⁵ Эти силуэты после соответствующей обработки ткани и шитья позволили закрепить на дублирующую ткань распавшиеся круги в близком соприкосновении друг с другом и рядами. Сохранившиеся ткани близки по эпохе к тканям с композицией кругов. Заставки рукописей XIV в. подтверждают возможность такого распределения узора.

ней головной убор с широким бортом, расширяющимся кверху, шитым золотой нитью в рядки; тулья и орнаментальное завершение убора даны коричневым шелком витком (рис. 34).

Черты лица выполнены нитью коричневого шелка. Короткий широкий нос, рот, брови, глаза — большими кружочками и меньшими кружочками ниже показан румянец. Волосы из-под головного убора расходятся короткими прямыми прядями направо и налево вышиты коричневым шелком.

Одежда верхняя до колен, расширяющегося к низу покроя, без воротника, с глубоким запахом на боку и подпоясанная по талии. Шита одежда шелком песочного цвета сплошным швом.¹ Контуры одежды и пояс по талии даны золоченой нитью в прикреп в два ряда. Из-под верхней одежды видна нижняя, скошенная по бокам. Шита шелком полосами — дорогами. Более широкие полосы шиты шелком, узкие даны золоченой нитью. Посредине на нижней одежде золоченой нитью в рядки шита полоса, как бы фартучек, украшающий одежду. Ноги шиты шелком сплошным швом. Справа, сбоку внизу и в середине фигурки наблюдаются сквозные утраты ткани и шитья.

Вторая фигурка сохранилась хуже. Голова ее и плечи утрачены. Лучше сохранилось туловище, одежда другого характера, чем на первой фигурке. Верхняя одежда также до колен, шита золоченой нитью в рядки. Покрой ее прямой, немного скошенный с боков, глухой. Нижняя одежда, сильно скошенная с боков; шита широкими полосками шелком и узкими — золоченой нитью. Шелк частично сохранил свой красноватый оттенок. Ткань кругом изображений сохранилась плохо, есть много сквозных утрат. Снизу по ткани сделан узенький рубчик, подшитый шелковой нитью редкими стежками. Над правой фигуркой вверху сохранился обрывок орнаментальной веточки с золочеными листочками и шитыми шелком плодами. Шитье на описанных изображениях двустороннее, т. е. лицо и изнанка, шитые одновременно, имеют одинаковый вид.² Рамка, как и фигурки, окантована коричневым шелком, витком.

На такой же шелковой полупрозрачной ткани другого фрагмента сохранилось изображение зверя (пантеры) с круглой, немного приплюснутой головой, с тонким гибким туловищем. Передняя правая лапа с выпущенными когтями поднята, когти направлены кверху; левая лапа опущена. Более тяжелые задние лапы расставлены, хвост гладкий, короткий, опущен книзу. Шитье выполнено двусторонней техникой. Голова шита в рядки металлической нитью сплошь в горизонтальном направлении. Уши даны контуром коричневым шелком. Туловище шито полосами: более широкие полосы — красноватым шелком, узенькие полосы — золоченой нитью (рис. 33).

С изображением зверя сплетается орнаментальный мотив ветки с листьями и плодами; ветка, идущая вверх от спины, более густая, идущая вниз — более легкая. Шитье зверя сохранилось, но ткань и орнамент находятся в ветхом состоянии. Несмотря на ветхость, на фрагменте сохранился рубчик с одной стороны и кромка — с другой, позволяющие судить о ширине полосы шелковой ткани (8 см).

Следующий фрагмент такой полупрозрачной ткани сохранил частично шитое изображение зверя, аналогичное вышеописанному. У фрагмента сохранилась кромка, близ которой и помещено изображение зверя, но в обратном положении, чем предыдущее. Около кромки сохранился хвост и

¹ Сплошным называется шов, в котором стежки, идя или по горизонтали, или вертикали, плотно ложатся друг около друга, сплошь заполняя поверхность.

² Двустороннее шитье шьется напроём, т. е. металлическая нить проходит сквозь ткань и на изнанке делает такие же стежки и узоры, как и на лице. Двустороннее шитье требует большого мастерства.

часть туловища с одной задней лапой. Передней части, головы и лап не сохранилось. Орнамент, охватывающий верх и низ туловища, разрушен, висят лишь обрывки нитей. Прием техники и материал для шитья такие же, как и предыдущего изображения, только в последнем случае лучше сохранился красноватый цвет шелка. В остальном к этим фрагментам можно отнести небольшие обрывки полупрозрачной ткани и орнаментальной ветки с листьями из золоченой нитки и шитыми шелком завитками, цветами и плодами.

В могиле № 102 из найденных гофренных слежавшихся пасм металлических нитей после обработки их и расправления получились полосы, тканые пряженым золоченым серебром (шириной 3 см) по шелковой прозрачной ткани песочного цвета. У металлических полос сохранились кромки, позволяющие установить их длину (92 см) и порядок распределения полос. Видимо, из шелковой прозрачной ткани было головное покрывало, украшенное ткаными золоченой нитью полосами по длине его в 92 см.¹ Судя по кромкам, полосы распределялись в таком порядке: у края шла тканая полоса в 3 см шириной, после следовал промежуток в 12 мм, за ним — металлическая тканая полоска в 4 мм, затем вновь промежуток в 12 мм и полоса в 3 см. Прозрачная ткань сохранилась около металлических полос в микроскопических обрывках. Металлические полосы сохранились частично. Местами металл облетел и осталась основная шелковая нитка от пряженого золоченого серебра.

В этой же могиле найдена ткань достаточно ветхая, распавшаяся на два отдельных обрывка, шитая металлическими нитями довольно плотно. После надлежащей обработки, расправления и восстановления одного целого из двух обрывков выяснилась общая композиция полосы — ленты размером 17 × 7 см. Состоит она из зигзагов, расположенных рядами один над другим. По шелковой ткани, достаточно плотной, рода тафты, зеленовато-коричневого цвета один зигзаг выложен золоченой нитью в прикреп сплошными плотными рядами. По золотому фону нитью коричневого шелка шиты арабские буквы, трудно читаемые. За этим зигзагом сплошного золота следует промежуток — шелковая ткань, плохо сохранившаяся, с остатками шитой золоченым серебром надписи. В дальнейшем порядок композиции повторяется: следует зигзаг, устланный золочеными нитями, и промежуток из ткани с шитой металлом надписью. Последующие зигзаги сохранились хуже. Эта полоса найдена на голове и, видимо, украшала описанное выше головное покрывало, затканное металлическими полосами. Обработанные с боков края полосы в виде узкой, шитой металлом в лом полоски позволяют предполагать, что в ширину полоса — лента была ограничена, в длину же она могла быть продолжена как украшение покрывала на голове.

Все описанные фрагменты тканей и шитья представляют большую ценность и как редкие археологические находки древнего текстиля и как материальные документы XIV в., проливающие свет на состояние художественной промышленности и ремесел того времени и указывающие на обширные культурные и торговые связи с Востоком.

Ткань с мелким узорным шитьем, привезенная в 1945 г., близка по характеру своих украшений к орнаментике сасанидского металла. Одежды персонажей в сценах охоты, запечатленные на металлических блюдах и других предметах, испещрены таким же мелким, свободно и плавно данным орнаментом из веток, цветов и розеток.²

¹ Фрагменты металлических полос были найдены на голове и под подбородком.

² Сасанидский металл, стр. 16; Восточное серебро (аглас), табл. XXXII, № 60.

Что касается шелковой ковровой ткани с золотой арабской надписью так называемого гобеленового переплетения, то возможно отнести ее к изделиям Египта, ткачи которого, поддерживая древние традиции, славились своим искусством, достигшим наибольшего расцвета под владычеством арабов, которые со II в. начинают употреблять в ткань шелковые и золотые нити. Кроме принятых издавна узоров, египетские ткачи начинают украшать свои ткани арабскими надписями, в которых восхваляют пророка и своих властителей — султанов.¹

Изделия египетского ремесла, особенно ткани, имели широкое распространение на всем Переднем Востоке и даже в Европе.²

Египетское влияние сказалось и на шитых человеческих фигурках на полосе полупрозрачной ткани (могила № 97). Приземистые, большеголовые, большеглазые, данные в фас и соединенные друг с другом движением танца, они напоминают позднекоптские изображения на тканях. Но одеты фигурки в одежды иного характера — широкие и длинные, скошенные по бокам, напоминающие, как и головной убор, одежды и уборы персонажей на персидских миниатюрах. Подобный головной убор, данный орнаментально, встречается в узоре на восточной атласной ткани XIV в. из собрания тканей Королевского музея в Берлине.³

Возможно, что это шитье является произведением местных мастеров, переработавших чужеземный материал по своему вкусу. В этом случае интересно подражание не только характеру изображений, но и техническим приемам. Коптские ткани так называемого гобеленового переплетения ткались так, что лицо и изнанка выходили одинаковыми. В рассматриваемой нами вышивке употреблен прием двусторонней техники шитья, дающей тот же эффект одинаковости лица и изнанки.

Красный тон с золотом заимствован для вышивки из окраски коптских тканей, характерных для определенной эпохи. На одной и той же полосе шитья на шелковой полупрозрачной ткани соединяются два стилистических приема. На изображениях зверей чувствуется влияние иранского искусства. Характер изображений их — гибкое, тонкое туловище, повернутая в фас голова, поднятая передняя лапа с выпущенными когтями и трактовка в шитье туловища зверя полосами — дорогами — близко напоминает искусство сасанидов.⁴

Легкий и грациозный орнамент, уцелевший в обрывках и связанный с изображениями зверей, характерен для иранского искусства. Иранское влияние можно проследить на вышивке с узором зигзагов и надписями, которая украшала головное покрывало (могила № 102). Вышивка подражает своим узором ткани.

Персидские ткани с письменами относятся к самым первым годам ислама. Сначала ими пользовались как средством пропаганды новой религии. Кроме знамен, они употреблялись на покровы для гробниц, позднее — на одежды и кушаки.⁵ Фрагменты шитья золотом (из могилы № 94), украшавшие одежду, в своем узоре (при сочетании гибких растительных форм и линейных) напоминают по характеру узор мраморной резной сени над

¹ Ф. Карно. Ковры и вышивки Востока III—XII вв. L'illustration, 1939: Лессинг. Собрание тканей Королевского музея в Берлине. лист 148. Ткань восточная XIV в. с арабскими письменами, орнаментальный характер которых напоминает нашу ткань.

² Путеводитель по Эрмитажу.

³ Лессинг. лист 110.

⁴ Фонды ГИМ, Сасанидская ткань. Сасанидский металл. Табл. CLXXII, № 308 (зверь с лапой и выпущенными когтями).

⁵ Н. Н. Соболев. Очерки по истории украшения тканей.

кафедрой в церкви св. Софии в Охриде XIV в.¹ Интересны черты сходства в искусстве разобренных территориально народов.

Из всего разобранного материала, состоящего из фрагментов, лишь покрывало с вышивкой позволяет судить о головном уборе в форме платка, свободно спускающегося на спину.

Остальные куски тканей с шитьем, несмотря на незначительность размеров, дают все же возможность предположить богатство и разнообразие одежды погребенных.

Скудость сведений и отсутствие вещевых документов XIV в. в области текстиля делают находки в Болгарах особо значительными и ценными.

---

¹ Filoff, Die altbu'garische Kunst, табл. III.

А. Л. МОНГАЙТ

РАСКОПКИ В СТАРОЙ РЯЗАНИ¹

В 1946 г. возобновились, прервавшиеся на 20 лет после больших работ Городцова в 1926 г., раскопки Старой Рязани.² Многолетние археологические исследования Старой Рязани дали большой и интересный материал, который в сочетании с письменными источниками заставляет видеть в Рязани не только значительный политический, но и важный художественный и ремесленный центр древней Руси. Однако эти раскопки охватили лишь незначительную часть очень большого по занимаемой площади (48 га) памятника. Кроме того, они велись узкими траншеями и при этом почти не учитывалась (или во всяком случае не фиксировалась в отчетах) стратиграфия городища. Поэтому, определяя задачи наших раскопок, мы считали необходимым не только продолжение и расширение раскопок вообще, но и проверку некоторых заключений, сделанных на основании предшествующих исследований.

Городище Старая Рязань делится на две части — большая на юге (мы будем впредь называть ее южное городище) и отделенный внутренним валом небольшой участок на севере (северное городище). Раскопки 1946 г. на южном городище носили разведывательный характер и дали следующие результаты:

Раскоп № 1. Вскрыто 9 погребений христианского кладбища. Вещей нет. На правой ключице и у шейных позвонков (погребение № 3) найдены фрагменты ткани зеленоватого цвета с золотым шитьем и шитьем цветными нитками (рис. 36-1-4). Орнамент растительный. По краю расположены три медные пуговицы — вероятно, сохранившийся фрагмент застежки ворота.³ На скелетах из погребений 5 и 6 также найдена ткань в области шейных позвонков. Она представляет собой узкую (шириной 2 см) полоску, которой, очевидно, по краю была обшита одежда. Ткань расшита золотыми нитками. Изображены две птицы, полуобернутые к стоящему между ними дереву (рис. 36-3). В северной части раскопа обнаружено скопление строительного мусора — плитчатые кирпичи, известь с цемянкой. Густой слой строительного мусора позволяет предположить близость древнего рухнувшего здания. Возможно, что при продолжении раскопок здесь будут найде-

¹ Экспедиция 1945—1946 гг. была организована ИИМК АН СССР совместно с Рязанским областным краеведческим музеем.

² В 1945 г. мною были проведены небольшие раскопки, носившие разведывательный характер; они коснулись главным образом валов городища. См. А. Л. Монгайт. «Древнерусские деревянные укрепления». КС ИИМК, 1947, вып. XVII.

³ О найденных тканях см. дальше статью Л. И. Якуниной. «Фрагменты тканей из Старой Рязани».

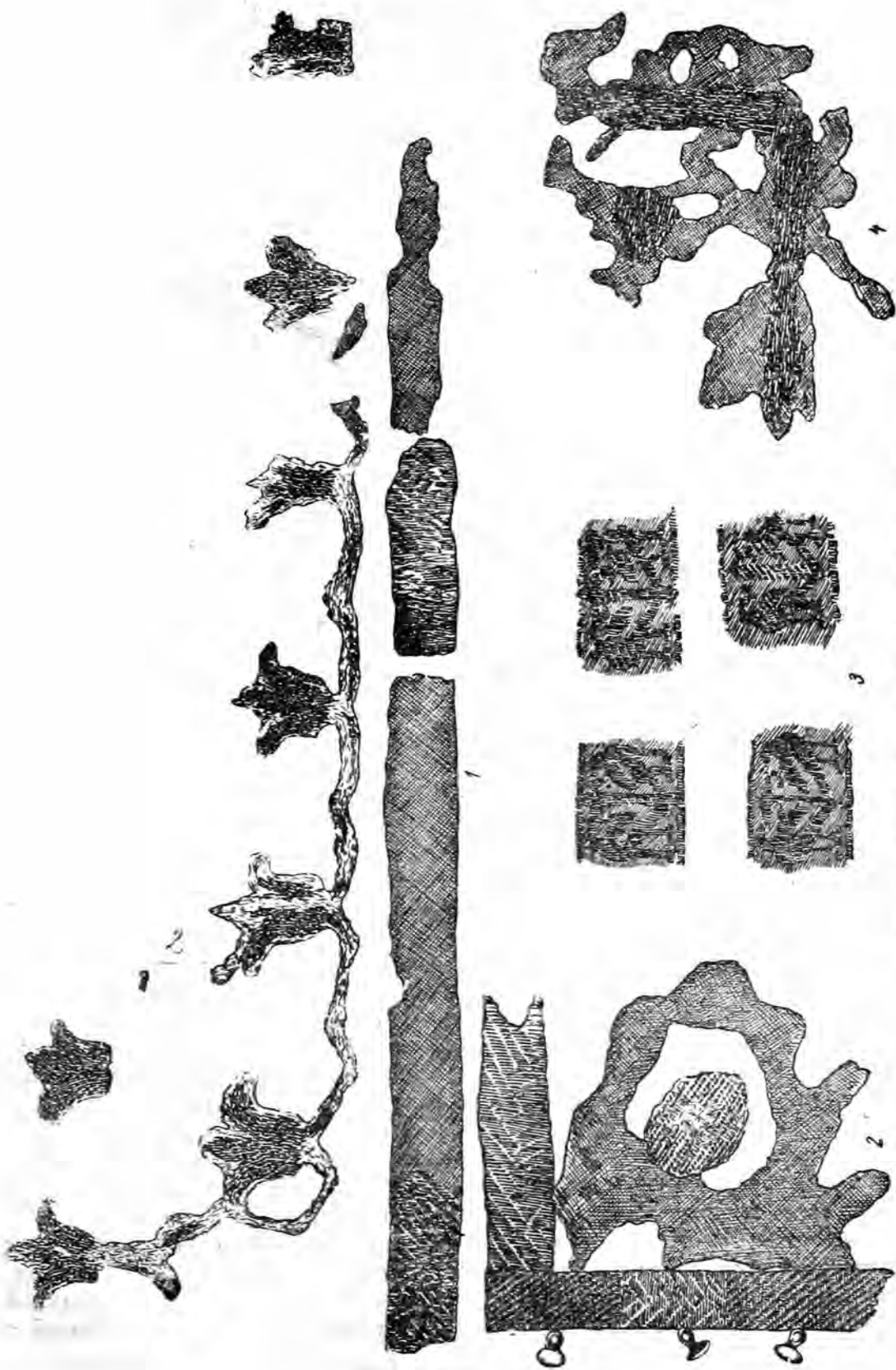

Рис. 36. Старая Рязань. Ткани из погребений

ны остатки третьей церкви, упоминаемой в летописях о Старой Рязани.¹

Раскопы № 3 и 4 на южном городище дали очень тонкий (40 см) культурный слой с находками керамики и украшений, относящихся ко времени XI—XVII вв. Шурф у Новых Пронских ворот культурного слоя не дал.

Суммируя результаты этих разведывательных раскопок с результатами разведки 1945 г. и раскопок предшествующих лет, удается установить, что восточная часть южного городища была в древности мало заселена. Густо населен был прибрежный район. Здесь толще культурный слой. Жилые комплексы расположены в два слоя: поздний — с кирпичными печами, более ранний — с глинобитными.

Большие раскопки были проведены на северном городище. Здесь от разведок мы перешли к систематической раскопке большими площадями. Наш раскоп № 2 общей площадью 400 м² был заложен в 4 м к югу от траншеи № 7 раскопок В. Городцова 1926 г. Первый пласт (20 см), вследствие распушки его в прошлом, характеризуется находками смешанного характера: наряду с фрагментами древней керамики, ножичками, крестиками, шиферными пряслицами и стеклянными браслетами попадаются поздние горшки с желто-зеленой поливой, фрагменты керамики с черным лощением, полихромные изразцы и т. п. Однако уже следующий пласт дает находки чистого древнего слоя, датируемого XI—XIII вв. Этот пласт особенно насыщен находками. Керамика в нем встречается в количестве около 60 фрагментов на квадрат (2 × 2 м). Иногда число фрагментов возрастает до 300, иногда снижается до 20—30. В дальнейшем, по мере углубления, количество находок постепенно уменьшается, и на глубине 65—80 см от современной поверхности почти всюду, кроме участков, на которых были ямы, начинается слой желтой материковой глины.

В северной части раскопа встречено кладбище. Вскрыто 23 погребения — мужчин, женщин и детей. В могилах нет находок, кроме трех медных пуговиц и фрагмента шелковой ткани в одном из погребений. На глубине 40—60 см от современной поверхности обнаружили жилые комплексы в виде развала глинобитной печи и подпольных и хозяйственных ям.

В 1926 г. В. А. Городцовым было обнаружено 48 жилищ (по пятнам красной обожженной глины от печей), из них изучено 19.² В. А. Городцов пришел к заключению, что все жилища в Старой Рязани были наземными бревенчатыми избами размером 7 × 7 м, с двускатной тесовой крышей и с глинобитной печью посреди избы. Наши выводы иные. В Старой Рязани существовало два типа жилищ: полуземлянки и наземные дома. Вследствие плохой сохранности дерева в древнем слое не удастся проследить в деталях наземные дома. Мы не встретили в раскопанных наземных домах ни одного венца сруба, поэтому точно определить размеры избы и тем более ее покрытие археологическим путем не удастся. Реконструкция В. А. Городцова основывается на этнографических материалах, раскопки 1926 г. также не дали археологических подтверждений конструкции кровли и данных для точного определения размеров избы.

В раскопках 1946 г. жилище № 1 обнаружилось на глубине 45 см от современной поверхности в виде больших пятен обожженной глины (остатков глинобитной печи), остатков сильно сгнившего бревна и подпольной ямы овальной формы. Яма глубиной 65 см заполнена черной землей с

¹ Под 1194 г. упоминается церковь Бориса и Глеба (ПСРЛ, т. I, стр. 173; т. X, стр. 22); под 1237 г. — Успенский собор (Русский Временник, ч. 1, стр. 113, 115); под 1258 г. — церковь Спаса (ПСРЛ, т. I, стр. 203; т. X, стр. 141). Две из трех названных церквей найдены в раскопках Тихомирова (1836 г.) и Селиванова (1888 г.).

² А. А. Мансуров. Древнерусские жилища. Историч. записки, 1941, т. XII.

вкраплениями пятен желтой глины; в ней найдено 272 фрагмента керамики и 116 костей животных. Заполнение ямы в значительной части произошло в период существования жилища. Если признать открытое сгнившее бревно принадлежащим к срубу жилища, то печь, несомненно, находилась в западной части жилища. По находкам на территории, занятой жилищем, шиферных пряслиц, бронзовой лировидной пряжки и по керамике курганного типа из заполнения подпольной ямы жилища можно датировать XI—XIII вв.

В юго-западной части раскопа находилось жилище № 2. Пятно печи составляло 1—1.2 м. Встреченные бревна плохой сохранности позволяют, однако, определить характер рубки. На одном из них видна зарубка «в обло» («в чашу») и паз в верхней части, сделанный для более плотного примыкания бревен. Подпольная яма овальной в плане формы имела в длину 4.75 м, в ширину — 1.40—1.30 м. Глубина ямы в восточной части (ближе к печи) достигает 2.20 м (3.08 м от современной поверхности земли), в западной части постепенно глубина уменьшается до 0.35 м. Яма заполнена серой рыхлой землей с многочисленными фрагментами керамики, костями животных и отдельными находками. В результате развала печи в яму свалились многочисленные печины, среди них обмазка шестка и несколько конусов из сильно обожженной глины диаметром 3—5 см, длиной до 8—10 см. Под печи лежал на досчатом настиле.

В яме найдено 6365 фрагментов керамики и 511 костей животных. Почти на дне ямы, среди золы найден большой горшок с рыбеёй чешуёй. Керамика различных профилей — от широкогорлых сосудов с прямым горлом до небольших горшков курганного типа. Орнамент линейный и волнистый, $\frac{1}{3}$ сосудов орнаментирована с помощью зубчатого штампа.

По вещевым находкам жилище можно датировать XII в. На запад от жилища № 2 расположена овальная в плане яма, вероятно, относящаяся к хозяйственным постройкам жилища. На юг от этой ямы найден небольшой (диаметром 40 см) очаг из плоских известковых камней со следами огня. Вероятно, летний очаг, принадлежавший к одному из близлежащих жилищ.

В северо-восточной части раскопа находилось жилище № 3. Оно обнаружилось в виде скопления печин и трех ям, связанных с печью. Одна из них большая, овальной формы, очевидно, подпольная. Две другие, круглые в плане, вероятно, служили для хранения зерна. Одна из зерновых ям, диаметром 1.10 м, в разрезе яйцевидной формы, глубиной 1.25 м, дно и стены обмазаны слоем глины толщиной 3 см и обожжены. На дне найдено обуглившееся просо. Вторая яма, диаметром 1.20 м, глубиной 0.75 м, имеет форму котла. По дну ямы шла тонкая прослойка угля — очевидно, остаток истлевших досок.

В северо-западной части раскопа обнаружена яма, в наполнении которой имеются большие куски печин, зола и уголь, 1300 фрагментов керамики и 530 костей животных. Повидимому, в ямы попали части глинобитной печи, остатки которой вне ямы проследить не удалось. Судя по большому количеству криц (свыше 100 штук) и железного шлака, найденных на ближайших к вышеописанной яме квадратах, можно предположить, что яма была подпольной в жилище ремесленника, расположенном вблизи мастерской. Из готовых железных изделий в яме встречены лишь 11 небольших ножей, которые, впрочем, могли составлять инвентарь жилого дома, а не ремесленную продукцию его владельца.

В юго-восточной части раскопа большое пятно обожженной глины указывает на остатки печи какого-то более позднего наземного жилища, перебивавшего жилище № 4 (описанное ниже). Разрез остатков печи показал,

что верхний пласт обожженной глины равен 20 см, дальше шла 40-см прослойка золы с углем, в которой находились кости животных и черепки глиняной посуды. Эту прослойку подстилал тонкий (5 см) слой глины (обмазка пода печи), под ним были положены доски. Печь была основана на плотной земле с вкраплениями глины. Вероятно, земля была специально сбита и уплотнена для сооружения на ней печи. Деревянные части жилища № 6, к которому принадлежит эта печь, не были найдены.

Вышеописанные жилища были наземными бревенчатыми избами с 1—2 подпольными ямами и с глинобитной печью, основанной на земле или на специальном помосте, опирающемся на столбы. Зерновые ямы могли быть расположены как внутри, так и вне жилища. Печь реконструируется

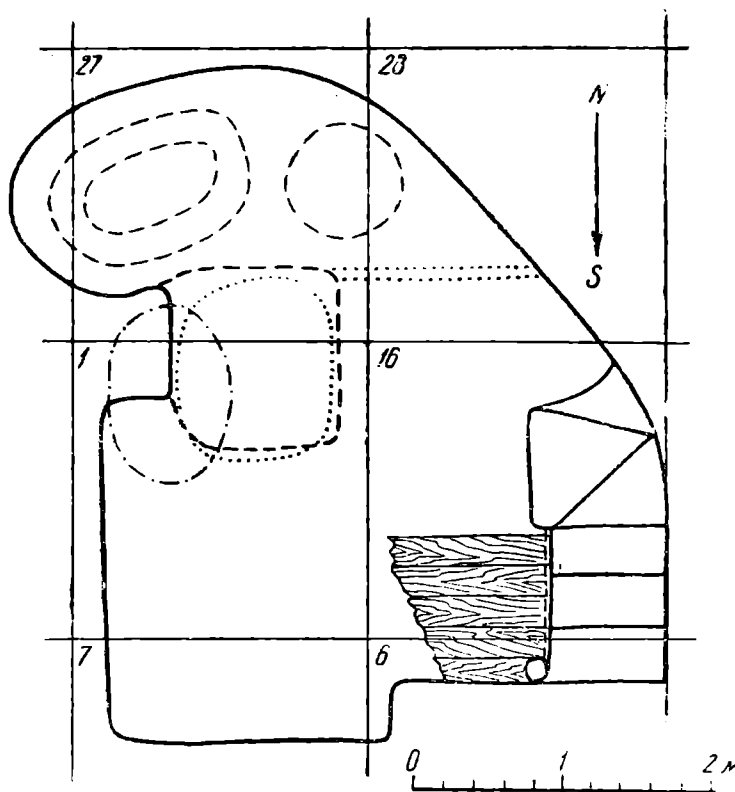

Рис. 37. План полуземлянки

по этнографическим материалам (такие печи сохранялись в районе Старой Рязани еще в конце XIX в.) и по материалам раскопок в виде прямоугольной небольшой печи (около 1.2 м длиной) без трубы и без лежанки.

Второй тип жилища представлял полуземлянку (рис. 37). В наших раскопках он встретился только один раз (в южной части раскопа — жилище № 4). План жилища ясно обозначился в слое погребенного чернозема на глубине 0.92 м от современной поверхности. Жилище представляет полуземлянку прямоугольной формы, размером 3.9×3 м, с двумя хозяйственными ямами в северной части и с вырубленными ступенями входа с восточной стороны. В северо-западной части полуземлянки в углу находилась печь.

При выкапывании ямы для жилища и печи была оставлена площадка на высоте 73 см от пола полуземлянки, размером 1.0×1.0 м, на которой и была поставлена глинобитная печь. Под печи прослеживается в виде

остатков дощатого настила, многократно смазанного глиной и сильно обожженного; свод печи свалился в яму и прослеживается в виде многочисленных печин. Вероятно, вдоль южной и западной стен полуземлянки шли нары, покрытые досками. Пол жилища также был устлан досками (горбылями, полукруглой частью обернутыми вниз, плоской — вверх). Эти доски были смазаны несколько раз глиной, общий слой которой составил 7 см и сверху шел еще один настил досок. Было ли такое сложное устройство пола первоначальным, или же оно является результатом последовательных ремонтов, решить не удалось.

На восточной стенке полуземлянки находятся две доски, впущенные в паз вертикально стоящего бревна (обнаружено в юго-восточном углу раскопа). Они составляли облицовку стен жилища. Вход в землянку был с восточной стороны. Ступени входа шли вдоль восточной стены землянки и поворачивали к двери, закругляясь в виде винтовой лестницы. Высота ступеней 20 см, ширина 80 см. Они вырезаны в земле. В северной части полуземлянки находились две хозяйственные ямы, выкопанные не одновременно с землянкой и отделявшиеся от нее деревянным простенком, следы которого в виде истлевших досок, прутьев и столбиков прослежены в северной части жилища. Ямы сообщаются между собой.

Весьма вероятно, что многочисленные куски глиняной обмазки, попадающиеся вместе с угольками иногда в значительном отдалении от печки и разбросанные по всему жилищу, не являются печинами, а составляли обмазку деревянных (дощатых или из хвороста) стен жилища.

Старорязанская полуземлянка весьма близка по типу к открытым в Киеве (раскопки Хвойко, Каргера и др.) и отчасти подобна суздальским. Нужно думать, что современная этнографическая граница между южно-великорусским и северно-великорусским жилищем определилась еще в древности, когда первые были представлены полуземлянками, а вторые — наземными домами. В Рязани, находящейся на границе областей распространения того и другого типа жилища, полуземлянки сосуществовали с наземными домами. Хронологически они одновременны и датируются XI—XIII вв. Можно предположить, что наземное жилище постепенно вытесняло полуземлянку, но оснований для более точной датировки тех и других пока мы не имеем.

Объем настоящего сообщения не позволяет мне ни остановиться на характеристике находок вещей в отдельных жилищах, ни подробно охарактеризовать многочисленный и разнообразный инвентарь находок в целом. Этому будут посвящены специальные сообщения. Два из них печатаются ниже.¹

Об исключительной насыщенности керамикой культурного слоя северного городища Старой Рязани уже говорилось выше. Большинство фрагментов керамики курганного типа с резко отогнутым венчиком, крутыми плечиками, с линейным или волнистым орнаментом. Часто встречается орнамент, нанесенный зубчатым штампом, и ногтевой (защипами или елочкой). Значительная часть керамики представлена сосудами большого диаметра с прямым высоким горлышком. Вся керамика сделана на ручном круге. Многочисленны и разнообразны керамические клейма: ключи (с одной, двумя, тремя бородками), колеса, круги, пятиконечные звезды, кресты, елочка, шкурка животного и др. Несколько сосудов оригинального профиля с очень сложным орнаментом и с небольшими ушками для подвешивания.

¹ Л. И. Якунина. Фрагменты тканей из Старой Рязани; В. И. Цалкин. Палеофауна Старой Рязани из раскопок 1946 г.

Характерной находкой в Старой Рязани являются крышки сосудов, покрытые сплошным круговым орнаментом, нанесенным зубчатым колесиком. Изредка попадаются (около 30 фрагментов) толстостенные амфоры прекрасного керамического теста и обжига, красного цвета, с большими ручками. В целом керамические находки 1946 г. подтверждают ранее высказанное наблюдение об удивительной близости старорязанской керамики к керамике других районов славянского юго-востока. В частности, ряд керамических типов, встреченных в Старой Рязани, тождествен находкам из Верхнего Салтова и из селищ Прикубанья.

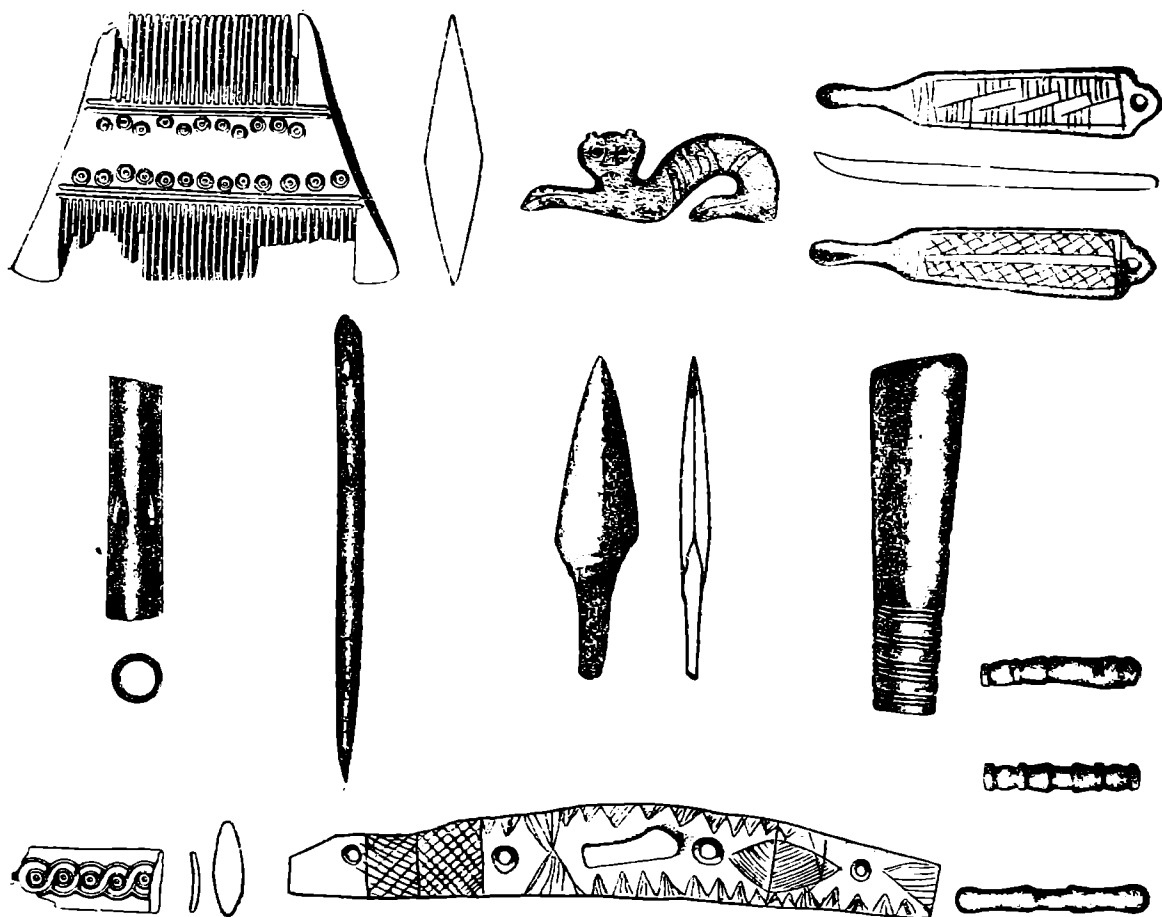

Рис. 38. Старая Рязань. Изделия из кости

Следующее место после керамики по количеству найденных предметов занимают железные изделия. Часто встречались куски болотной руды, крицы, шлака; много ножей, большая часть которых небольшие, с горбатой спинкой и прямым лезвием; кованые четырехгранные гвозди с шляпками. Найденны железные стрелы — черешковая, бипирамидальная, четырехгранная, 2 лавролистные, а также калачевидные кресала, клиновидный молоток, топорик, долото, клещи, шило, скобы, пробой, обломок серпа, удила, остроги, рыболовные крючки различной величины, ключи, замки. Медные предметы представлены пряжками (2 лировидные), витым из трех проволок браслетом, пластинчатыми загнутоконечными и тупоконечными браслетами, иглами, обломком и половиной креста (энколпиона), застежками для книг.

Стеклянные браслеты встречены различных цветов и типов — гладкие, витые, ребристые. Бусины стеклянные бочковидные, цилиндрические и

шаровидные, синие рыбовидные, хрустальные — шаровидные и биконические, янтарные — овальные и др. Интересен янтарный крестик и фрагмент тонкостенных небольших стеклянных сосудов. Пряслица встречены — 2 глиняных, 1 каменное, 23 шиферных (из последних 3 биконических). Очень многочисленны кости, находившиеся в процессе обработки, и костяные изделия (рис. 38): ручки ножей, иглы, пуговицы, гребни — трапецевидные двусторонние с глазковым орнаментом или несрнментированные, копушка, трубочка с тремя отверстиями (деталь музыкального инструмента), ромбоидальная стрелка, костяные орнаментированные накладки, среди них стилизованное изображение какого-то животного (кошки?).

Приведенный выше перечень далеко не полностью охватывает находки раскопок 1946 г. В целом они характерны для XI—XIII вв. Находки более позднего времени на северном городище редки; очевидно, после монголо-татарского разрушения городище заустело, и жизнь продолжалась на южном городище, где мы встречаем и поздние слои.

Интересно отметить, что в овраге у северного городища нами найдена в осыпи славянская лепная керамика IX—X вв., но в культурном слое встречено только два фрагмента этой керамики (раскоп № 2). Продолжение раскопок, вероятно, позволит обнаружить древнейшую часть Старой Рязани.

Л. И. ЯКУНИНА

ФРАГМЕНТЫ ТКАНЕЙ ИЗ СТАРОЙ РЯЗАНИ

Большое значение для истории древнерусских одежд имеют фрагменты тканей, сохранившиеся в погребениях, в частности в Старой Рязани. Среди них интересны фрагменты, найденные при раскопках в 1946 г. А. Л. Монгайтом (см. ст. в данном сборнике): 1) шелковая ткань, в настоящее время песочно-бурого цвета; 2) обрывки золотой тканной тесьмы; 3) фрагменты золотного шитья; 4) три медные золоченые пуговицы и две нашивные бляшки.

Фрагменты тканей очень небольших размеров: один — 8×2.5 см, с оборванными краями. Это образец шелковой ткани, саржевого переплетения, бурого цвета.¹ Другой образец с шитьем.² Он тоже шелковый, но другой выработки; это фрагмент так называемой тафты, ткани с прямым, граденаплевым или полотняным переплетением. Последняя ткань в древней Руси была очень распространена.

Среди найденного материала обнаружено несколько фрагментов тканной золотой тесьмы. На одном из этих фрагментов (11.5×2 см) сатинового переплетения ясно прослеживается узор с изображением двух птиц, стоящих по сторонам древа — хвостами к дереву и повернутыми к нему головами. Такого рода птицы — один из распространенных мотивов древнерусской орнаментики, особенно в народном шитье.

Можно думать, что этот фрагмент встречается на смертной одежде не случайно, так как изображениям птиц придавалось большое символическое значение. Мотив двух птиц мы встречаем не только в шитье и тканях, но и в древних архитектурных памятниках; так, например, в памятниках XII в., во Владимире на барельефах Дмитриевского и Успенского соборов (в виде двух павлинов на фреске северной наружной стены постройки Андрея Боголюбского).

Второй фрагмент золотной тесьмы представляет собой шелковую основу, затканную золотной нитью геометрическим узором, типа «городок», т. е. остроконечными зигзагами.

Кроме фрагментов тканых, мы имеем еще образцы шитья шелком.³ Орнамент этого шитья растительный и имеет аналогии в тканях, относящихся к XII в.: из раскопок Уварова и Савельева в быв. Юрьевском и Суздальском уездах Владимирской обл.⁴ Орнамент нашего образца представляет собой овальный цветок, в центре окруженный как бы венцом из зубчатых листьев.

¹ Музей гор. Рязани, № по оп. 245.² Там же, № по оп. 244.³ Музей гор. Рязани, № по оп. 224.⁴ Прохоров. Материалы по истории русских одежд, СПб., 1881, рис. 1.

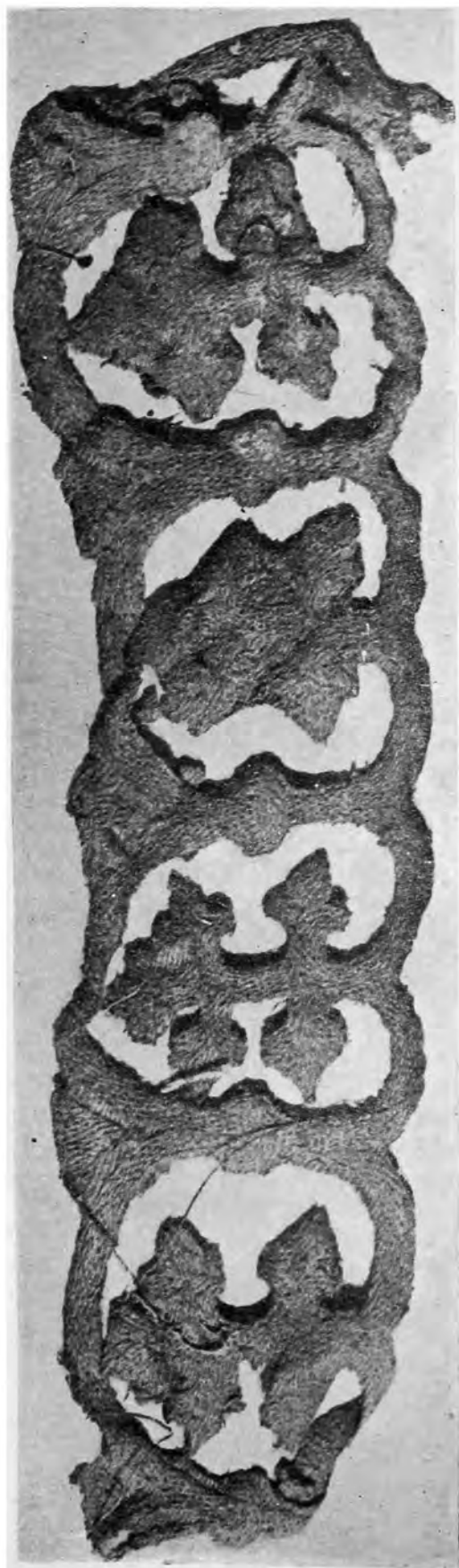
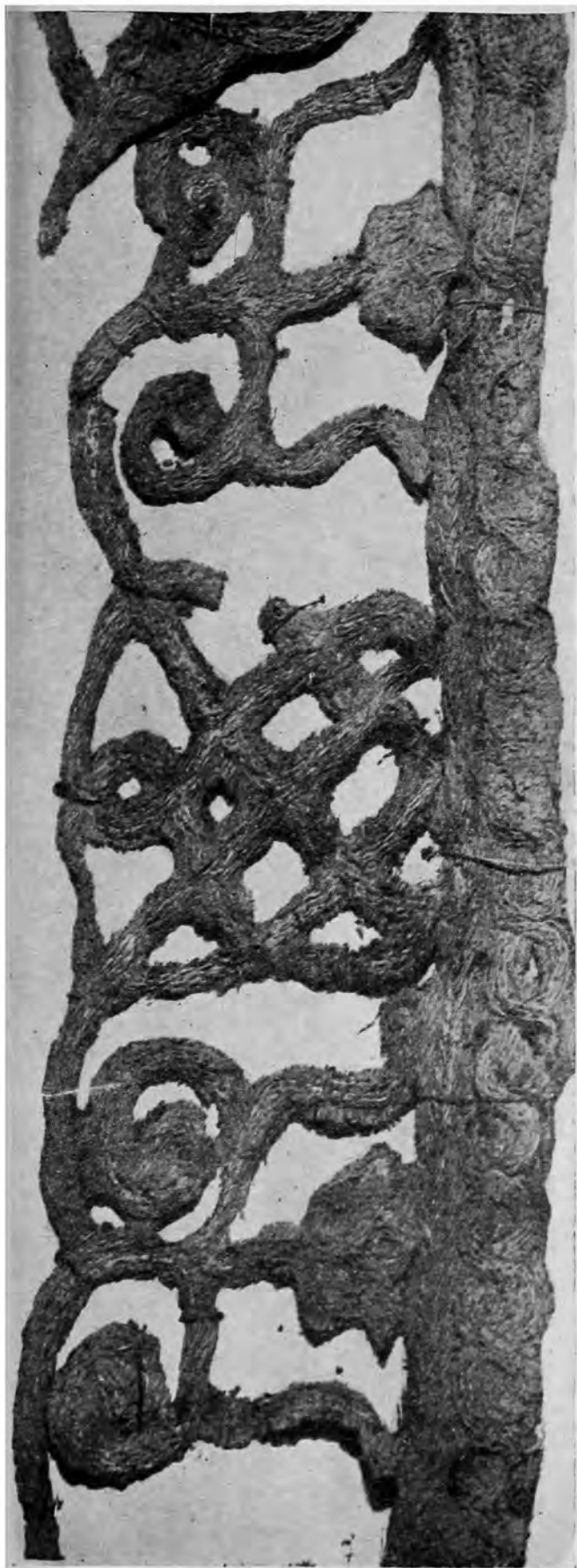

Рис. 39—1,2. Вышивки на тканях из Старой Рязани

Второй орнаментальный мотив шитья имеет аналогию в раскопчных тканях, добытых В. А. Городцовым в той же Старой Рязани¹ и датированных им также XII в. (рис. 39 — 1, 2).

Шитье шелком образцов, открытых А. Л. Монгайтом, выполнено особым способом, употреблявшимся в древнерусской вышивке: шитье производилось по бересте, подкладывавшейся под ткань, чтобы шитье не коробилось при стягивании ткани. Кусочки бересты сохранились при доставленных А. Л. Монгайтом фрагментах шитья.

К образцам золотного шитья относится также фрагмент полосы, представляющий собою ряд шитых шелком и золотом стилизованных цветов на ползучем стебле (типа чашечек тюльпанов). Орнамент этот близок к мотиву фрескового орнамента, находящегося во Владимирском Успенском соборе, на наружной части его (постройки Андрея Боголюбского). Орнамент этот помещается на северной стене на обрамлении ниши окна.

Мы уже упоминали о мелких пуговицах бытового типа, свидетельствующих о том, что фрагменты тканей рязанских раскопок А. Л. Монгайта относятся именно к одеждам. Размером они близки к величине средней жемчужины, т. е. они меньше тех пуговиц, которые обычно употреблялись в быту для застежки верхней одежды. Пуговицы эти могли служить или для украшения, или для застежки воротника, обшлагов, или какой-нибудь другой детали одежды. Они с грибообразными шляпками на овальных металлических петельках.² Две нашивные бляшки,³ такой же величины, как и пуговицы, формы разрезанных пополам шариков, с просверленными для прикрепления отверстиями на самой бляшке. Такие украшения мелкими бляшками — плащиками — часто встречаются на древнерусских одеждах.

Из обзора этих старинных драгоценных для нас по своей древности и редкости фрагментов мы можем вывести следующие заключения: 1) ткани эти принадлежат погребению княжескому (дешевых и рядовых тканей в этой находке нет); 2) ткани погребения драгоценные привозные, так как такого рода ткани у нас не выделялись; 3) шитье же шелковое и золотное, вероятнее всего русское, так как искусство шитья шелком и золотом было известно у нас на Руси с древних времен и, кроме того, оно составляло одно из главных занятий женщин высших классов древней Руси; 4) фрагменты эти можно датировать XII в., судя по аналогии с рязанскими находками В. А. Городцова, владимирскими — А. Уварова и др.

---

¹ Раскопки В. А. Городцова, 1926, траншея 1, погреб № 2, ГИМ.

² Музей гор. Рязани, № по оп. 244.

³ Там же, № по оп. 243.

В. И. ЦАЛКИН

ПАЛЕОФАУНА СТАРОЙ РЯЗАНИ

При раскопках Старой Рязани, произведенных в 1946 г. А. Л. Монгайтом, был извлечен обширный остеологический материал. Преобладающее большинство костей принадлежало различным видам млекопитающих, в значительно меньших количествах оказались в нем кости птиц и рыб. Кости млекопитающих, общее число которых составляет около 4000, были исследованы нами в Камеральной лаборатории ИИМК, причем из них оказалось возможным определить с необходимой точностью 2233, т. е., примерно, около 55% всех исследованных.

Основная масса изученного материала состояла из более или менее сильно раздробленных костей конечностей и фрагментов челюстей и отдельных зубов. Неповрежденные кости на общем фоне материала представляли в сущности исключение. Что же касается черепов, то они вовсе отсутствовали; это обстоятельство приходится отметить с крайним сожалением, ибо оно существенно ограничивает возможность суждения о породном составе обнаруженных домашних животных. Как показало изучение материала, эти последние представлены крупным и мелким рогатым скотом, свиньей, лошадью, собакой и кошкой. Из диких видов нами были обнаружены лось, бурый медведь, бобр, косуля, заяц и белка.

К р у п н ы й   р о г а т ы й   с к о т. Основная масса изученных нами костей принадлежит крупному рогатому скоту; общее число их составляет 1118, т. е. 50% всех исследованных. Количество особей, которым они принадлежали, может быть определено лишь весьма приблизительно (52—63). Почти все трубчатые кости сильно раздроблены. Заслуживает внимания обилие костей молодых животных, о чем свидетельствуют многочисленные экземпляры с несросшимися эпифизами и значительное число молочных зубов.

С. Н. Боголюбский, которому еще ранее пришлось исследовать незначительное количество костей круглого рогатого скота из Старой Рязани, обнаруженных В. А. Городцовым, пришел к заключению, что рассматриваемый скот принадлежит к типу *Bos brachiceros*.¹ Справедливость этой точки зрения вполне подтверждается и нашими материалами. С. Н. Боголюбский, в распоряжении которого находились всего две большие фаланги, обратил внимание на сильные различия между ними по размерам: высота одной из них оказалась 64 мм, другой — всего лишь 43 мм. Первая, судя по размерам, должна была принадлежать довольно крупной особи, ростом с нынешнюю ярославку, вторая — очень мелкой особи, соответствующей со-

¹ С. Н. Боголюбский. Палеофауна сельскохозяйственных животных Старой Рязани по раскопкам В. А. Городцова. Труды Секции археологии. РАНИОН, 1929, т. IV.

временному мелкому местному мещерскому скоту. Эти данные послужили С. Н. Боголюбскому основанием для заключения, что в Старой Рязани одновременно существовали две породы крупного рогатого скота и поныне «стойко сохраняющие свои признаки».

Действительно, нельзя не признать, что различия, наблюдающиеся в размерах костей крупного рогатого скота, весьма значительны. Тем не менее причины, их обуславливающие, представляются нам в несколько ином свете, нежели упомянутому выше исследователю. Обратимся прежде всего к размерам больших фаланг. Они представлены большим числом экземпляров, обычно мало или совсем неповрежденных, так что мы имели возможность точно измерить 90 штук их. Высота больших фаланг варьирует, по нашим данным, от 48 мм (экз. № 270) до 67 мм (экз. № 228). Изменчивость эта, однако, не альтернативна, и между указанными крайними вариантами имеется непрерывный ряд переходов. Частота встречаемости экземпляров различной высоты наглядно видна из приводимых ниже цифр табл. 1.

Таблица 1

Изменчивость высоты больших фаланг взрослых особей крупного рогатого скота из Старой Рязани

48	51	51	57	60	63	66	67п	М + mm
7 8.0%	32 36.0%	22 25.0%	14 15.5%	9 10.0%	5 4.5%	1 1.0%	90	54.65 0.54

Совершенно очевидно, что очень мелкие фаланги, по размерам соответствующие таковым у мещерского скота, составляют лишь незначительную часть (8.0%) общего числа исследованных. Довольно малочисленны и

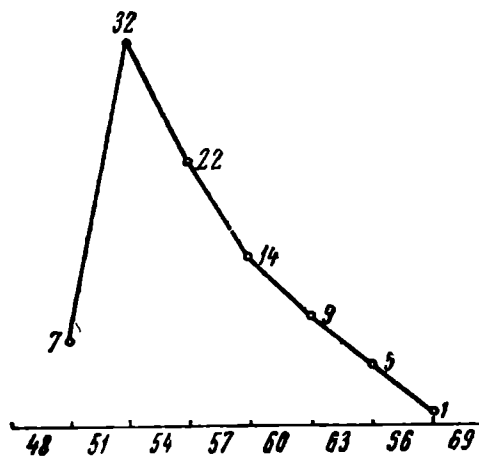

Диаграмма. Высота больших фаланг крупного рогатого скота из Старой Рязани

крупные фаланги (высотой от 63 мм и более). Преобладающее большинство (76.5%) фаланг имеет высоту 51—60 мм и, следовательно, не может быть отнесено ни к первой, ни ко второй группе. Изображая графически численное соотношение фаланг по размерам, мы получаем вполне отчетливую одновершинную кривую, совершенно не дающую каких-либо указаний на существование двух отдельных групп или пород, отличающихся друг от

друга по величине. Значительные различия в размерах фаланг, с нашей точки зрения, — простое отражение широкого диапазона личной и половой, а отчасти и возрастной изменчивости, свойственных любой популяции домашних или диких животных.

Таблица 2

Измерения костных стержней рогов крупного рогатого скота из Старой Рязани

№ экз.	Длина	Обхват у основания	Диаметры	№ экз.	Длина ¹	Обхват у основания	Диаметры
1420	15+	20	72—55	2319	13+	12	42—35
2776	18	19	67—53	1433	13	11	37—30
1431	—	17	61—48	1432	13	11	35—30
1430	13+	15	53—42	1427	10	11	40—37
1423	13+	14	50—40	1421	7.5	10.5	35—32
1867	14	14	45—36	2403	11.5	10.5	37—35
2950	13.5	12.5	45—37	1425	12.5	10	35—30
1424	15	12	44—35	1426	11	10	38—30

¹ Знак + означает, что стержень рога обломан.

Не находим мы подтверждения предположению о существовании в Старой Рязани двух пород крупного рогатого скота и в изучении костных стержней рогов. Из 16 относительно хорошо сохранившихся экземпляров, измерения которых приведены в табл. 2, лишь три имеют довольно крупные размеры и принадлежат, видимо, быкам зрелого возраста. Все остальные невелики как по длине, так и в обхвате у основания и принадлежат коровам или молодым быкам.

О небольших размерах скота того времени говорят и размеры немногих сохранившихся неповрежденными пястных и плюсневых костей (табл. 3).

Таблица 3

Измерения пястных и плюсневых костей крупного рогатого скота из Старой Рязани

№ экз.	Общая длина кости (мм)	Наиб. диаметры верхней части (мм)	Наиб. диаметры нижней части (мм)
2552 (пястье)	174	47—27	48—26
938 (пястье)	188	51—32	52—29
940 (плюсна)	207	48—37	51—29
2420 (плюсна)	207	41—37	48—28

Таким образом, резюмируя приведенные выше данные, нужно признать, что в Старой Рязани культивировались не две породы крупного рогатого скота (крупная и мелкая), а одна порода сравнительно небольших размеров (крупнее современной мещерки, но меньше пойменного скота). Вопрос о происхождении этих двух современных пород не входит в задачи настоящей статьи, но допустимо высказать предположение, что они являются результатом дивергентного развития этой основной исходной породы. Вероятно, мещерский скот есть результат измельчания и захудалости, обуслов-

ленных неблагоприятными условиями существования крупного рогатого скота в болотистом Мещерском крае, с его недостатком кормов и низким качеством их. И, наоборот, значительно лучшие пастбища, наряду с более совершенными формами содержания, обусловили образование современной пойменной породы, отличающейся как большими размерами, так и относительно высокой продуктивностью.

Лошадь. Количество костей лошади в исследованном нами материале гораздо меньше, чем рогатого скота или рассматриваемой ниже свиньи. Общее число их составляет всего 239 (10.6% определенных), происходящих от 13—16 особей. Преобладающее большинство костей, в том числе и трубчатые, находится в хорошей сохранности. Молодые особи представлены всего одним экземпляром нижней челюсти, принадлежащей жеребенку, примерно, годовалого возраста.

С. Н. Боголюбский, который исследовал череп лошади из Старой Рязани, найденный В. А. Городцовым, пришел к заключению, что лошадь того времени должна быть (по классификации Юарта) отнесена к лесному типу. Повидимому, размеры ее были весьма невелики, и рост составлял всего 120—125 см. Мелкие размеры лошади подтверждаются также и исследованным нами материалом. Так, например, общая длина пястья колеблется между 216—220 мм, а плюсны — 249—256 мм. В этом отношении они близки к одноименным костям пони.

Таблица 4

Измерения пястных и плюсневых костей лошади из Старой Рязани

№ экз.	Общая длина кости (мм)	Наиб. диаметры верхней части (мм)	Наиб. диаметры нижней части (мм)
934 (пястье)	220	49—33	50—35
930 (пястье)	216	53—35	51—35
931 (плюсна)	249	49—39	48—37
206 (плюсна)	256	43—33	43—31

Как уже отмечалось, количество костей лошади составляет 10.6% общего числа определенных. Эти цифры близки к данным А. Мансурова (1926), определяющего количество костей лошади в раскопках Старой Рязани в 11.4%. А. Л. Монгайт считает этот процент высоким и служащим известным указанием на употребление лошади в пищу, хотя (как он сам отмечает) это обстоятельство и стоит в некотором противоречии с летописными данными, согласно которым лошадь для этой цели не использовалась. Повидимому, все-таки более соответствуют действительности сведения летописей.

Таблица 5

Измерения лучевых костей лошади из Старой Рязани

№ экз.	Общая длина кости (мм)	Наиб. диаметры верхней части (мм)	Наиб. диаметры нижней части (мм)
2768	304	78—41	68—42
1126	312	76—42	67—39

Исследованные нами кости лошади характеризуются прежде всего своей относительно гораздо большей сохранностью, нежели таковые крупного и мелкого рогатого скота, свиньи и лося — животных, заведомо служивших пищей. Разумеется, и среди костей лошади встречается известное количество раздробленных, но оно относительно невелико. Надо заметить, что раздробленные кости мы обнаруживаем и среди костей собак и кошек, которые в пищу не употреблялись. Соотношение между раздробленными и неповрежденными костями у лошади, примерно, такое же, как и у обоих последних. Таким образом, с большим основанием можно предположить, что лошадь в Старой Рязани в пищу не использовалась и служила лишь для транспортных целей. В пользу этого говорит и очень малое количество костей, принадлежащих молодым особям, тогда как у употреблявшихся в пищу домашних животных оно всегда довольно значительно.

Таблица 6

Измерения коренных зубов нижней челюсти лошади из Старой Рязани

Размеры (мм) № экз.	№ экз.					
	48	46	1	45	44	52
Длина альвеолярного ряда	—	—	156	177	—	—
Длина диастемы	—	—	64	—	—	—
Длина альвеолярного ряда ложных коренных зубов	—	—	82	88	—	82
Длина альвеолярного ряда настоя- щих коренных зубов	—	85	74	88	80	—
Длина—ширина P ₁	32—15	—	29—16	—	—	28—15
Длина—ширина P ₂	—	—	24—17	28—18	23—18	24—17
Длина—ширина P ₃	—	24—15	25—17	27—18	26—17	26—17
Длина—ширина M ₁	—	23—17	22—16	23—18	25—16	—
Длина—ширина M ₂	—	23—16	22—16	27—17	24—16	—
Длина—ширина M ₃	—	36—14	27—14	34—14	28—13	—

Свинья. По количеству обнаруженных костей свинье принадлежит второе место; в этом отношении она уступает только крупному рогатому скоту. Общее количество костей свиньи 490, т. е. около 22% всех определенных. Происходят они от 37—43 особей. Большинство костей очень сильно раздроблено. Чрезвычайно много молодых экземпляров; по своему числу они даже преобладают над взрослыми.

Таблица 7

Вариационный ряд длины третьего настоящего коренного зуба нижней челюсти свиньи из Старой Рязани

28	30	32	34	36	M	±
9	3	9	3	24	31.5P	0.36

С. Н. Боголюбский уже ранее указал на поразительное сходство свиней из Старой Рязани по краниологической структуре с западноевропейскими, в частности, древнеславянскими породами. Наш материал, в котором черепа свиней так же как и крупного рогатого скота отсутствуют, не позволяет что-либо добавить к этому интересному заключению. Можно лишь указать,

что она, как показывают небольшие размеры ряда ложных коренных зубов и третьего настоящего коренного, имела сравнительно небольшие размеры. Тем более интересно, что наряду с этим описываемой природе свиньи были свойственны хорошо развитые мощные клыки, по размерам лишь немного уступающие таковым у рецентных евразийских диких свиней.

Мелкий рогатый скот. Количество костей мелкого рогатого скота невелико. Они обнаружены нами в общем числе 167 экз., что составляет 8.5% определенных. Количество особей, которым принадлежали перечисленные кости, составляет, примерно, 35—41 экз. Все трубчатые кости и большинство челюстей очень сильно раздроблены. Молодые особи составляют весьма значительный процент. Отсутствие в материале черепов и костных стержней рогов лишает возможности установить, принадлежат ли исследованные кости овце или козе, или обоим этим животным. Основываясь на изучении пястных костей, признаке не весьма надежном, надо сказать, что коза нами не обнаружена совершенно.

Собака. В исследованном нами материале собака представлена 34 костями (1.5% определенных), принадлежащими 11 особям. Большинство костей находится в состоянии хорошей сохранности, и размеры их свидетельствуют, что они принадлежали животным небольших размеров. Измерения зубного ряда на 12 экз. нижних челюстей дали следующие результаты. Длина ряда ложных коренных зубов 31—39 мм, в среднем — 35 мм; длина ряда настоящих коренных зубов 30—36 мм, в среднем — 33 мм; общая длина ряда коренных зубов 62—72 мм, в среднем — 68 мм.

Кошка. Общее количество костей кошки составляет 13 (0.6% определенных). Они принадлежали взрослым особям. Большая часть костей лишена следов повреждений.

Лось. Кости лося обнаружены нами в количестве 101 экз. (4.5% определенных). Они принадлежали 13—17 особям, из которых лишь одна молодая. Большинство костей сильно раздроблено.

Бурый медведь. Кости медведя обнаружены в количестве 22 экз. (1% определенных). Молодых особей нет.

Косуля. В исследованном материале найдено всего пять костей козули (0.2% определенных), принадлежавших, видимо, одной взрослой особи.

Бобр представлен 18 костями (0.8% определенных) от 4—5 особей. Все кости происходят от взрослых особей.

Заяц. Обнаружены 4 кости (0.2% определенных), вероятно, от двух взрослых особей.

Белка. Имеются две ветви нижней челюсти (0.1% определенных), принадлежащие одному экземпляру.

Итак, в исследованном нами материале из Старой Рязани имеются кости 12 различных видов млекопитающих, находящиеся в следующих численных соотношениях:

Таблица 8
Распределение костей по видам животных

№ п.п.	Наименование	Коллч. костей	%	№ п.п.	Наименование	Коллч. костей	%
1	Крупный рогатый скот	1118	50.0	7	Лось	101	4.5
2	Лошадь	239	10.6	8	Бурый медведь	22	1.0
3	Свинья	490	22.0	9	Косуля	5	0.2
4	Мелкий рогатый скот	167	8.5	10	Бобр	18	0.8
5	Собака	34	1.5	11	Заяц	4	0.2
6	Кошка	13	0.6	12	Белка	2	0.1

Как видно из приведенных цифр, основная масса исследованных костей принадлежит домашним животным, к которым относится 2087 экз., т. е. 93.2% всех определенных. Остальные 6.8% костей принадлежат диким видам и ныне обычным в фауне Рязанской обл.

Поскольку лошадь в пищу не употреблялась и, следовательно, остатки ее попадали на городище более или менее случайно, судить по ним об ее удельном весе в животноводстве Старой Рязани вряд ли возможно. Что же касается остальных, то на первом месте стоял крупный рогатый скот, а на втором — свинья, на третьем — мелкий рогатый скот, вероятно овца. Собака и кошка были, видимо, совершенно обычными животными в домах Старой Рязани.

Что касается диких животных, то на первом месте среди них стоит лось, за ним следуют медведь и бобр. Соотношение между числом костей домашних и диких животных позволяет заключить, что значение охоты в экономике населения Старой Рязани было второстепенным. Тем не менее, хотя основную пищу и составляло мясо домашних животных (крупного рогатого скота и свиньи), дикие животные продолжали сохранять в этом отношении значительную роль, в особенности лось.

А. Л. МОНГАЙТ

ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТАХ В СОФИЙСКОМ СОБОРЕ
НОВГОРОДА ВЕЛИКОГО¹

Софийский собор в Новгороде, один из древнейших памятников русского зодчества, изучается в настоящее время бригадой Академии архитектуры СССР под руководством проф. Н. И. Брунова. Для выяснения ряда сложных вопросов, в связи с предстоящей реставрацией собора, а также для его историко-архитектурного исследования, были проведены археологические раскопки. Раскопки помогли выяснить устройство древних фундаментов, установить факты последовательной постройки отдельных частей здания. Пока не удалось окончательно решить вопрос о первоначальном виде собора, но в результате раскопок, архитектурных зондажей и обмеров получено много данных для реконструкции.

Внутри собора в Мартирьевской паперти был вскрыт современный пол. Ниже его были обнаружены еще три древних пола из кирпичей и каменных плит, последовательно настилавшихся при перестройках соборов с XI до XVII в. Современный пол лежит на 2 м выше древнейшего. Все пространство между ними заполнено древними гробницами и строительным мусором, накопившимся при ремонтах собора. Было вскрыто 7 погребений в каменных и деревянных саркофагах оригинальных форм. Некоторые состоят из больших отдельных каменных плит и деревянной колоды, в которой лежал покойник; некоторые высечены из больших глыб белого камня. Интересна сложенная из кирпича погребальная камера, покрытая снаружи фресковой росписью.

В одном из белокаменных гробов (ладьевидной формы) были найдены одежды и обувь XIV в. Среди фрагментов одежды имеются шелк, парча, шитье шелковыми цветными и золотыми нитками, плетеные кружева. Головная повязка сделана из серебристых кружев, в которые вставлены медальоны с изображением святых, вышитыми цветными нитками.

Под одной из гробниц была найдена чаша на кольцевидной ножке с рельефным орнаментом, покрытая зеленоватой прозрачной глазурью. Она сделана в XIII в. и, видимо, привезена в Новгород из городов древнего Хорезма или из столицы Золотой Орды Сарая-Берке, где также находились мастерские, изготавливавшие подобную керамику. Большой интерес представляет находка каменных плит, украшенных цветной мозаикой оригинального рисунка. Плиты эти, вероятно, украшали стены собора в XI—XII вв. Они изготовлены из местного камня и имеют русские надписи. На плите сохранились линии предварительного чертежа, сделанного мастером.

¹ Тезисы доклада.

Ниже уровня современного пола, на древних стенах собора были открыты фрагменты фресковой росписи XI—XII вв. Кроме того, в слое строительного мусора находилось огромное количество фрагментов фресок, отбитых от стен собора во время грубейших реставраций в прошлые столетия. Исключительное художественное и историко-культурное значение имеет находка обломков фрески, изображающей человека в княжеской шапке и двух других лиц. Археологические данные и стилистические особенности позволяют датировать ее временем не позже XII в. Сохранность фрагмента очень хорошая, краски почти не потускнели. Художественные качества фрески весьма высокие. Она является ценным вкладом в сокровищницу русского искусства.

Н. Н. ВОРОНИН

МУРОМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ¹

Работы 1946 г. являются началом систематических исследований Муром и его района, связанных с темой «Население Средней Оки в VII—XII вв. н. э.». Первоначальный план работ был сильно изменен ввиду полной разрушенности основного памятника, Пятницкого селища, на окраине Мурома, намечавшегося к раскопкам. По предложению Муромского музея экспедиция должна была также принять на себя вне плана исследование размывавшейся рекой Панфиловской стоянки. Эти обстоятельства значительно сократили объем предполагавшихся работ как в самом Муроме, так и на памятниках его периферии.²

Систематические исследования Мурома до сих пор не велись. С его территорией был связан лишь ряд интересных случайных находок, среди которых выдающееся место занимает знаменитый клад арабских монет 715—935 гг., найденный в 1868 г. в кремлевской части. Поэтому основной задачей экспедиции было сначала обследование обнажений культурного слоя в откосах берегов и оврагов, а затем первичные зачистки и раскопки в нескольких пунктах города.

Заселение городской территории восходит к эпохе городищ Дьякова типа, следы которых имеются к северу от города (Якиманское и Дмитровское городища). Несомненно, они были и в его центральной части.

Летописные данные рисуют Муром первоначально как поселение племени муромы, а затем как русский город. Последующие сведения сосредоточены вокруг усобицы конца XI в., а затем связаны с походами муромских полков в составе сил владимирских князей. Внутренняя жизнь города осталась вне поля зрения летописца. Монгольское завоевание привело к длительному упадку города вплоть до XV—XVI вв.— времени начала борьбы Москвы с Казанским ханством.

Предварительное обследование береговых откосов и оврагов показало наличие мощного культурного слоя не только в кремлевской части (Воеводская гора, до 3—4 м), но и к северу от нее (Богатырева гора); в южном направлении к Спасскому монастырю слой значительно слабее и не имеет сплошного характера.

¹ Тезисы доклада.

² В работах принимали участие старший научный сотрудник Е. И. Горюнова, младший научный сотрудник А. В. Никитин, аспирант Э. А. Рикман, директор Муромского музея И. П. Богатов и директор Владимирского музея Е. И. Киселева. В настоящей заметке освещаются только работы в самом Муроме.

Два раскопа на южном склоне кремлевской горы (6.5 × 2 м, глубина 2.65 м) и около церкви Николая Набережного на посаде (5 × 5 м, глубина 3.5 м) носили характер глубоких зачисток культурного слоя от обрыва в глубину склона и позволили хорошо изучить его структуру и со-

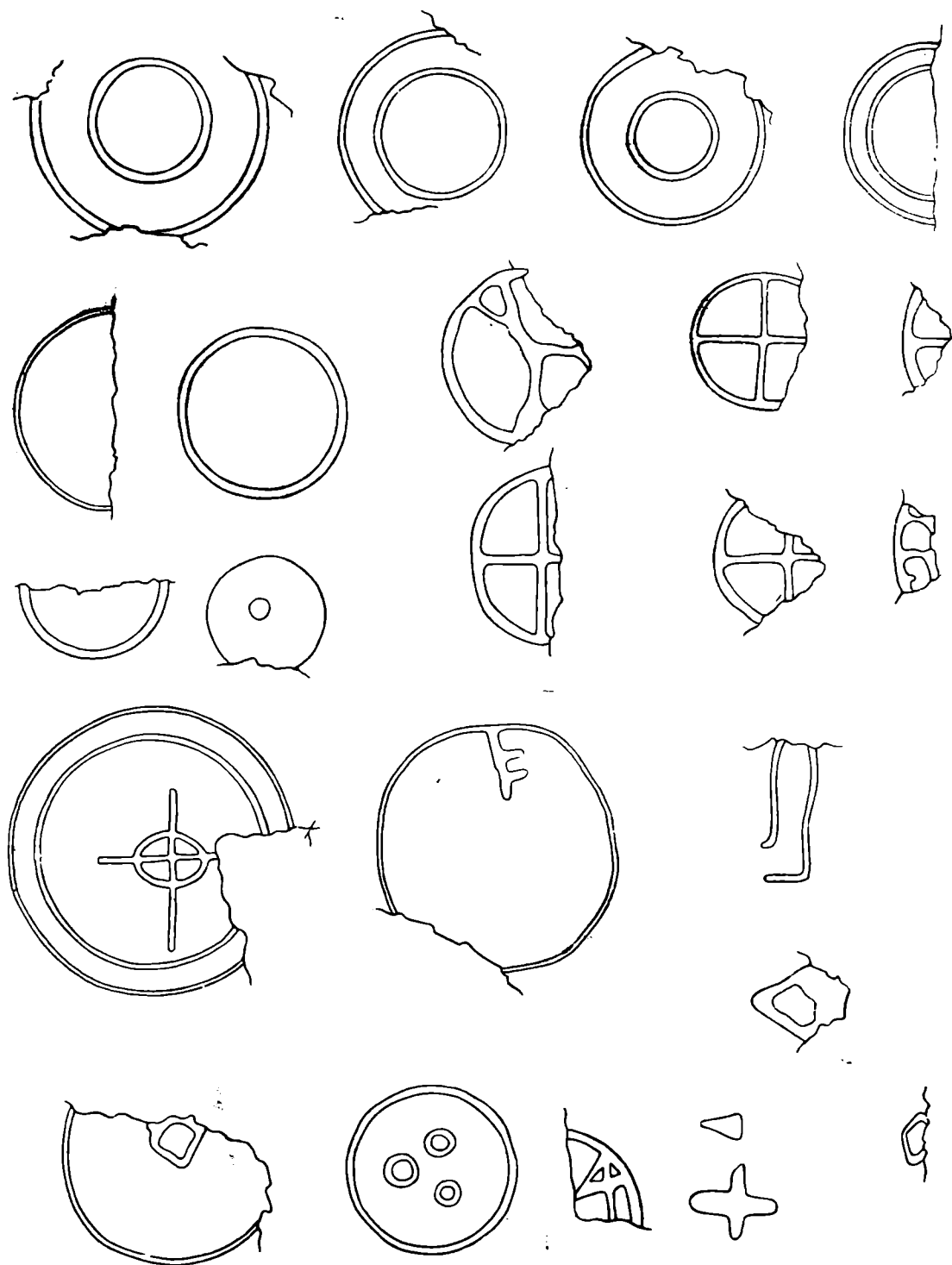

Рис. 40. Гончарные клейма

держании. Третий раскоп в самом Кремле (Окский сад), площадью в 36 м², попал на глубоко перерытый и нарушенный участок (вскрытый до глубины 2.50 м), который дал лишь интересную коллекцию вещей X—XIII вв. вне четкой стратиграфии.

Два первых раскопа позволяют определить следующие основные слои:
 1) древнейшего (дорусского?) поселения, 2) русского города X—XIII вв.,
 3) верхний нарушенный слой.

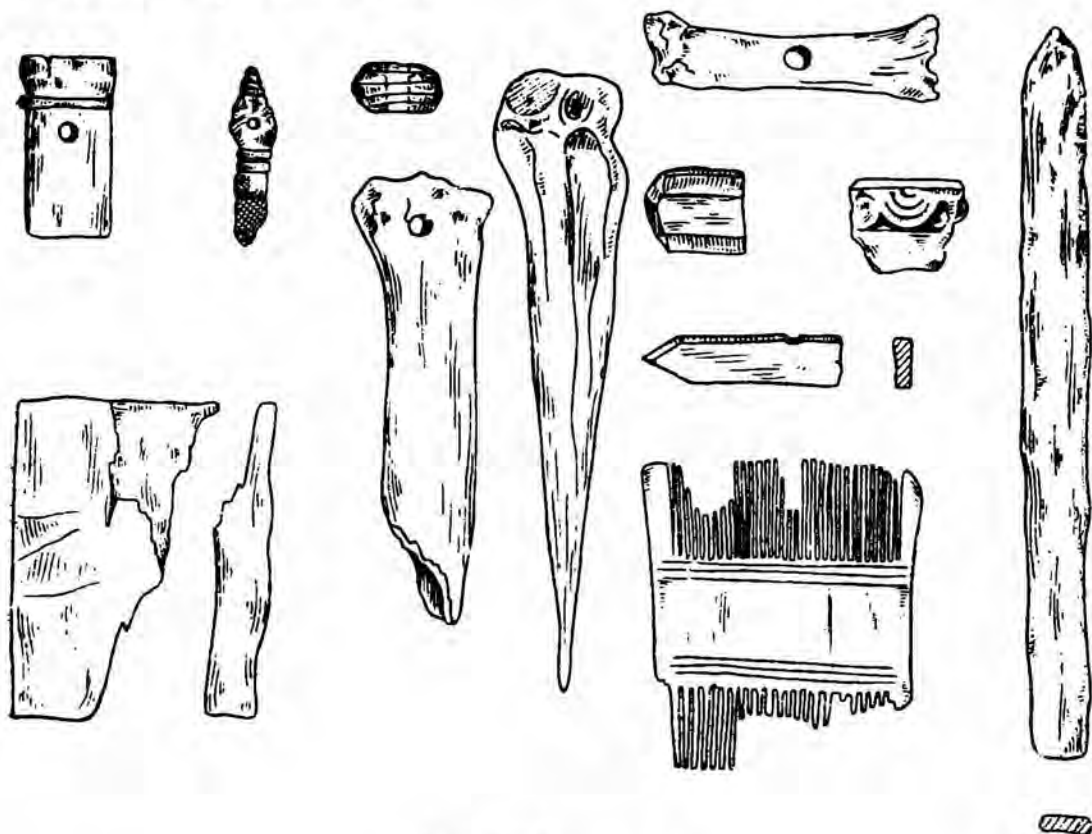

Рис. 41. Резная кость

Нижний слой, датируемый по единообразной лепной керамике, примерно, VIII—X вв., очень беден находками: здесь единичные поделки из кости (пряслище, четырехгранная стрела, кочедык, крюк), много костей домашних животных (корова, свинья, мелкий рогатый скот, лошадь) и обуг-

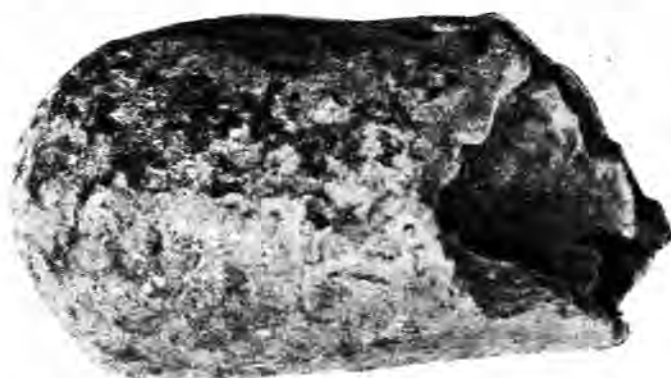

Рис. 42. Тигель для отливки меди (фрагмент)

ленное просо. Этот слой, повидимому, можно связать с дорусским поселением «первых насельников» муромы.

Русский слой резко отличен своей интенсивностью, мощностью и обилием разнообразных находок. Лепная керамика еще бытует, уступая кур-

ганной. Преобладанию керамики курганного типа разнообразных форм с многочисленными клеймами (рис. 40) сопутствует развитое костерезное дело (гребни, орнаментированные фрагменты; рис. 41); на посаде у церкви Николая интересны ярко выраженные следы медеобрабатывающего ремесла (шлаки, куски меди, глиняные тигли, рис. 42); много шиферных пряслиц, стеклянных браслетов, перстней и разнообразных бус; особо отмечу находку двух вязальных железных крючков. Фрагменты болгарской керамики и обломки янтаря характеризуют внешние связи города. Находки зерен ржи и ручных жерновов документируют сельскохозяйственные занятия горожан (состав стада тот же, но увеличивается процент костей коровы). Весь слой датируется домонгольским временем, его верхний горизонт содержит следы сильного пожара, связанного, может быть, с захватом города татарами.

Остатки бревенчатых построек и настилов, обнаруженные на глубине 2.5 м в Окском саду, точно датировать трудно, ввиду полной нарушенности слоя. В раскопе оказались части нижних венцов плохо сохранившихся срубов, повидимому, конюшен или хлевов. Возможно, что эти строения относятся к поздней поре жизни города — XIV—XV вв.

Сделанные раскопы применительно к древней территории города — не более как шурфы, намечающие, однако, существенные исторические выводы: о дорусском муромском поселении, об интенсивной культуре русского Мурома X—XIII вв., обнаруживающей и здесь, на «дальнем востоке» древней Руси, свое единство с культурой остальной Русской земли. Последующие работы как в Муроме, так и в его округе позволят проверить, углубить и расширить сделанные наблюдения, осветить вопросы славянской колонизации Оки и поставить историю Муромы в связь с его густо населенной славяно-муромской периферией.

С. А. Т А Р А К А Н О В А

РАСКОПКИ В ПСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

Приступая в 1945 г. к систематическим раскопкам в Пскове,¹ экспедиция ИИМК АН СССР и Псковского областного музея поставила перед собою две основные задачи: 1) выяснение на археологическом материале вопроса о происхождении города Пскова и 2) изучение материальной культуры древнего Пскова. Обе эти задачи в процессе исследования, естественно, потребуют разрешения ряда частных, вспомогательных задач, часть которых и разрешалась в той или иной степени исследованиями 1946 г.

В этом году экспедиция под руководством автора провела раскопки в северо-восточной части Псковского кремля. Разведки, проведенные здесь К. К. Романовым в 1930 г. и Н. Н. Чернягиным в 1936 г., показали, что культурные напластования в Кремле относятся к I тысячелетию н. э.²

В 1946 г. было заложено два раскопа, общей площадью 208 м².³ Работа на двух раскопах велась одновременно. Раскопками вскрыта следующая картина: верхние пласты (штыки) культурного слоя содержали славянскую керамику лепную и сделанную на гончарном круге (круговую). Особенно хорошо это явление было прослежено на раскопе № 1 (рис. 43).

Фрагменты¹ керамики, полученной из первых трех пластов (20 см каждый)

№ пласта	Толщина (м)	Круговая керамика	Лепная керамика	В с е г о
1	0.0—0.2	31	34	65
2	0.2—0.4	130	206	336
3	0.4—0.6	56	349	405

¹ Керамика, кости животных и рыб с каждого пласта брались полностью.

¹ См. «Раскопки в Пскове в 1945 году». КС ИИМК, 1947, вып. XVII.

² Сов. археология, 1937, № 4, стр. 327—328; Археол. исследования в РСФСР за 1931—1936 гг., 1941, стр. 29—31. Более поздние слои вплоть до XVIII в. были сняты при Петре I для сооружения земляных бастионов во время войны со шведами.

³ Раскоп № 1, размером в 48 м², находился ближе к центру Кремля; раскоп № 2, размером в 160 м², находился на месте раскопа, начатого в 1941 г. Псковским музеем. Место раскопов обозначено на составленном экспедицией топографическом плане Псковского кремля. Каждый раскоп был разбит на двухметровые квадраты.

Приведенные данные показывают, что в Пскове довольно длительное время сосуществовала лепная и круговая славянская керамика, причем удельный вес круговой керамики постепенно возрстал.

Изучение керамики этих пластов дало возможность сделать несколько интересных наблюдений. Круговая керамика по своей профилировке, составу теста, обжигу и орнаменту — керамика ярко выраженного курганного типа. Особенно поражает богатство и разнообразие ее орнаментов.

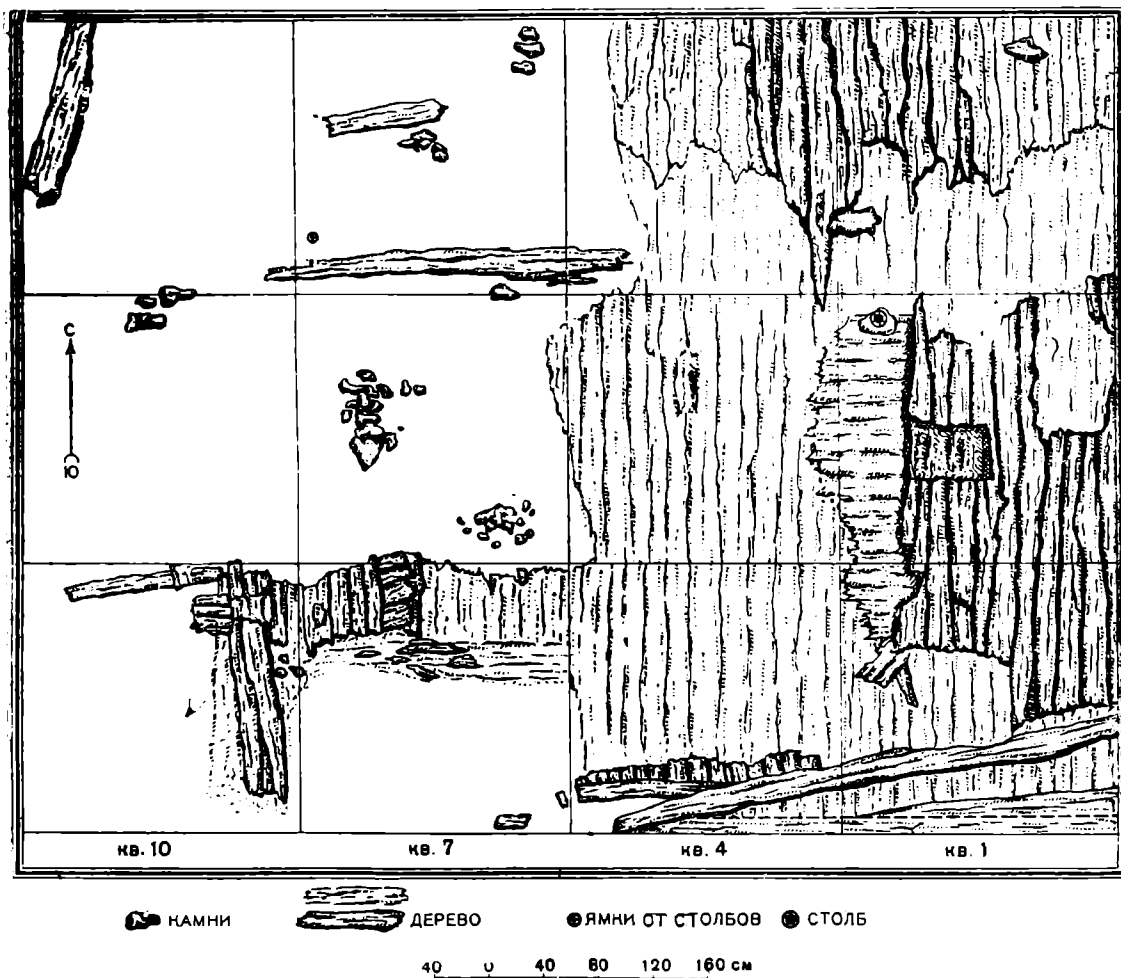

Рис. 43. План раскопа № 1

Среди них встречаются: линейный из разных линий, расположенных широким поясом, волнистый, зигзаговый, ногтевой, комбинированный и желобчатый.¹ Орнамент покрывает не только плечики, но часто и шейку сосудов.

Лепная керамика в подавляющем большинстве представлена сосудами с прямой шейкой, прямо срезанным краем и незначительно выступающими тонкими (0.5—0.7 см) стенками. Обжиг таких сосудов ровный и сравнительно хороший, примеси в глине незначительны. Очень важно отметить, что по своей выработке и форме эти сосуды представляют полную аналогию некоторым сосудам, сделанным на гончарном круге. Таким образом, прослеживается генетическая связь между лепной и круговой славянской керамикой.

¹ Этот орнамент состоит из параллельных углублений различной ширины. Часто он неправильно называется линейным.

Одновременные находки лепной и круговой керамики, при учете возраста удельного веса первой, дают основание датировать этот слой IX—X вв. Однако для уточнения датировки необходимо учесть и находки отдельных вещей. Все они, кроме одной, не противоречат указанной дате. Среди них следует отметить: костяной гребень с узким ободком, датированный IX—X вв., железный наконечник стрелы листовидной формы, янтарную шестигранную бусу, костяные проколки. Интересен обломок керамического ребристого пряслица. Такие пряслица встречаются исключительно в Прибалтийских землях.¹ Исключение составляет шиферное плоское пряслице из третьего пласта. Эта находка может быть объяснена двояким образом: либо пряслице попало в слой IX—X вв. вследствие перекопа земли (может быть весьма незначительного, произведенного в древности), либо весь материал, в том числе и лепную керамику Пскова, следует датировать не IX—X вв., а по крайней мере X—XI вв. Дальнейшие раскопки помогут уточнить этот вопрос.²

Более поздних культурных напластований на участке раскопа № 1 не было. Они оказались снятыми при Петре I для сооружения земляных бастионов. В первом пласту не вскрыты никаких сооружений. Во втором и третьем пластах обнаружены остатки сильно деформированного очага с мелкими кусочками глиняной обмазки, углями и золой между камнями.

Наиболее интересным результатом работ на раскопе № 1 является открытие в четвертом и пятом пластах остатков деревянной жилой постройки. Она представляет собою деревянный дом или избу, часть стен которой (в четыре венца) хорошо прослежена в южном профиле раскопа. На расстоянии 30—50 см от этой стены в раскопе вскрыты остатки другой стены из двух венцов. В пространстве между первой и второй стенами находился деревянный настил очень плохой сохранности. Вторая стена ограничивала деревянный пол дома, состоявшего из деревянных плах 15—18 см шириной. Пол сохранился только фрагментами (рис. 43). В западной части дома обнаружен деформированный очаг с большим скоплением углей, золы и рыбьей чешуи. Близ очага найдена куча истлевшей щепы (возможно, заготовленное топливо). Размеры вскрытого дома можно определить только приблизительно (7 × 6 м), так как часть его уходит в восточный и северный профили.³

О жилом характере данной постройки свидетельствует не только наличие очага, но и находки на полу дома. Здесь найдены: обломок железного серпа, хлебные зерна, керамические и янтарные пряслица, костяные проколки, буса янтарная, клык бобра и клык дикой свиньи (оба с просверлиной), много рыбьей чешуи и фрагментов керамики.

Датировка дома определяется по вещам и керамике. В четвертом пласту найдено 1250 фрагментов керамики, из которых на долю круговой приходится только 35 фрагментов; остальная — вся лепная. Необходимо отметить, что вся круговая керамика найдена вне территории дома. Эти наблюдения позволяют думать, что обитатели жилища не знали еще круговой керамики.⁴

¹ Б. А. Рыбаков. Сбыт продукции русских ремесленников в X—XIII вв. Ученые записки МГУ, вып. 93, История, кн. 1, 1946, стр. 101.

² Интересно отметить, что в этом слое ни на раскопе № 1, ни на раскопе № 2 не было найдено ни одного фрагмента стеклянных браслетов, хотя в раскопках прежних лет они встречались.

³ Расширение раскопа в 1946 г., по условиям работы, не представлялось возможным.

⁴ Вся основная масса лепной керамики была найдена на территории дома. Так, например, только в квадрате № 2 было найдено 360 фрагментов лепной керамики.

Еще показательнее данные керамики пятого пласта.¹ Всего найдено 418 фрагментов керамики, из которых только один круговой; вся остальная керамика лепная.

Лепная керамика четвертого и пятого пластов по своему характеру значительно отличается от лепной керамики верхних пластов культурного слоя. Если там преобладала керамика тонкостенная, сравнительно хорошей выработки, то здесь чаще встречается грубая по выработке посуда, со значительной примесью дресвы.

Характер керамики и отдельных находок дает основание датировать деревянный дом не позже VIII—IX вв.

Интересные детали этого дома вскрыты при дальнейших его исследованиях. Основанием дома служили деревянные столбы, вертикально вкопанные в землю. Они поддерживали стены дома и пол. Обнаруженные под полом остатки дерева и местами утрамбованной глины свидетельствуют о том, что дом имел подвал с глинобитным и частично с деревянным полом. В квадрате № 7 сохранились деревянные остатки спуска в подвал. Два венца деревянной стены дома, прослеженной в южном профиле, находятся ниже уровня пола и поддерживаются также деревянными столбами.

Вскрытый дом является первой деревянной жилой постройкой Пскова, обнаруженной раскопками. Он свидетельствует о том, что в конце I тысячелетия н. э. древний Псков имел, примерно, такие же жилища, как и Старая Ладога.

Наибольший интерес при исследовании шестого и седьмого пластов представляют находки в них. Здесь найдено 608 фрагментов лепной керамики. Сосуды — толстостенные, с большой примесью дресвы, хрупкие на излом, баночной формы, иногда со слабо выраженным венчиком. На многих фрагментах имеются следы нагара. Земля от большой примеси угля имеет интенсивно-черный цвет. В квадрате № 7 под остатками дерева на глубине 1.38 м от современной поверхности найдены хлебные зерна. В числе отдельных находок (их всего 19) имеются костяные проколки, керамические и каменные пряслица. Одно из них с орнаментом в форме треугольников.

Особого внимания заслуживают находки костяных гребней и костяной трубочки с орнаментом в косую клетку.² Гребень, найденный в квадрате № 2, имеет сравнительно редкие и толстые зубья с одной стороны, которые заканчиваются узким ободком из той же пластинки, украшенной, как и каменное пряслице, орнаментом в форме треугольников. Ободок венчается двумя стилизованными фигурками людей, обращенных головами в разные стороны. Фигурки придают гребню весьма нарядный вид. Другой гребень с обломанными зубьями (также односторонний) имеет высокий и плоский ободок, несколько асимметричной формы, украшенный круглыми ямками и с одним сквозным отверстием для шнура.³

Подобные гребни в славянских памятниках редки. Славянские гребни — трапециевидной формы с двухсторонними зубьями,⁴ поэтому псковские гребни представляются особенно интересными для изучения.

Исключительным явлением при изучении восьмого пласта культурного слоя следует признать находки сетчатой керамики дяковского типа, ко-

¹ В квадратах 2, 3, 5 и 6 пятый пласт покрывал пол дома.

² Подобные трубочки известны в Смоленских длинных курганах. МИА СССР, 1941, вып. 6, стр. 162, табл. VII, 11.

³ Н. Н. Чернягиным при раскопках 1936 г. также был найден гребень с зубьями с одной стороны, заканчивающимися резным пластинчатым ободком.

⁴ А. В. Арциховский. Культурное единство славян в середине века. Сов. этнография, 1946, № 1, стр. 89.

торая встречалась одновременно с лепной славянской керамикой. Последней здесь было найдено 129 фрагментов и сетчатой — 18 фрагментов. Находки отдельных вещей в этом пласту редки. Среди них следует отметить поломанный каменный топор, приспособленный впоследствии для каких-то целей.

В материке раскопа № 1 вскрыто несколько ям. Одна из них около западной стенки раскопа была очажной ямой. Она заполнена черной землей с большой примесью золы и крупных углей. В яме найдено несколько фрагментов сетчатой и славянской лепной керамики и крупная глиняная буса.

Характер культурного слоя на раскопе № 2 несколько отличался от культурного слоя на раскопе № 1. Он начинался с мусорного слоя,¹ состоявшего из сыпучей земли темного цвета с примесью песка и извести. Здесь часто встречался битый кирпич, плитняк, фрагменты печных изразцов (рельефные и поливные), железные гвозди, оконное стекло и современная керамика. Мощность слоя — 50—70 см; его датировка — XVIII—XX вв.

Под слоем строительного мусора обнажился пласт рыхлой земли интенсивно-черного цвета, который по находкам отдельных вещей и керамике можно датировать IX—X вв. Здесь, как и в раскопе № 1, славянская круговая керамика курганного типа встречалась одновременно со славянской лепной керамикой. Здесь же найдены костяные проколки и иглы, пряслица каменные и керамические, кости животных и хлебные зерна.

На поверхности этого слоя вскрыты два очага производственного характера, расположенных на расстоянии 4—5 м друг от друга. Около них найдено более ста железных криц, шлаки, железные гвозди, крючки дверные, очень много обломков железных предметов, чугунное ядро. Этот материал показывает, что очаги не имеют прямого отношения к вскрытому культурному слою и относятся к более позднему времени. Весьма вероятно, что они были основаны при Петре I для военных целей на срезанных пластах культурного слоя. К этому же времени относятся и остатки деревянных построек, от которых сохранились отдельные плахи и столбы. Эти постройки могли служить навесами над очагами.

Нижележащие пласты культурного слоя по характеру находок отличались от слоя IX—X вв. Изменился также и состав земли: появилась примесь песка и глины, земля стала более плотной. В этом слое, на глубине 1—1.2 м от современной поверхности были прослежены остатки нескольких сильно разрушенных очагов и около них глиняные, плотно утрамбованные площадки — остатки глинобитных полов жилищ. В некоторых местах около полов и очагов вскрыты остатки деревянных столбов или ямки от них, а также мелкие куски истлевшего дерева, иногда обугленного. Определить же конструкцию жилища по этим остаткам не представлялось возможным.

В слое найдено много рыбьей чешуи, костей животных, бересты. Керамика — славянская лепная, баночной формы, иногда с выступающими стенками и слабо профилированным венчиком. В подавляющем большинстве сосуды толстостенные, грубой выработки. Найдены фрагменты сосуда с круглыми несквозными ямками близ верхнего края, а также несколько фрагментов с орнаментом из ямок, расположенных в два ряда. Имеются сосуды с зашипным орнаментом по верхнему краю.

В слое найдено много отдельных находок: костяные стрелы дьяковского типа, заготовки для стрел, что показывает местное их производство, ко-

¹ Первые 20—30 см этого слоя были сняты в 1941 г.

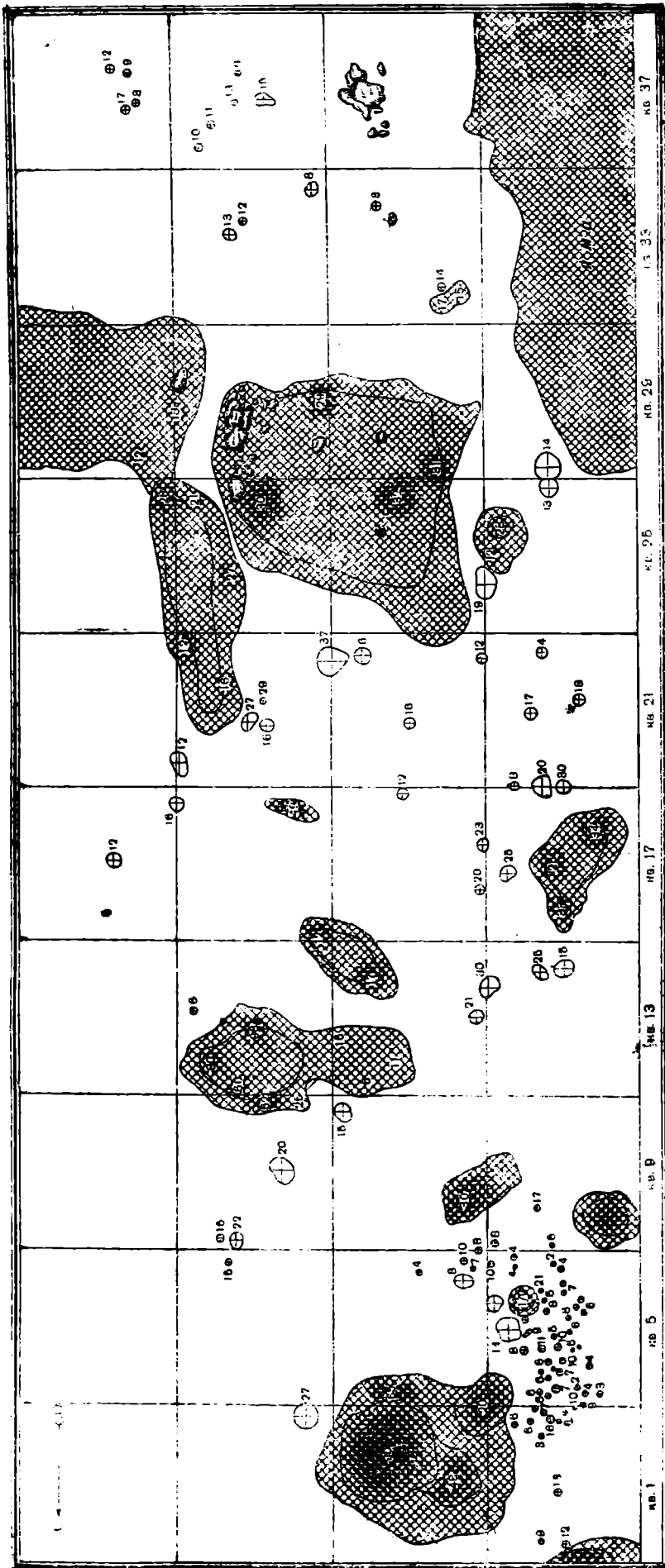

Рис. 44. План раскопа № 2 (цифры обозначают глубину ямок в сантиметрах)

стяные проколки, обломок маленького костяного одностороннего гребня, обломок железного серпа, каменная формочка, тигли, многочисленные каменные, костяные и керамические пряслица (свидетельство широкого развития ткачества среди населения), амулеты — кости животных с просверлиной, бусы, спиральный бронзовый перстень¹ и др. В четырех местах найдены хлебные зерна. Особенно интересной находкой является костяная фигурка уточки. Подобные уточки-подвески, но меньших размеров, встречаются в длинных курганах кривичей.²

Наибольший интерес в раскопе № 2 представляет пласт культурного слоя, лежащий непосредственно на материке на глубине 1.3—1.6 м от современной поверхности (рис. 44). Здесь в земле со значительной примесью глины и песка найдено, как и в раскопе № 1, 189 фрагментов лепной славянской керамики и 46 фрагментов сетчатой керамики дьяковского типа. Важно отметить, что славянская лепная и сетчатая керамика по своей выработке (состав теста, примеси, обжиг) совершенно тождественны. Это наводит на мысль о генетической связи той и другой и вместе с тем ставит вопрос об ее датировке: либо сетчатая керамика у древних обитателей территории Псковского кремля бытовала значительно дольше, чем это принято определять, т. е. до середины I тысячелетия н. э., либо славянскую лепную керамику типа длинных курганов следует датировать не со середины, а с первых веков I тысячелетия н. э. Находки отдельных вещей в этом слое не противоречат этому предположению. Здесь найдены глиняные и каменные пряслица весьма архаической формы. Одно из каменных пряслиц украшено орнаментом в косую насечку и треугольниками. Такие пряслица встречаются на городищах I тысячелетия до н. э. и поздних дьяковских городищах.³ Вместе с тем здесь найдена лунница весьма архаического типа, а также ножевидная кремневая пластинка, клык медведя с просверлиной.⁴

По снятии культурного слоя обнаружили пятна шести больших (различной величины) ям и 107 ямок от столбов, которые группируются около больших ям.

Яма № 1 в квадратах 26, 27, 30, 31 представляет собой полуземлянку глубиной 32 см, с несколько пологими, возможно оплывшими, краями, размером 3 × 3.5 м. Вход в полуземлянку хорошо прослеживается с северо-западной стороны. В юго-восточном углу находится очаг. Расположенные около землянки двойные ямки от столбов свидетельствуют, что основные столбы имели подпорки. Во многих ямках сохранились остатки деревянных столбов. В землянке было найдено 153 фрагмента керамики, в том числе 6 фрагментов сетчатой и одно каменное плоское пряслице.

Из других ям заслуживает внимание яма № 5 в квадратах 14 и 15. Яма овальной формы имеет глубину 90 см при диаметре большой оси 1.5 м. Четко обозначается вход в яму с западной стороны. Стенки ямы обмазаны глиной.

В яме найдено 26 фрагментов лепной керамики. Других находок не было. Можно предполагать, что яма служила для хранения продовольственных запасов.

В культурном слое (на материке) было найдено в разных местах два фрагмента ямочно-гребенчатой керамики. Других признаков культуры ранней бронзы или позднего неолита здесь не обнаружено.

¹ Подобные перстни известны в длинных курганах. МИА СССР, 1941, вып. 6, стр. 151, табл. V.

² Там же, стр. 154, табл. V, 23.

³ Сборник статей по археологии СССР, ГИМ, май, 1938, стр. 124—125.

⁴ Н. Булычев. Журнал раскопок по берегам Оки 1898 года, май, 1899, табл. IV, 15.

На основании раскопок 1946 г. в Псковском кремле можно сделать следующие выводы:

1. Поселение здесь существовало непрерывно в течение всего I тысячелетия н. э. На базе этого поселения и возник город Псков.

2. Найденный материал определенно указывает, что здесь обитали славяне-кривичи.

3. В течение I тысячелетия н. э. прослеживаются три типа жилищ: полуземлянки (наиболее раннего времени), жилища с глинобитными полами, которые приблизительно можно датировать серединой I тысячелетия н. э., и деревянные дома VIII—IX вв. с такими же полами.

4. Находки хлебных зерен (раскоп № 1, пласт 7 и раскоп № 2, слой 3), а также обломки железных серпов показывают, что население здесь издревле занималось земледелием. Охота по сравнению с животноводством занимала весьма незначительное место. Изучение костных остатков, произведенное В. И. Цалкиным, показывает, что в нижних пластах культурного слоя на долю домашних животных приходится 92% и лишь 8% на долю диких животных. Большую роль в хозяйстве играло рыболовство, о чем свидетельствуют многочисленные находки рыбьей чешуи и костей рыб.

5. Многочисленные находки пряслиц (каменных, глиняных и костяных) указывают на широкое развитие ткачества. Предметы украшения и оружие в основном изготовлялись на месте (литейная формочка, тигли, костяные стрелы).

6. О религиозных представлениях населения говорят находки амулетов — клыков диких животных и собак.

М. Г. РАБИНОВИЧ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В МОСКВЕ

Москва — один из интереснейших объектов для археологических исследований, однако она была и остается до настоящего времени недостаточно изученной в археологическом отношении. Одна из главных причин, по которым в Москве не производилось специальных археологических раскопок, это — трудность производства работ в городе, где наиболее древние и интересные в археологическом отношении районы густо застроены большими каменными зданиями и где культурный слой ежегодно перекапывается при различных строительных работах. Поэтому археологическое изучение Москвы до недавнего времени ограничивалось случайными находками. Начало планомерному изучению культурного слоя столицы было положено археологическими наблюдениями на строительстве первой очереди Московского метрополитена. С тех пор неоднократно практиковались такие наблюдения за земляными работами на крупных строительствах, но специальные археологические раскопки в Москве были впервые проведены лишь в 1946 г., в связи с приближающимся 800-летием города.

Главным объектом исследований 1946 г. было устье р. Яузы. Район этот представляет для историков и археологов большой интерес. Здесь, «на месте... именно московском» — одно из сказаний о начале Москвы, принадлежащее перу дьякона Каменевича-Рвовского (конец XVII в.), помещает первоначальный «градец». Определение Каменевичем-Рвовским места древнего городка в устье Яузы базируется, по мнению ряда исследователей, на каких-то более древних преданиях. Во всяком случае, еще в конце XV в. в губной грамоте (1486 г.) холм в устье Яузы назван «городищем».¹

Поставленные в 1940 г. у подножья холма, на Котельнической набережной, археологические наблюдения за земляными работами при строительстве большого дома дали наряду с материалом XVI—XVIII вв., относящимся к бытовавшей здесь в этот период Гончарной слободе, некоторые древние предметы, указывающие на существование где-то поблизости, вероятно на вершине холма, более раннего культурного слоя.²

Раскопки 1946 г. производились экспедицией, организованной ИИМК

¹ Подробнее об этом см.: И. Е. Забелин. История города Москвы, ч. 1. М., 1905, стр. 66; М. Н. Тихомиров. Начало Москвы. Журн. «Преподавание истории в школе», 1946, № 2; М. Г. Рабинович. К вопросу о начале Москвы. Журн. «Вестник Академии Наук», 1947, № 4.

² Краткое сообщение об этих работах см.: М. Г. Рабинович. Московские гончары. КС ИЭ АН СССР, М., 1946, вып. I; Подробный отчет М. Г. Рабинсвиза. Гончарная слобода в Москве XVI—XVIII вв. МИА СССР, М., 1947, № 7, стр. 55 и сл.

совместно с Музеем истории и реконструкции Москвы при Мосгорисполкоме.¹

Холм в устье Яузы и теперь, несмотря на то, что вершина его, как оказалось, несколько срезана, а берег реки у его подножья подсыпан, отличается значительной высотой (22—23 м над уровнем набережных) и крутыми склонами. Он удобен для городища.

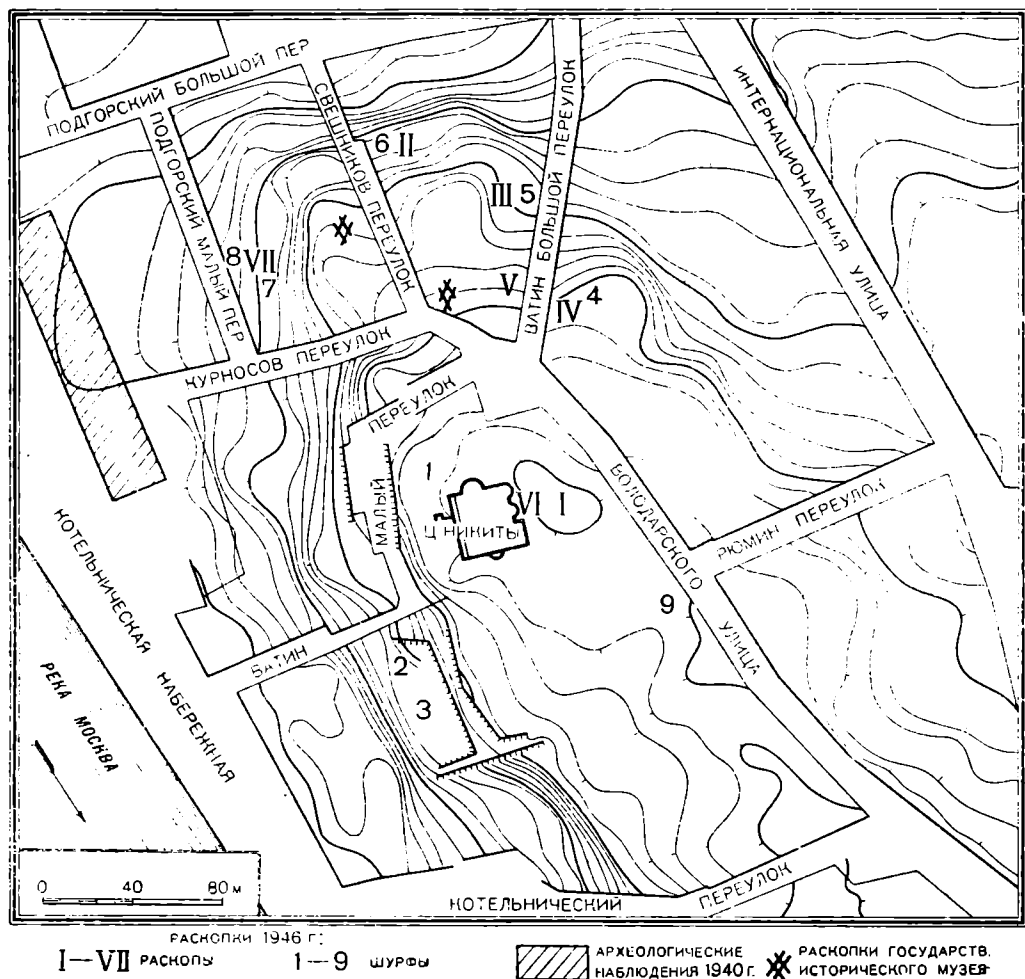

Рис. 45. План района работ в устье р. Яузы (сечение горизонталями через 1 м.)

Археологические исследования 1946 г. имели две основные задачи — выяснить наличие или отсутствие на холме в устье Яузы древнего культурного слоя, относящегося к начальной истории Москвы, и изучить более поздние культурные слои, связанные с бывшим здесь в XVI—XVIII вв. важным ремесленным районом города. На холме было заложено 7 раскопов и 9 разведочных шурфов (рис. 45).

Раскопки были начаты с исследования центральной площади городища у церкви «Никиты бесов мучителя». Приведенное нами сказание о начале Москвы отмечает, что древний городок находился там, где стоит эта церковь. Она неоднократно упомянута в летописях — впервые под 1476 г., затем под 1533 г. Первое достоверное известие о постройке каменной церкви

¹ В экспедиции, кроме автора настоящей статьи, принимали участие научные сотрудники Л. А. Ельницкий, П. И. Засурцев, А. В. Никитин, А. И. Першиц и В. Б. Гиршберг. В качестве ученых консультантов в работе приняли участие С. К. Богоявленский, А. В. Филиппов и М. А. Ильин.

относится к 1595 г. Затем имеются сведения о пристройке южной части церкви и шатровой колокольни в 1684 г., переустройстве куполов и кровли церкви в 1740 г. и пристройке северного придела церкви в 1878 г.¹

То обстоятельство, что нам были известны даты постройки каменной церкви и ее перестроек, позволило выяснить строительные слои, соответствующие этим датам, и таким образом выяснить стратиграфию культурного слоя на вершине холма и датировать массовый материал. В западном профиле раскопа (рис. 46) ясно различимы верхний слой (I), состоящий из шлака и строительного мусора XIX и XX вв., и отделенный от него песчаной прослойкой следующий слой (II) бурой сыпучей земли, датируемый по найденным в нем монетам 1711 и 1757 гг. На глубине 0.90—0.95 м

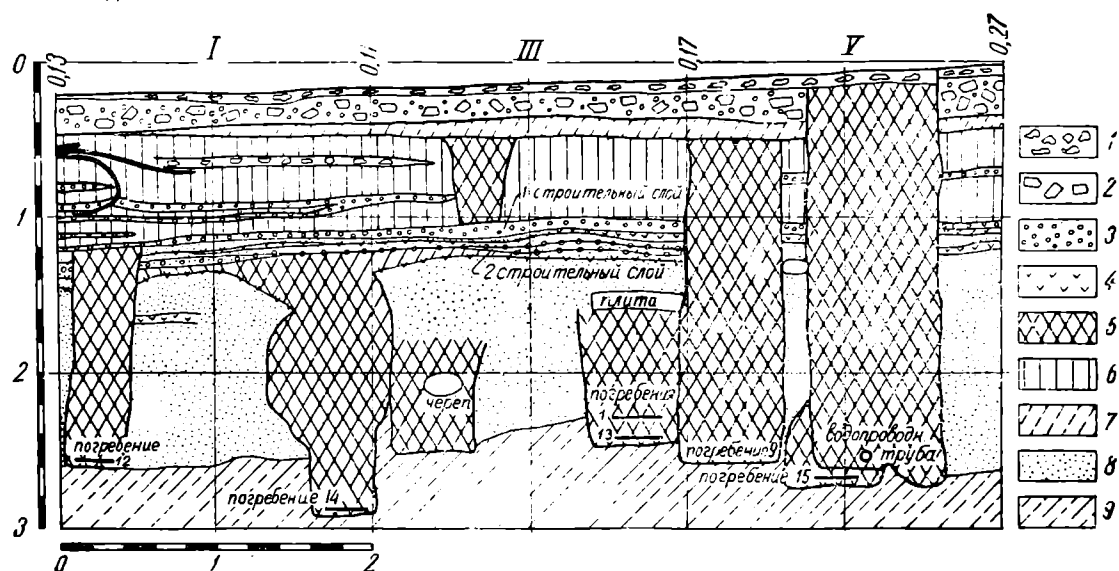

Рис. 46 Раскоп № 1, западный профиль

Условные обозначения:

1—шлак; 2—кирпич; 3—известь; 4—уголь; 5—перекоп; 6—светло-бурая земля; 7—желтый песок; 8—желто-серый гумированный песок; 9—желтый материковый песок.

прослежены строительные слои церкви в виде двух прослоек извести. Верхняя прослойка, более мощная (10—15 см), названа нами условно первым строительным слоем, нижняя, толщиной не более 4 см — вторым строительным слоем. Обнаруженная в соседнем районе могильная плита кольчужного мастера с надписью и датой — 7104 (1596) г. лежала непосредственно на втором строительном слое. Это обстоятельство позволило датировать второй строительный слой временем постройки каменной церкви — 1595 г., а первый строительный слой, соответственно, — временем пристройки южной части церкви — 1684 г. Строительного слоя, соответствующего ремонту 1740 г., не обнаружено.

Строительный слой 1878 г. в раскопе I отсутствует, но хорошо прослеживается в профиле раскопа VI, заложенного у самой церкви. Таким образом, слой III, заключающийся между I и II строительными слоями, датируется XVII в. (1595—1684), а начинающийся непосредственно под нижней прослойкой извести слой желто-серого гумированного песка (IV) должен быть отнесен к более раннему времени. Дату этого слоя помогают нам установить найденные на глубине 1.35—1.60 м от современной поверхности земли могильные плиты с зубчатым орнаментом, характерным для первой половины XVI в.² Расположение этих плит позволило проследить

¹ М. Г. Рабинович. К вопросу о начале Москвы, а также архив М. И. Александровского, хранящийся в ГИМ, № 78.

² А. В. Арциховский. Надписи, найденные на Метрострое. Сборник «По трассе первой очереди Московского метрополитена», М., 1936, стр. 160—165.

уровень дневной поверхности того времени. Горизонт, находящийся выше этого уровня, можно ориентировочно датировать второй половиной XVI в. (до 1595 г.), а нижний горизонт — временем более ранним. Он лежит уже непосредственно на желтом материковом песке.

Прослеженная таким образом стратиграфия позволила датировать массовый материал и прежде всего различные типы керамики. Поливная керамика встречается только в двух верхних слоях I и II, датированных XVIII и XIX—XX вв. Ни в III, ни в IV слоях поливной керамики не встречается вовсе. Здесь встречаются лишь отдельные поливные предметы (лампадки, изразцы), датированные временем не ранее середины XVII в.

Лощеная керамика встречается во всех четырех слоях. Она отсутствует только в нижнем горизонте IV слоя и в погребениях под плитами первой половины XVI в. Это обстоятельство позволяет нам уточнить дату распространения в Москве лощеной керамики. При работах на строительстве Метрополитена лощеные кувшины найдены в колодцах на Моховой с топорами XVI в. и в культурном слое Красного села с монетой Бориса Годунова.¹ В Историческом музее хранится ряд лощеных сосудов, в которых были зарыты клады. Наиболее ранний из них № 7—8628 датируется по монетам Василия III (ум. в 1533 г.) — тридцатыми годами XVI в.²

Таким образом, начало производства лощеной посуды в Москве следует, на основании сопоставления приведенных материалов с результатами наших раскопок, датировать серединой XVI в. Расцвет производства лощеной посуды приходится, повидимому, на XVII в., отдельные же лощеные сосуды встречаются и в середине XIX в. Но восстановительный обжиг, в результате которого керамика приобретает темный, даже черный цвет, применялся московскими гончарами и раньше середины XVI в., так как мореная nelloщенная керамика встречается и в нижнем горизонте IV слоя, и в погребениях под плитами, где лощеная керамика отсутствует.

Наиболее распространена среди наших находок грубая красная керамика с шероховатой поверхностью, зачастую с линейным орнаментом и довольно сильно отогнутым профилем, напоминающим курганный. Керамика эта, среди которой преобладают горшки и миски с полой глиняной ручкой, встречается во всех слоях и вместе с морёной доминирует в нижнем горизонте IV слоя. Для исследуемого нами района этот тип, очевидно, наиболее древний и связывает нашу городскую керамику XVI—XVII вв. с керамикой курганного типа. Этой последней в раскопках 1946 г. найдено всего несколько фрагментов, каждый раз во вторичном залегании.

Дважды встречены также фрагменты венчиков толстостенных, закопченных с наружной стороны сосудов, со слабо отогнутым краем, довольно высокой шейкой и характерным переломом при переходе шейки в тулово (№№ 6995 и 2642 по коллекционной описи). На одном из них орнамент ямочный, на другом — волнистый. Этот тип сосудов, встречающийся среди материала древнерусских городов, очевидно, также древнее остальных.

Грубая керамика, сделанная из белой глины (излюбленной формой ее были кувшины с прямым венчиком, носком для слива жидкости и небрежно прилепленной ручкой), господствует в слоях III и верхнем горизонте IV и отсутствует в слоях I и II (за исключением перекопов), в погребениях и нижнем горизонте IV слоя. Мы предполагаем для нее поэтому дату середины XVI—XVII вв. Ранняя дата этих сосудов (XIV—XV вв.),

¹ А. В. Арциховский. Находки в колодцах на Моховой. Указ. сборник, стр. 134; А. П. Смирнов. Красное село. Там же, стр. 132.

² Сведения о кладе сообщены мне сотрудницей ГИМ С. А. Мец, подготовившей к печати специальную работу об этих кладах.

прослеженная М. В. Воеводским¹ по памятникам центральных областей, на нашем материале не подтверждается. Другие же его выводы о распространении в Москве ножного гончарного круга и поливной посуды в XVIII в.² на нашем материале могут быть лишь несколько уточнены. Поливная посуда получила широкое распространение, очевидно, не в конце XVIII в., но уже в самом начале его, а отдельные поливные сосуды встречаются и в конце XVII в. В наших раскопках поливная керамика преобладает в слоях I и II и отсутствует в остальных. Поливная керамика, как правило, изготовлена на ножном гончарном круге, остальные же типы керамики, встреченные в наших раскопках,— на ручном круге, и только единичные лощеные сосуды имеют днище, срезанное ниткой.

За ограниченностью места здесь не дается более подробной характеристики керамики.

Для изучения техники производства московских гончаров особый интерес представляет гончарный комплекс, открытый в раскопе № 4 (рис. 47). Здесь был расчищен гончарный горн оригинальной конструкции. Горн «ямного» типа был врыт в землю на глубину до 1 м. Он имел прямоугольную форму, достигая в длину 2.65 м и в ширину 2.16 м. Размеры внутренней части горна, непосредственно загружавшейся посудой, — 1.61 × 1.54 м. Топки (их было две, расположенные рядом) были обращены на ЮЗ, в сторону кручи холма, и имели сводчатую форму при длине 0.68 м, ширине 0.48 м и высоте 0.56 м каждая. Наличие двух топок обеспечивало равномерный обжиг посуды, а направление их в сторону кручи, благодаря чему оказалось нужным вырыть для топок специальную яму, из которой они могли загружаться топливом, вероятно, было вызвано необходимостью защитить топки от ветра.

Кладка горна состоит из маломерного кирпича (23 × 13 × 6 см) и толстой глиняной обмазки, опиравшейся, очевидно, на стенки ямы. Горн был разрушен при позднейших земляных работах, и расчистка его завала не позволила поэтому установить детали конструкции, в частности устройство колосников и каналов для тока горячего воздуха. Но имеющиеся в нашем распоряжении описания гончарных горнов кустарей Гжели (XIX в.) и быв. Подольской губ. дают нам весьма сходную с нашим горном картину,³ если не считать наличия двух топок, которые отличают его от всех раскопанных до настоящего времени на территории СССР гончарных печей,⁴ и от горнов кустарей-горшечников XIX и XX вв.

На расстоянии 4—5 м к западу от горна было обнаружено большое скопление (78) обломков толстостенных глиняных сосудов (толщина стенок до 4 см). Черепок этих сосудов в изломе красный, глиняное тесто — с большой примесью песка. На внутренних (а зачастую и на наружных) стенках сосудов — полива, иногда — в виде неправильных потеков. На фрагментах таких сосудов, на которых не было поливы, она выступала после дополнительного обжига.⁵ Очевидно, внутренняя поверхность сосуда была покрыта составом, оплавившимся при дополнительном обжиге.

¹ М. В. Воеводский. Глиняная посуда Москвы XVI—XVIII вв. по материалам, собранным на работах Метростроя. Указ. сборник, стр. 169.

² Там же, стр. 165.

³ А. Исаев. Великооусское племя Московской области. Живописная Россия, т. VI, вып. 2, стр. 52—53; Ю. А. Самарин. Подольские гончары, М., 1929, стр. 22—24.

⁴ Ср. А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы, т. I, 1938, стр. 13; В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи, М.—Л., 1934, стр. 27, 54—57; 59, 67 и др.

⁵ Работы по технологическому исследованию керамики, найденной в 1946 г., произведены в керамической лаборатории Академии архитектуры СССР под руководством А. В. Филиппова.

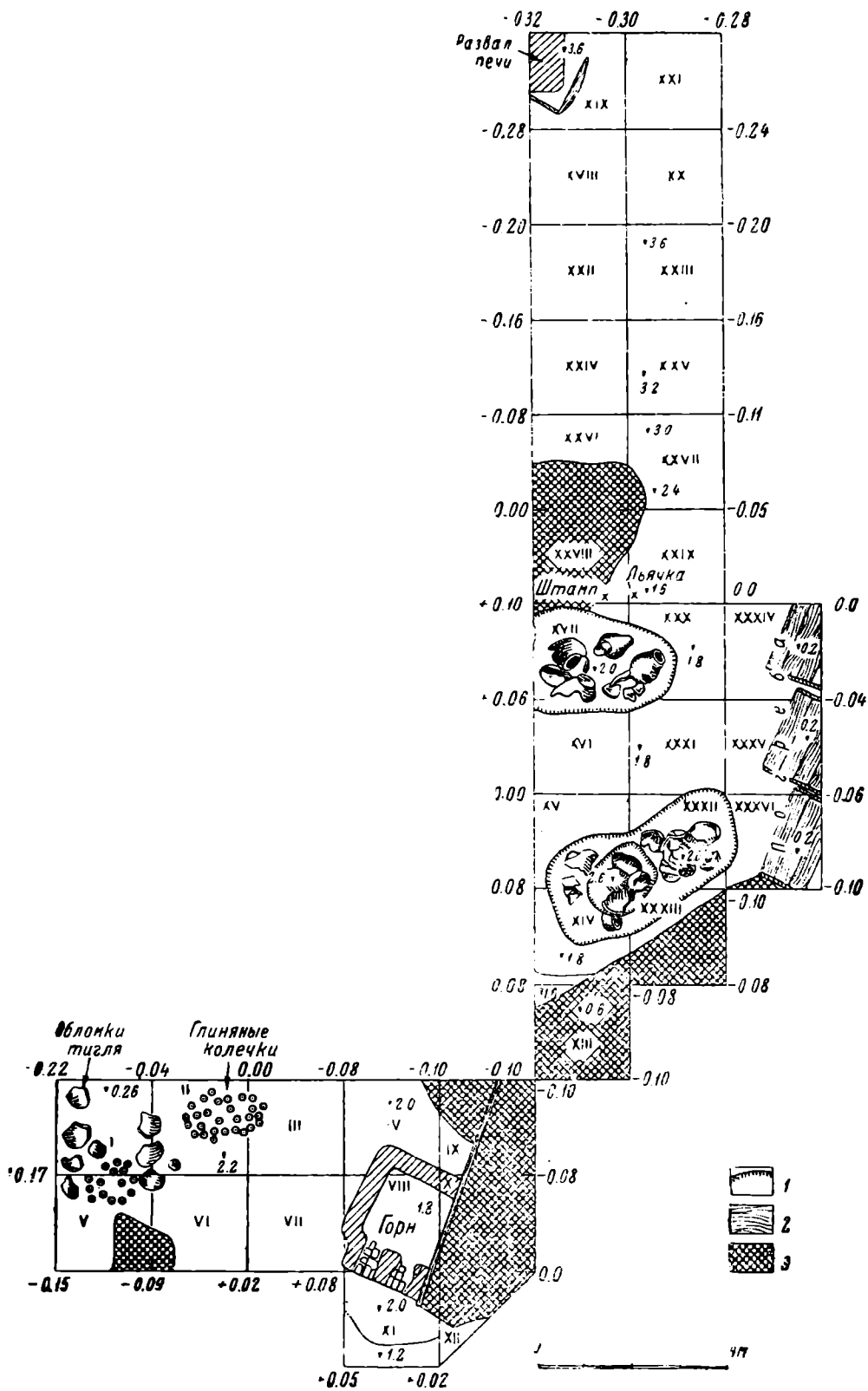

Рис. 47. Раскоп № 4, план с указанием важнейших объектов:
 1—яма для сракованной посуды; 2—дерево; 3— перекоп (цифры обозначают глубину)

О форме сосудов дают понятие фрагменты их краев и днищ. Некоторые сосуды были, очевидно, круглодонными, полусферическими, другие, как на то указывают фрагменты днищ, сохранившие правильно срезанный прямой край, были плоскодонными и составлялись из нескольких частей, пригнавшихся друг к другу впритык. В сосудах этих, по всей вероятности, приготавливали зеленую поливу, которая покрывает их внутренние стенки, а иногда в виде неправильных потеков видна и на наружных. Приготовление поливы в больших толстостенных сосудах «корчагах» прослежено Ю. А. Самариним у гончаров быв. Подольской губ. в 1928 г.¹ Составные части поливы здесь растирали пестиком и замешивали водой, в результате чего получалась тестообразная масса, которая затем наносилась на изделия.

Какие же изделия покрывались поливой в нашей мастерской? Рядом с обломками толстостенных сосудов найдено большое количество глиняных колечек. Наружный диаметр их 1.9—2.2 см, внутренний — 0.6—0.7 см, толщина 0.5—0.6 см. По своей форме и размерам эти колечки больше всего напоминают «костяшки» от счетов. Возможно, что таково и было их применение. Приборы, сходные со счетами, состоявшие из бечевки с нанизанными на них костяшками, были известны в древней Руси. На них велся т. наз. дощатый счет: «им всякий торговый счет сочтет и сошный и померной и весчей и денежной всякий счет по всяким статьям и в долях».² Распространенность этого способа вычислений при помощи «дощатого счета», кстати сказать, чуждого Западной Европе, требовала, вероятно, большого количества «костяшек». Самое название это, как видно из наших материалов, и в ту пору было условным, и «костяшки» счетов XVII в. могли быть не костяными, а глиняными, так же как наши современные «костяшки» деревянные. Эти «костяшки», очевидно, покрывались поливой путем опускания в найденные нами сосуды. На стенках сосудов найдены прилипшие колечки.

Весь этот гончарный комплекс можно датировать по керамике серединой XVII в. Лощеная керамика здесь преобладает, но известно уже и применение поливы. Ассортимент изделий открытой нами гончарной мастерской ясно выявился при исследовании района к северу от горна. На расстоянии, примерно, 10 м от задней его стенки обнаружены две ямы в материке, площадью 6—8 м² каждая (рис. 47), глубиной 40—80 см. Обе ямы были наполнены бракованной посудой. Из ям извлечено более 6000 фрагментов сосудов и несколько десятков сосудов, сохранивших полностью свою форму. Все сосуды лопнули или покоробились при обжиге в горне. Здесь встречаются сосуды различных форм — кувшины, бутылки с округлым туловом («кубышки»), «кумганы» (сосуды с высоким носком), миски, лохани, ручной мойники и горшки, крышки сосудов и даже фасонный кирпич. Целые сосуды, как правило, потрескались или покоробились во время обжига (рис. 48а). Сосуды лощеные, ангобированные, а также грубые красные и грубые белые. Все они сделаны на ручном гончарном круге. Некоторые из них имеют на днищах клеймо — круг со вписанным в него крестом. Таких клейм встречено до 40. Большая часть из них — в описанных нами ямах, некоторые — в самом завале горна; единичные находки — в других раскопах, на расстоянии около 100 м от горна.³

Клеймо в виде круга со вписанным в него крестом было распространено

¹ Ю. А. Самарин. Указ. соч., стр. 24.

² Описание прибора цитировано по Б. В. Гнеденко. Очерки по истории математики в России, М.—Л., 1946, стр. 48.

³ Вид горна и клейма на днищах сосудов опубликованы в статье М. Г. Рабинович: «Археологические находки в Москве». Журн. Наука и жизнь, 1947 г., № 5.

на Руси с древнейших времен до наших дней.¹ Клейма этой конфигурации встречены при раскопках и в старой Рязани, и в Смоленщине, и в Киеве. Б. А. Куфтин видел такие клейма у гончаров Дмитровского уезда еще в 1928—1929 гг.²

Находка клейм в обеих ямах и в завале горна доказывает, что ямы являлись складом бракованной продукции той самой мастерской, к которой принадлежал и горн. Главным видом продукции мастерской была глиняная посуда различных форм и сортов. Но мастерская выделывала и глиняные игрушки, фрагменты которых найдены и в самом горне и в прилегающем районе. Игрушки эти тех же типов, что встречены и в других раскопках. Их найдено более 220 (в том числе 87 фигурок лошади, 35 человеческих фигурок, 31 фигурка медведя, 4 фигурки птиц и 70 неопределимых фрагментов).

Человеческие фигурки — мужчины в рубахах без пояса и в штанах, заправленных в сапоги с неизменно загнутыми кверху носками; женщины — в длинных «до полу» платьях, так что ноги не изображаются вовсе. Траптовка лиц фигурок чрезвычайно примитивна (рис. 48), но поза и движение схвачены обычно весьма верно. Иногда игрушки представляют как бы карикатуру на людей. Фигурки лошадей отличаются характерным выгибом шеи. На некоторых из них нарисована коричневой краской по белому ангобу упряжь. Лошади изображались верховыми и упряжными. Фигурки медведей (как правило, в намордниках) — весьма реалистичны.³

Владельцу мастерской, очевидно, не было чуждо и производство изразцов и строительных материалов. На это указывают находки в складе брака фасонного кирпича и рядом с этой ямой — штампа из обожженной глины с вырезанным на нем изображением птицы. Штамп этот, представляющий в своей рабочей части круг диаметром 5 см, очевидно, служил для оттискивания изображения на изразцах. Найденная тут же остродонная чашечка с ушком могла служить для нанесения на изразцы поливы.

Образцы продукции гончарной слободы в области производства изразцов дают находки в разных местах холма изразцов, их фрагментов и полуфабрикатов. В 1946 г., как и в 1940 г., были встречены все виды древнерусских изразцов, так называемые «красные» терракотовые изразцы, зеленые «муравленные», полихромно-рельефные — «ценинные», и расписные. Особый интерес представляет расчищенный в северной части раскопа IV завал изразцовой печи, погибшей при пожаре. Как удалось установить, в печи были одновременно и «красные» и «муравленные» и «ценинные» изразцы. Это обстоятельство позволяет установить, что строгих хронологических границ между различными видами изразцов не было и что в 60-х годах XVII в. могли сосуществовать в одном агрегате различные виды изразцов.

На склоне холма, спускающемся к Москва-реке (Подгорский пер.), в раскопе VII были обнаружены остатки деревянного строения. Строение это погибло от пожара; обуглившиеся остатки его сохранились, хотя вообще дерево в этом районе в земле не сохраняется. Расчищенное строение представляло собой сруб размером 4.2 м в направлении с севера на юг, по всей вероятности, квадратное в плане (сохранились только три стены), ориентированный почти точно по странам света и врытый в материковый

¹ Б. А. Рыбаков. Сбыт продукции русских ремесленников в X—XIII вв. Ученые записки МГУ, М., 1946, вып. 93, кн. 1, стр. 68.

² А. А. Мансуров. Старорязанские и пронские гончарные клейма. Сов. археология, М.—Л., 1946, вып. VIII, стр. 295, табл. II; Б. А. Куфтин и А. М. Россова. У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов. Московский краевед, 1929, вып. 5, рис. 11.

³ Более подробный обзор глиняных игрушек см. М. Г. Рабинович. Гончарная слобода в Москве XVI—XVIII вв. МИА, 1947, № 7, стр. 69 и сл.

песок на 20—25 см, причем песок, выброшенный из ямы, был присыпан к стенкам сруба, образуя как бы завалинку. Под остатками обрушившейся кровли сохранились лишь следы пола строения. Дверь была, очевидно, в

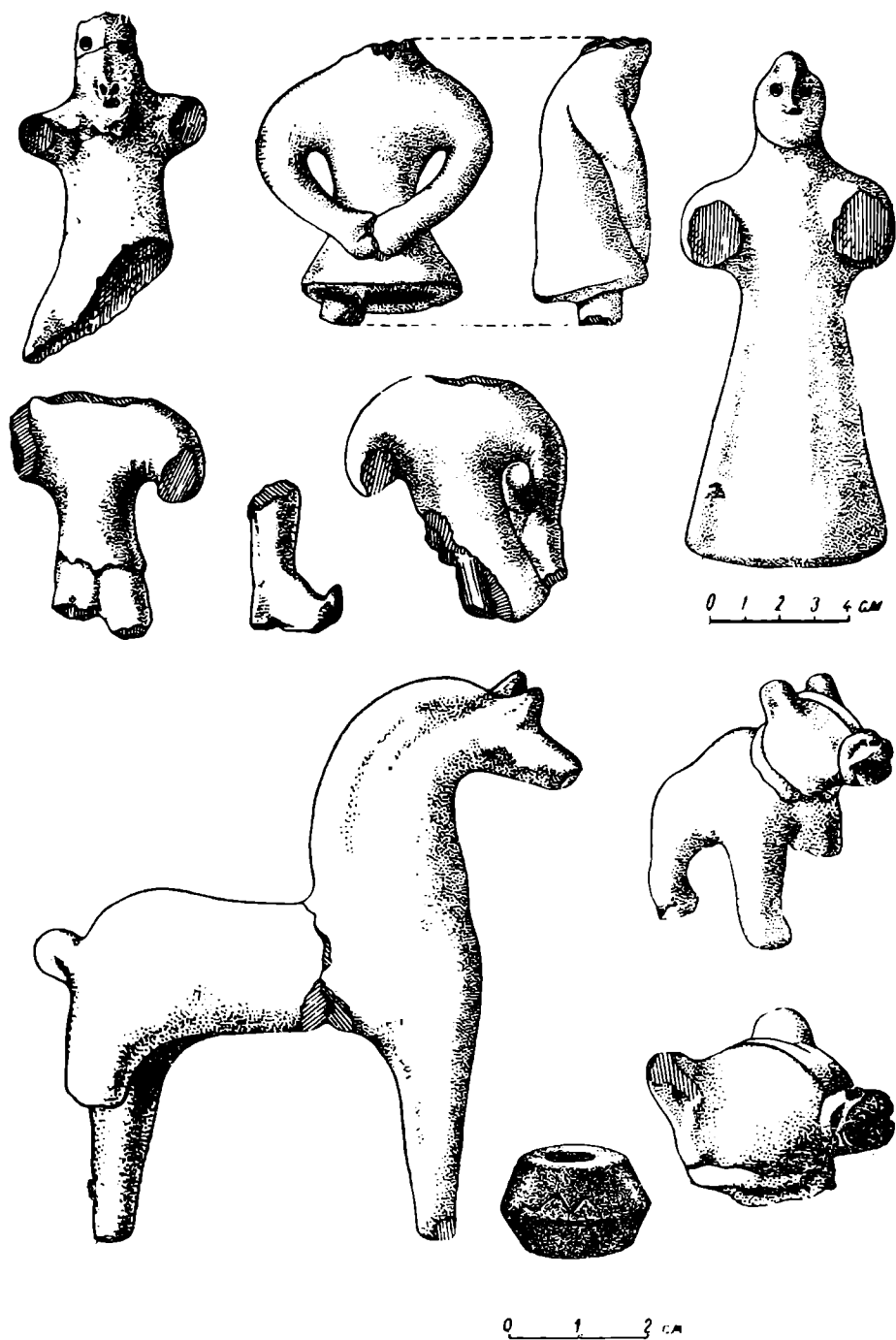

Рис. 48. Глиняные игрушки и пряслице

восточной стене строения, так как здесь обнаружены ее остатки с железным внутренним замком. Кусочки слюды, найденные у южной стены сруба, возможно, являются остатками окна.

Под завалом западной стенки сруба найден четырехконечный медный наперсный крест 9×6.5 см, по клеймам на его концах датируемый пери-

одом с конца XV до середины XVI в.¹ При расчистке пола строения обнаружены также кусок обуглившегося хлеба и скопление фрагментов керамики — 16 грубой красной и 11 грубой белой керамики. Эта находка подтверждает дату сооружения по кресту — конец XV — начало XVI в. Под полом строения были обнаружены в большом количестве обуглившиеся зерна злаков — частично рассыпанные, частично же сохранившиеся в бочках. Удалось выяснить следы бочки диаметром 56 см, оставшиеся в материковом песке, днище бочонка, диаметром 30 см и остатки днища другого бочонка, к доскам которого прилипли зерна пшена. В бочке и бочонке зерна злаков оказались перемешанными. По подсчетам И. И. Никишина, в пробе зерна, взятой со дна бочонка, оказалось 29 зерен ржи, 32 зерна ячменя и 5 зерен овса. В другом скоплении зерен из, примерно, 3 кг зерна оказалось 80—85% ржи, 12—18% ячменя и 1—2% мягкой пшеницы. Кроме того, встречены единичные зерна овса, гречихи, бобовых растений и сорняков. Очевидно, мы имеем дело с хранившимися в подполье домашними запасами. Хранение зерна в бочках и бочонках в древней Руси известно и по изображениям на миниатюрах.²

К вскрытой нами постройке примыкал забор из кольев, обвитых плетнем. Забор огораживал, очевидно, скотный двор; здесь обнаружен слой навоза, подковки, какими подковываются иногда волю, а также фрагменты плетня, куски рогожи и носок лаптя. В 1947 г. к западу от скотного двора удалось вскрыть погреб, явно современный постройке, открытой в 1946 г. Таким образом, была исследована полностью эта усадьба горожанина XV—XVI в.

В раскопе VII была обнаружена еще одна находка, которая заслуживает особого разбора. При зачистке восточного профиля квадрата II В на глубине 0.50 м было найдено пряслице из розового шифера. Оно имеет обычную для этого рода пряслиц биконическую форму. На поверхности его — значок владельца в виде змейки. Пряслица из розового шифера, как это выяснено еще в работах Оссовского и Мельник,³ могли производиться только на Волыни в районе Овруча, где находится единственное месторождение этого минерала. В окрестностях Овруча и в Киеве на Флоровской горе раскопками открыты мастерские этих пряслиц. Отсюда они распространялись по всей древней Руси, а также в Польше и в Волжской Болгарии. Автор работы о шиферных пряслицах, Б. А. Рыбаков, определяет время распространения шиферных пряслиц с XI в. до середины XIII в. «В послемонгольскую эпоху, — пишет он, — выделка шиферных пряслиц и торговля ими совершенно прекратилась, и русские женщины вновь вернулись к глиняным».⁴

Рассматриваемое нами пряслице найдено в верхнем слое раскопа VII, датированном XVIII—XIX вв., явно во вторичном залегании. По всей вероятности, оно было смыто вниз с вершины холма. Но эта находка указывает вполне определенно на наличие в исследованном нами районе домонгольского культурного слоя. К этому же слою могут относиться и находимые нами в разных местах городища фрагменты керамики курганного типа.

Домонгольский слой не сохранился на вершине холма, потому что земля здесь все время перекапывалась, начиная с XVI—XVII вв., когда

¹ В. Н. Перегин. О некоторых основах для датировки древне-русского художественного литья, Л., 1933, стр. 44—45.

² А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник, М., 1944, стр. 93.

³ Г. О. Оссовский. Откуда привозился красный шифер... Труды III АС, М., 1878, т. I.

⁴ Б. А. Рыбаков. Овручские пряслица. Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, М., 1946, вып. 4, стр. 26.

гончары брали здесь песок и рыли на городище ямы для своих горнов и бракованных изделий, и кснчая XX в., когда здесь шло строительство крупных каменных зданий.

Наличие следов домонгольского культурного слоя говорит о существовании в устье Яузы какого-то поселения еще до монгольского нашествия. Поселение это было, по крайней мере, современным Москве Юрия Долгорукого.

Таким образом, в результате раскопок в устье Яузы в 1946 г. гипотеза о наличии здесь одного из древнейших московских поселений получила некоторое подтверждение.

Рис. 48а. Посуда — брак производства.

Дальнейшие исследования в устье р. Яузы имеют целью окончательное обследование городища и обнаружение остатков домонгольского культурного слоя, если таковые еще где-либо сохранились. Центральным же объектом дальнейших археологических работ в Москве должен стать другой интереснейший в археологическом отношении район Москвы — Зарядье. Разведки, произведенные нами здесь в 1941 и 1946 гг., обнаружили мощный культурный слой (5—6 м), нарушенный только в верхней трети и сохраняющий в себе, благодаря своей влажности, дерево и другие органические остатки. Деревянные строения важного торгового района города, примыкавшего к «Великой улице», могут быть открыты и исследованы.

Эта перспектива делает археологические раскопки в Зарядье делом первостепенной важности для изучения истории Москвы.

В. Н. ЧЕРНЕЦОВ

О РАБОТАХ МАНГАЗЕЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Летом 1946 г. была организована археологическая экспедиция в Ямало-Ненецкий округ, основной целью которой было найти остатки древнего

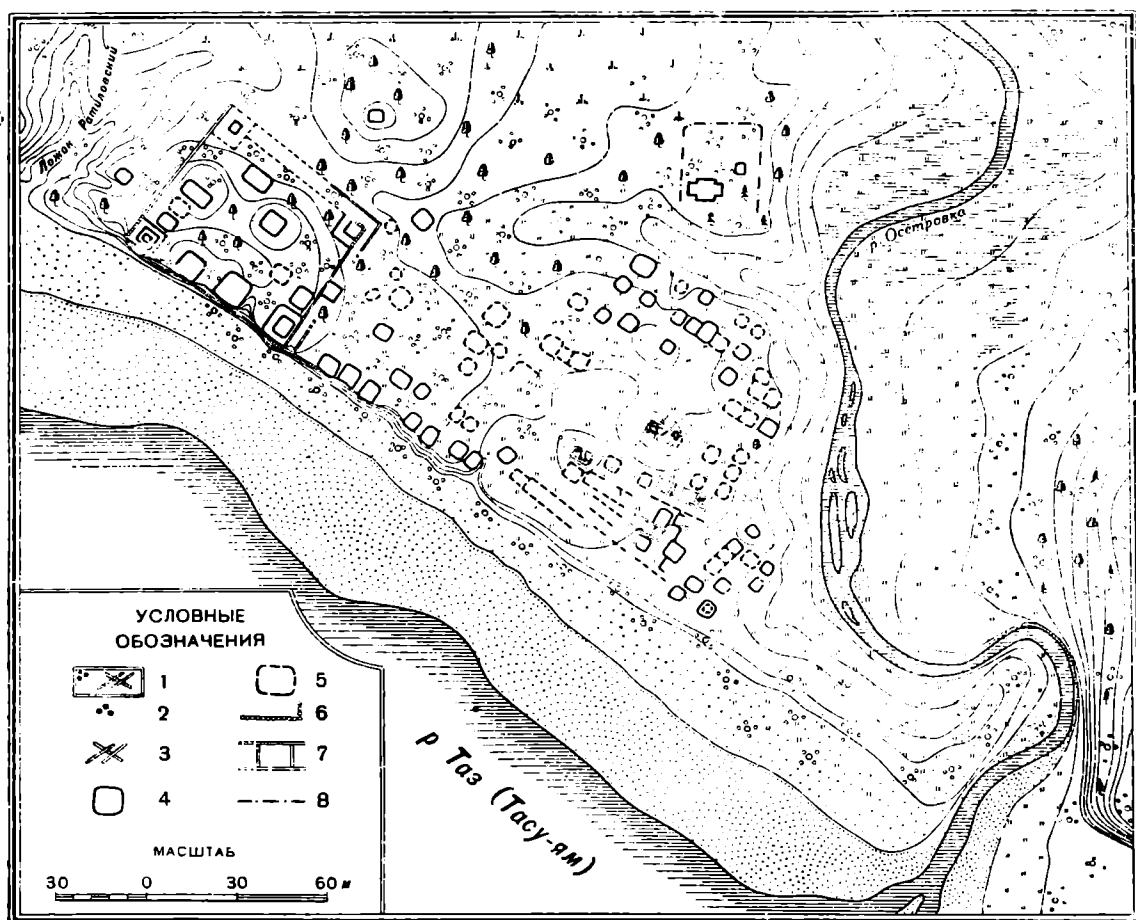

Рис. 49. План остатков древнего гор. Мангазеи

1—сохранившиеся срубы домов; 2—камни от очага; 3—бревна; 4—ямы, оставшиеся от построек; 5—плохо различимые следы построек; 6—сваи; 7—канавки от срубов стены; 8—границы кладбища

города Мангазеи и произвести там предварительные разведки¹ (рис. 49). По указу царя Бориса Годунова, на р. Таз, впадающей в губу того же

¹ В составе экспедиции работали: В. Н. Чернецов (руководитель), В. П. Левашова, В. И. Мошинская и Н. Трошкова.

названия, в 300 км от устья был основан город, получивший, по имени ненецкого рода Монканси, название Мангазея. Благодаря пушным богатствам края и своему портовому характеру (в порт приходили даже иностранные корабли) город быстро разросся и стал немаловажным конкурентом в торговле столице Сибири — Тобольску. Вероятно, вследствие этого со стороны тобольских воевод последовали жалобы к царю, мотивированные опасностью частого посещения этой окраины иностранцами. Жалобы эти привели к тому, что заморская торговля была запрещена, административный центр перенесен на устье р. Турухан, а в 1675 г. туда же, в Новую Мангазею (так именовался тогда нынешний Старый Туруханск), было переведено и остававшееся в старом городе население. Просуществовав около 75 лет, город заглох и постепенно исчез с лица земли.

Мангазейское городище расположено на правом высоком берегу р. Таз, в нескольких километрах за полярным кругом, между устьем небольшой речки, именуемой в настоящее время Мангазейской, а в XVII в. называвшейся Осетровской, и крутым ложком. Теперь этот ложок сухой, но, насколько можно судить по «Росписному списку», в свое время по нему протекал ручей, именованный Ратиловкой.

Общая протяженность городища по берегу Таза несколько превышает 300 м, в глубину городище простирается не свыше 150—200 м. В современном его состоянии городище резко отличается своим растительным покровом от окружающей тундры и прилегающего со стороны Ратиловки лиственного леса. В верхней части, на протяжении 200 м от устья Осетровки и в частях, расположенных над берегом этой речки, оно поросло травой, достигающей в иных местах человеческого роста. Нижняя (по течению Таза), но более возвышенная по рельефу, часть городища покрыта березовой рощей, особенно густой близ Ратиловского ложка, с подлеском из шиповника и красной смородины.

Как было упомянуто, к нижнему (северо-западному) концу городища примыкает лиственный лес, граничащий с Ратиловским ложком. С севера и северо-востока с городищем граничит небольшой участок тундры, поросшей полярной березкой и багульником. С восточной стороны оно ограничено долиной Осетровки, левый берег которой представляет собой возвышенную гряду, поросшую густым еловым лесом. Южная часть городища, выходящая на р. Таз, представляет собой более или менее крутой обрыв, увеличивающийся по своей высоте по направлению от Осетровки к Ратиловскому ложку, где он достигает 10—12 м. В настоящее время обрыв несколько задернован, но еще 5—6 лет назад он интенсивно подмывался Тазом, особенно в верхней части городища, где рекой уничтожена довольно широкая полоса. Во всяком случае, местные жители указывают, что после половодья «из берега вываливались целые дома».

По характеру рельефа и остаткам строений городище распадается на несколько частей. В самой нижней и в то же время возвышенной части городища был расположен острожек, занимавший неправильную трапециевидную площадь. Очертания острожка прослеживаются весьма точно как по резкой границе травяной и тундровой растительности с западной и северной стороны, так и по канавкам, идущим по внутреннему и внешнему краям стены. Стены городка, как известно, были срублены в ряж, что и оставило след в виде полосы, шириной 3 м, окаймляющей территорию острожка. Клетки ряжей были удлиненной формы, поскольку следы перерубов заметны на расстоянии 3 м один от другого. От башен более или менее сохранились следы угловых. Давыдовская башня «что над Тазом рекой»¹, имеет квадратную форму и построена с внутренней стороны го-

¹ «Росписной список Мангазеи». Русская историческая библиотека, т. II.

родской стены. Основание ее покоилось на ряде свай из лиственничных бревен диаметром 25—30 см, верхушки которых отчетливо заметны здесь по внутренней стороне стены. Остатки башни имеют в настоящее время очертание холма подквадратной формы, размером около 9×9 м, высотой около 2 м.

Совершенно сходные размеры и очертания имеет Зубцовская башня, также стоящая над Тазом. Успенская отличается от них лишь менее значительным холмом, но ряд свай выступает весьма отчетливо. От Ратилловской башни, расположенной в северо-западном углу острожка, следов осталось гораздо меньше. В средней части квадрата башни еле приметны следы нижних окладов сруба. Еще хуже сохранилась въездная Спасская башня.

Следующая по площади, самая большая часть городища, имеет протяженность 190 м по берегу Таза, считая от устья Осетровки, и 100 м в глубь берега, где она ограничена небольшим пологим ложком, идущим от Осетровки. Повидимому это была основная жилая часть города — посад, который известен нам по источникам. Вся поверхность этой части сплошь покрыта четырехугольными ямами и буграми — остатками жилищ. Обследование показало, что установить расположение домов и выяснить таким образом расположение улиц и порядков без раскопок невозможно.

На основании поверхностного осмотра городища можно лишь притти к выводу, что общее направление расположения построек прибрежной части посада было более или менее параллельно берегу, а в северной части посада — следовало контуру и сгибу ложка. Самый ложок, судя по характеру его профиля и пологости, несомненно, использовался в качестве взвоза; можно даже проследить, как дорога от него шла к Спасской башне. В центре посада возвышается холм, хорошо видимый со всех сторон. На нем прекрасно различимы остатки довольно большого строения площадью 6×14 м, вытянутого в направлении с запада на восток. С северной части к нему примыкает небольшая пристройка приблизительно 4×4 м. В отличие от многих других, это здание сохранилось относительно хорошо. Сохранились нижние ряды сруба и бревна от обвалившегося потолочного перекрытия.

Судя по расположению, ориентировке и размерам, можно предполагать, что это здание было одной из двух церквей, существовавших, как известно, в посаде. С южной части холма, немного отступя от его подножья, протянулась линия хорошо сохранившихся срубов, тесно примыкающих один к другому. Эти срубы образуют ряд в 4—4,5 м шириной и более 20 м длиной. Следы подобного же ряда строений примыкают к первому под прямым углом с восточной его стороны.

С северной стороны города находятся еще два участка, несколько изолированные от остальных частей. Одним из них является расположенный к северо-востоку от Успенской башни небольшой холмик, на котором заметны следы строений. Другой пункт находится к северу от посада, непосредственно за взвозом. Он представляет собой площадку довольно правильной прямоугольной формы свыше 25 м в ширину и 35 м в длину. В юго-западной части площадки находятся остатки строения, ориентированного с запада на восток. Близ восточной стороны прямоугольника находится квадратная (4×4 м) впадина от другой постройки. Поверхность всей площадки несколько бугристая, местами различимы небольшие удлиненно-овальные впадины.

Если учесть описание Мангазеи и ее посада, то в этом участке можно видеть кладбище с находившейся на нем церковью. Однако это кладбище, вероятно, не является единственным в Мангазее. Следы могильника были

обнаружены в ельнике на возвышенном мысу левого берега Осетровки. По словам местного жителя Сельницына, им был найден здесь сгнивший деревянный крест. Мы вынуждены были ограничиться лишь сбором подъемного материала и расчисткой 300 м² песчаной осыпи у подножья берегового обрыва. Тем не менее и это дало весьма интересный по своему содержанию материал.

В составе его имеется большое количество серой (восстановительного обжига) керамики, типа конца XVI, начала XVII вв.: кости коров и свиней мелкой породы, многочисленные железные поделки, фрагментированный оловянный бокал, осколок китайского фарфорового сосуда, фрагменты сосудов из цветного полосатого стекла, 11 русских монет того времени и одна нюрнбергская, серебряные и бронзовые поделки и украшения, свинцовые пули и т. д. Здесь же на берегу, среди скоплений керамики, найдены куски сильно перекаленной глины, а немного в стороне — железная окалина и два бесформенных куска бронзовой отливки.

Размеры посада, обилие в нем жилищ, кости коров и свиней свидетельствуют о значительном и постоянном населении в городе. Собранный вещевой материал, несмотря даже на свою неполноту, дает основания для некоторых выводов, меняющих установившийся на Мангазею взгляд лишь как на военно-торговый форпост. Нам представляется, что Мангазея имела несравненно более широкое значение. Она была прочно обжитым местом, где русские стремились создать привычный для них уклад, хозяйство и даже, нелегкое при местных условиях, домашнее животноводство.

Можно также полагать, что Мангазея жила не только привозными товарами. Обилие простой глиняной посуды, железных гвоздей и других поделок, сырой и дубленой кожи, бронзо-литейных отходов и т. д. свидетельствует о наличии в городе ремесленников, работавших на местный рынок.

Но основной удельный вес в Мангазее имела все же торговля с поразительно широким для своего места и времени размахом. Европейская стеклянная посуда, китайский фарфор и нюрнбергская монета с достаточной наглядностью иллюстрируют торговую мощь Мангазеи. Не приходится удивляться количеству проходившей через нее пушнины. Богатая своим и привозным товаром, она, естественно, притягивала к себе «мягкую рухлядь» из всех прилегавших к ней областей тайги и тундры.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС — Археологические съезды

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры

ГИМ — Государственный исторический музей

ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина

ИАК — Известия Археологической комиссии

ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии

ЛОИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры

МГУ — Московский государственный университет им. Ломоносова

МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР

ОАК — Отчеты Археологической комиссии

ОИФ АН СССР — Отделение истории и философии АН СССР

IosPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Советская археология к тридцатилетию Великой Октябрьской Социалистической Революции	3
I. Сообщения о докладах, прочитанных на заседаниях Отделения истории и философии АН СССР, посвященных итогам полевых археологических работ ИИМК АН СССР имени Н. Я. Марра за 1946 г.	11
<i>Б. Б. Пиотровский.</i> Раскопки урартской крепости на холме Кармир-Блур	13
<i>П. Н. Шульц.</i> Раскопки Неаполя Скифского	16
<i>Н. Н. Погребова.</i> Мавзолей Неаполя Скифского	22
<i>С. П. Толстов.</i> Хорезмская экспедиция	33
<i>А. Ю. Якубовский.</i> Согдийская экспедиция	34
<i>С. В. Киселев.</i> Археологическая поездка в Монголию	35
<i>М. К. Каргер.</i> Киевская экспедиция	38
<i>Б. А. Рыбаков.</i> Раскопки в Чернигове	40
II. Сообщения о докладах, прочитанных на заседаниях Пленума ИИМК АН СССР имени Н. Я. Марра, посвященных итогам полевых археологических работ Института за 1946 г.	43
<i>М. В. Восводский.</i> Результаты работ Деснинской экспедиции	45
<i>П. И. Борисковский.</i> Работа на Среднем Днестре по изучению палеолита	46
<i>А. П. Черныш.</i> Палеолитическая стоянка у Владимировки	47
<i>Н. Н. Гурина.</i> Результаты археологического обследования южного побережья Кольского полуострова	55
<i>А. Я. Брюсов.</i> Сообщение о результатах Вологодской археологической экспедиции в Чарозерском районе Вологодской области	58
<i>М. Е. Фосс.</i> Галичская экспедиция	58
<i>А. В. Збруева.</i> О результатах работ Камской экспедиции	59
<i>С. Н. Бибииков.</i> Дотрипольское поселение Лука-Врублевская	60
<i>Т. С. Пассек.</i> Трипольское поселение у Владимировки в свете новых исследований	65
<i>Б. Н. Граков.</i> Никопольская экспедиция	73
<i>М. И. Артамонов.</i> Югоподольская экспедиция	74
<i>А. П. Окладников.</i> Колымская экспедиция	76
<i>М. П. Грязнов.</i> Работы Алтайской экспедиции	77
<i>Л. А. Евтюхова.</i> Развалины дворца в «Земле Хягяс»	79
<i>А. Н. Бернштам.</i> Древняя Фергана	86
<i>Е. И. Крупнов.</i> Северокавказская экспедиция	88
<i>В. Ф. Гайдукевич.</i> Раскопки Тиритаки и Мирмекия	89
<i>В. Д. Блаватский.</i> Террасы Пантикапея	91
<i>В. Д. Блаватский.</i> Раскопки в Керчи	93
<i>И. И. Ляпушкин.</i> Поселения эпохи железа в бассейне реки Ворсклы	96
<i>П. Н. Третьяков.</i> Днепровская экспедиция	98

<i>Я. В. Станкевич.</i> Шестовицкие курганы	100
<i>А. В. Арциховский.</i> Беседские курганы	101
<i>А. М. Ефимова, О. С. Хованская, Н. Ф. Калинин, А. П. Смирнов,</i> Раскопки развалин Великих Болгар в 1946 г.	102
<i>Е. Видонова.</i> Ткани и шитье XIV в. из раскопок в Великих Болгарах	112
<i>А. Л. Монгайт.</i> Раскопки в Старой Рязани	118
<i>Л. И. Якунина.</i> Фрагменты тканей из Старой Рязани	126
<i>В. И. Цалкин</i> Палеофауна Старой Рязани	128
<i>А. Л. Монгайт.</i> Об археологических работах в Софийском соборе Новгорода Великого	135
<i>Н. Н. Воронин.</i> Муромская экспедиция	136
<i>С. А. Тараканова.</i> Раскопки в Псковском кремле	140
<i>М. Г. Рабинович.</i> Археологические раскопки в Москве	148
<i>В. Н. Чернецов.</i> О работах Мангазейской экспедиции	159

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор Издательства *С. Г. Попова*
Технический редактор *О. В. Залышкина*
Корректор *Л. К. Николаева*

*

РИСО АН СССР № 2992. А — 10444. Издат. № 1334
Тип. заказ. № 3318
Под. к печати 25/XI 1947. Формат бум. 170×108¹/₁₆
Печ. л. 10¹/₈. Уч.-издат. 14¹/₈+8 вклеск Тираж 8000

*

2-я типография Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10.